

Владислав ШУРЫГИН

В АРКТИКЕ У НАС ВСЁ СХВАЧЕНО

Владислав ШУРЫГИН – военный эксперт. Сегодня он говорит о Севере.

– Как вы считаете, необходимо ли в нынешних условиях и в текущей международной обстановке усиление российского военного присутствия в Арктике?

– Это не совсем корректная постановка вопроса, потому что Россия и так единственная страна, которая имеет адекватное военное присутствие в Арктике. Мы имеем полноценную группировку, в которую входит всё: начиная от тяжёлых и средних ледоколов, кончая оборудованными арктическими базами, системами ПВО, аэродромами и целым арктическим командованием, которое занимается этим направлением.

– То есть наша нынешняя арктическая группировка, на ваш взгляд, вполне способна отвечать вызовам времени?

– Да, наша группировка сегодня абсолютно адекватна тому состоянию дел в Арктике, которое есть. Более того, как я уже сказал, мы по военному присутствию в Арктике превосходим всех остальных участников арктического клуба.

– Ваш прогноз: как в ближай-

шей перспективе будут развиваться события в Арктике, в частности со стороны Америки и стран НАТО?

– Думаю, что, безусловно, все эти страны будут усиливать своё присутствие, потому что споры за Арктику только начинаются. Несмотря на то, что нами проведена очень большая работа по разграничению шельфов, по определению нашей экономической зоны, которую мы сохраняем за собой, при этом все остальные, конечно, будут занимать тем же самым, и я не исключаю, что в какой-то момент начнётся некое давление на Россию, обладающую самой большой экономической зоной в Арктике.

– А что вы думаете по поводу ядерной угрозы со стороны США через северный полюс? И как вы относитесь к опасениям, что борьба за Северный морской путь может стать отправной точкой для Третьей мировой войны?

– Нет, это исключено. Направление удара через Арктику обсуждается примерно с 1950-х годов, как только США вооружили атомными бомбами свои бомбардировщики, а потом соответственно появились балли-

стические ракеты. Это самый прямой путь к России, который выводит к её экономическим и политическим центрам, он существовал, можно сказать, всегда и существует до сих пор. А Северный морской путь – это уже некая трасса, которая походит частично по нашим территориальным водам, частично по нашим экономическим водам, соответственно, находится сейчас под полным нашим контролем.

– Стоит ли нам в этом плане опасаться Китая, который проявляет активную заинтересованность в Северном морском пути? Они и так нас стерегут с юга, на Дальнем Востоке, а тут ещё Север...

– Чтобы контролировать наш Северный морской путь, им нужно занять Сибирь. Так что это разговор либо об общей китайской угрозе, который на данный момент не актуален, либо разговор ни о чём. Китай на данный момент имеет свои интересы в Арктике, но он туда заходит с другой стороны, либо предпочитает работать вместе с Россией.

Беседу вёл Евгений БОГАЧКОВ

№ 2 (120), 2019

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

В оформлении обложки использованы
фотографии Марии Алёшиной,
сделанные на Соловецких островах.

Подписано в печать
2 апреля 2019 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ОАО
«Подольская фабрика офсетной печати»,
142100, Московская обл.,
г. Подольск, Революционный пр-т, д.80/42
тел. (496) 769 97 22

Заказ 699

СОДЕРЖАНИЕ

- Мнение эксперта
Владислав ШУРЫГИН.
В Арктике у нас всё схвачено..... **1**
- Арктика – наш дом
Олег ХИМАНЫЧ.
Новая Земля. Закрытые острова..... **3**
- Трагедия или триумф
Вадим КУЛИНЧЕНКО.
Спасение челюскицев..... **33**
- Встречь Солнцу
Олег ДЗЮБА.
Камчатские ветры над Чёрной Речкой..... **34**
- Древо родства
Владимир БЕРЯЗЕВ.
Через пальцы прожгло пацана..... **38**
- По следам «опального Орфея»
Сергей СУЩАНСКИЙ.
С Черчиллем я на дружеской ноге!, или ТЕГЕРАН-43..... **44**
- Территория
Пётр ЦЫБУЛЬКИН.
«Невкусные» выводы..... **48**
- Остров белых медведей
Михаил СВЕРЛОВ.
В осаде..... **51**
- Арктический детектив
Николай ЧЕРКАШИН.
ТДС и РЗМ..... **56**
- Тогда и сейчас
Иван КОРОТКОВ.
Начальницы Чукотки..... **75**
- Марциальные воды
Олег МОШНИКОВ.
Петровский исток..... **78**

Олег ХИМАНЫЧ

Новая Земля. Закрытые острова

«Первая достоверная карта берегов Новой Земли была составлена в 1596–1597 голландским мореплавателем Виллемом Баренцем».
(Справочник по истории географических названий на побережье СССР)

Мы шли на Дудинку Карскими воротами. Ясно, но ветрено было. Слева уже открылась чёрная полоса суши – сплошь в рубцах. Снизу эти камни накат белым подбивал, а поверху тундра набросала лоскутки зелени.

Вахтенный, не отрываясь от бинокля, нашему рулевому Сергею Донченко:

– Сергей, ты, кажись, срочную на погранце тянул?

Тот, всеми замечено, парень необщительный, и в разговоре у него всё через «ну»:

– Ну, тянул...

– Здесь, на море?

– Ну, на северах...

– На ПСКРе?

– Ну, на ПСКРе...

– Имени какого съезда?

– Ну, двадцать шестого КПСС...

– Так это, кажись, твои сослуживцы кемарят...

Пограничный сторожевой корабль – ПСКР «Имени XXVI съезда КПСС» стоял на якоре в двух милях от берега Новой Земли, стерёг архипелаг...

У Донченко вдруг исчезли все «ну» и он стал разговорчивым:

– Гоняли мы прошлой осенью «Гринпис» у Маточкина Шара... Целая история вышла, и в газетах про то писали. Даже стрельнуть предупреждающими пришлось...

– Что же «зелёные» так нагнали?

– На берег высаживались... А высаживаться не положено. Там наша граница и закрытые острова...

1

Старика крутого нрава и в неизменной тельняшке мы, мальчишки, прозвали Адмиралом. Он жил в соседнем дворе. Левую руку старик оставил в сорок втором где-то на море, а ещё и привёз домой кучу осколков по всему телу. По большим праздникам он позволял себе

расслабиться, и тогда слёзы катились по его щекам: «Загубили, каналы, эсминец!». Память о каком эсминце приводила его в столь сентиментальное состояние, и называл ли он его вообще, уже и не помню. Однако врезалось, как между делом поминал старик солёным словом американцев, атомную бомбу и Новую Землю...

Этот сполох в моей памяти потом очень долго мерцал, пока, наконец, не открылась подоплёка его слёз. Кажется, «Морской сборник» впервые выдал ту статью об атомных взрывах в губе Чёрной, и в её строках: под ядерный удар в качестве опытовых кораблей испытатели выставили североморские эсминцы Великой Отечественной – «Куйбышев», «Урицкий», «Карл Либкнехт», «Разъярённый», «Грозный», «Гремящий»...

С практической точки зрения, в том была логика – не губить же новые корабли, если есть старые! А если эти старые – заслуженные, гвардейские?! Верить не хотелось! Горчила фраза – «отслужив свой срок, внесли свою лепту в повышение боеготовности». Да и сейчас от неё муторно.

Что я, родившийся в год создания полигона, мог знать о Новой Земле?

Только из школьной географии – малонаселённый архипелаг в Арктике. Но и, став старше, что мог узнать, если взрослые старались держать язык за зубами? Как из Северодвинска на полигон везли компоненты самой первой атомной бомбы? Как на Яграх к её взрыву готовили почти десяток опытовых кораблей? Об этом узнал много позднее.

В соседнем Архангельске о Новой Земле знали и судачили больше – всё же и его пароходство, и гидрография, и метеослужба на Арктику работали, и не могли о полигоне не знать. Город догадывался и потому перешёпывался. А в массовом сознании советских людей «закрытые острова» лет тридцать существовали весьма абстрактно, пока Союз не зашатался от «горбачёвской перестройки»: тут и «разрядка», и политика открытости, от которых затем не только берлинская стена рухнула.

НАТО у Новой Земли с послевоенных лет дневал-ночевал, а тогда, в конце восьмидесятых, ещё и «Гринпис» на неё нацелился. И пошло-поехало: доклады «Беллуны» с пугающими мегатоннами, непонятные большинству мЗиверты, излучатели с периодом полураспада, микрорентгены в час... На обывателя обрушилась лавина сложной информации, а порой и маловразумительной. Читать, узнавать о бывших государственных секретах людям было и любопытно, и тревожно, и,

вероятно, полезно. Однако не скрою, уже тогда во всём крепко ощущался привкус политических страстей. По этому заявлению иных деятелей, в частности, депутатов Съезда Советов, меня настораживали. Потом, наконец, объявили мораторий на проведение ядерных испытаний, и новоземельский полигон затих. Численность военных на нём сократили, уменьшилось и в целом зимующее на островах население. А вскоре «общественность страны» вообще потеряла к Новой Земле интерес – уральский прораб Ельцин устроил ей куда более остросюжетный спектакль...

Первый раз в Белушке я оказался осенью 2009-го, когда отмечали 55 лет Центральному полигону. Четыре года спустя на Новую Землю меня позвал его начальник – полковник Андрей Анатольевич Синицын. К слову, и полетели-то мы с ним на острова в одном самолёте. Синицын, чтобы продолжать службу, а я за впечатлениями и материалом для новой книги. Сентябрь клонился к октябрю – для кораблей флотского тыла и военных гидрографов навигацию уже закрывали. Так отчего же не слетать на Новую Землю, если морем путь заказан?

Аэродром Талаги. Ан-72 на стоянке. Ан-72 – можно сказать, воздушный вездеход. Он и создавался с прицелом для Арктики – чтоб умел взлетать и садиться на лёд, а также на неровный или размокший грунт. А ещё в его проекте конструкторы сумели прийти к сочетанию мощных моторов, высоких несущих свойств крыла и «вездеходного» шасси. Лётчики и полярники машину хвалят. У самолёта два двигателя, которые вынесены над центропланом – выглядит необычно. Поэтому полярники прозвали Ан-72 «Чебурашкой», а военные НАТО нарекли его – Coaler, то есть – «Угольщик». С чего вдруг – непонятно, ведь самолёты эти, как правило, с белым фюзеляжем, чистенькие.

Самолёт уже загрузили через хвостовую аппарель. Нас позвали на короткий трап, что в носу. По левую руку – кабина лётчиков. По правую – сразу же «салон» – грузовой отсек – отделяется от носовой части шторами-занавесками. На всё внутреннее пространство – четыре иллюминатора, причём диаметром, как у суповой тарелки. По левому борту от носа в хвост – разметка. Первые шесть-восемь метров – пассажирские кресла, а дальше собственно груз: сетки капусты, ящики помидоров, коробки, тюки, мешки с неизвестным содержимым, скорее всего – продуктами, а сверху самый хрупкий груз – яички в куриными яйцами. Перед самой аппарелью, что в корме – снова занавески. Имеется БПУ – бортовое погрузочное устройство – такая гидравлическая лебёдка. Аншлаг: «К работе с БПУ допускаются только аттестованные лица»...

Мы расселись, пристегнулись ремнями и сначала слушали, как набирают обороты двигатели. Потом по лёгким учащённым потряхиваниям догадались – самолёт катится, разбегаётся по полосе, а по толчку откуда-то снизу поняли – мы взлетели и пилоты убрали шасси. А куда летим – не видно. Но знали – летим на север, в Рогачёво, и если без встречного ветра, так это часа два или немногим больше. В соседстве с овощами полетели мы, но не в обиду...

Приземлились в Рогачёво. Этот аэродром – главная воздушная гавань Новой Земли. Здесь и первое историческое наименование, с которым сталкивается всякий попавший на архипелаг по воздуху – в память о кондукторе флотских штурманов Г.С. Рогачёве, который работал здесь в 1838-1839 годах.

На борт поднялся наряд из службы режима, чтобы

проверить у всех прибывших документы. Так принято – порядки на закрытых островах строгие. Проверили, тогда мы и вышли. Встречающие уже ждали на аэродромной бетонке – подъехали сразу несколько автомашин. Тут же и вездесущие флегматичные полярные собаки. Эти по своей инициативе встречают каждый прибывший борт. На полосе гулял пронизывающий ветер, зябко...

Четырнадцать километров дороги из Рогачёво в Белушку наш УАЗик катился не по асфальту, по бетонным плитам. За окнами – тундра, тундра, тундра безмянная... Правда, оказалось на нашем пути место, прозванное пугающе – Долина смерти. На карте его не найти – это местная топонимика. В своё время здесь погибли восемь военнослужащих. Они отправились пешком из Рогачёво в Белушку, как внезапно началась метель (в тундре она, как правило, внезапна). Парням негде было укрыться – они замёрзли, и на новом кладбище посёлка теперь их братская могила...

Скоро въехали в Белушку, а правильнее сказать – в посёлок Белушья Губа, названный так по названию заливчика, который был описан и нанесён на карту Фёдором Петровичем Литке в 1823-м. Пожалуй, первые крепкие поселенцы Новой Земли пошли отсюда...

Иван Сергеевич Соколов-Микитов высаживался в Белушья Губе с борта «Георгия Седова». Было это летом 1930 года. «Большими, казённого типа, скучноватыми домами» посёлок промышленников напомнил ему... железнодорожную станцию. Конечно, сегодня нет ничего похожего. Становище охотников и морских промысловиков располагалось здесь на первой же галечной террасе, близ берега, а в пятидесятых посёлок и поднялся выше, и переместился дальше от бухты – к узкому и глубоко вторгшемуся в сушу заливу Гаврилова. Вот, кстати, и ещё одно историческое наименование – в честь и память моряка-гидрографа, капитан-лейтенанта Александра Александровича Гаврилова...

В Белушке всего четыре улицы. Центральной из них считается Советская. Здесь и пятиэтажные дома, стены которых защищены сайдингом, и жилые дома этажностью поменьше. Здесь же: главный магазин, гарнизонный ДОФ, гостиница, прозванная «пятеркой», поликлиника, офицерская столовая, небольшой православный храм. Есть ещё небольшая улица 850-летия Москвы – это, видимо, в благодарность московским шефам, которые в трудные для полигона времена, помогли ему, чем могли. Улица Снежная на окраине посёлка: по правую сторону от дороги – три разрушенных дома, каждый в три этажа. Раньше в них проживали семьи военнослужащих из подразделений ПВО. Наконец, улица, наречённая в память о вице-адмирале адмирале Петре Фомиче Фомине. И вовсе не случайно. Именно этому заслуженному флотоводцу из множества опекавших архипелаг во времена «отработки, испытания и обеспечения ядерным оружием кораблей и частей ВМФ», удалось обосновать, доказать и воплотить идею о том, что в заполярных широтах всё-таки можно жить военнослужащим со своими семьями, то есть, покончить с казарменным бытом Новой Земли. В принципе и сам выросший в краю нескончаемых ветров и вечной мерзлоты городок гарнизонного типа сегодня может считаться памятником вице-адмиралу Петру Фомичу Фомину.

В определённом смысле военный человек – человек подневольный. Гарнизоны ставились в южной части архипелага и раньше, даже в годы раннего Русского государства, когда царь Иван IV Грозный повелел

Вице-адмирал Пётр Фомич Фомин – один из основателей атомного полигона на Новой Земле, создатель современной Белушки

поставить на берегу пролива стрелецкий острог-таможню. Правда, недолго она простояла – люди вскоре вымерли от непереносимых тягот.

А в 1920 году на Новую Землю прибыли первые два уполномоченных, а с ними десять красноармейцев – для первой трудовой коммуны – тоже ведь воинский контингент. Уполномоченные не уцелели в первой же местной зиме, а красноармейцы уехали через год.

В войну на архипелаге расквартировали подразделения Новоземельской Военно-морской базы, но война ещё не окончилась, как их расформировали. И только директива Генштаба СССР от 7 сентября 1954-го о создании испытательного полигона решительно и надолго вытеснила гражданскую жизнь с архипелага.

Человек приезжий, сторонний сегодня сразу заметит, что Белушка живёт размеренной жизнью, как любой гарнизонный городок на Большой земле, по некоему негласному Уставу. Сегодня социальный расклад населения Белушки в целом таков: те, кого на Новую Землю забросила воинская служба, в подавляющем большинстве. Остальные – из их семей, плюс те, кто ушёл в запас и решил до поры задержаться на островах. Так сложилось.

На улицах нет праздной публики, и многолюдно бывает лишь во время торжественных построений, парадов и народных увеселений. Усиливают это впечатление частые пешеходы во флотских шинелях или в камуфляжной форме (последних, к слову, больше), редкие автомашины, окрашенные в защитно-полевой цвет, с обозначениями Минобороны на дверцах кабин...

В 2009-м на празднование юбилея полигона съехались ветераны. Среди них немало оказалось моих знакомых. И случилось, ходили мы по окрестностям Белушки. Они всё глядели по сторонам, пытались вос-

становить, что и где было по их молодости. Живо откликнулась их память, а я их слушал...

– Здесь была наша казарма, а там пост ПВО...

– Видишь это здание на берегу, влево от причала? Охраняли его – муха не пролетит! Потом офицеры шепнули: хозяйство подполковника Негина – там его команда бомбы собирала...

– Мы сначала в щитовых домиках жили, потом уже на плавказарме. Её притащили, заякорили вон там – ближе к выходу из залива...

Об эпизодах «гражданской жизни» на островах в тот день так никто и не вспомнил – будто вовсе и не было её. Образовать свой муниципальный округ на архипелаге решили летом 1999 года. Однако и с той поры во внешнем облике посёлка мало что изменилось, и военная струнка, взявшая ноту более шести десятков лет назад, звучит и сейчас.

2

Новая Земля – русская земля, точнее – российская. Однако и ничейной она тоже считалась, и довольно долго. Вокруг географического открытия архипелага и по сей день ведутся дискуссии – точных данных нет, есть лишь версии. Нет и точно установленных дат. Одни готовы утверждать: об островах люди знали уже в X-XI веке, другие не соглашаются – первые сведения появились предположительно не позже XV столетия.

Знать-то, быть может, и знали, видели или предполагали, но, кто из мореходов и когда впервые сделал соответствующую запись в бортовой, а потому исторический журнал? Полагают, ими стали Хьюго Уиллоуби и его штурмана. Год 1553-й, 14 августа. Англичане даже хотели, было, назвать обозримые берега Землёю Уиллоуби, но их вскоре «поправили» русские поморы – сообщив, что суша эта, хотя в документах и не обозначена, но им известна, и по-русски зовётся Новой Землёй. Ещё через три года другие англичане, уже из экспедиции Стифена Борро, тоже увидели неведомую твердь, и тоже задокументировали сей факт, но тогда же, как и морякам Уиллоуби, встретились им русские поморы...

Много сегодня можно говорить о первенстве открытия, но всё это из разряда версий. Взять хотя бы отчаянные одиссеи китобойного промысла, что увлекал европейцев далеко на север. Бесстрашные зверобойи Атлантики на своих парусниках забирались порой в неослимые северные широты, и тому есть неоспоримые доказательства. Кто ныне поручится, что в подозрительные трубы им не открывалась тогда во всех смыслах Новая Земля? Поэтому можно и усомниться в утверждении уважаемого Ивана Сергеевича Соколова-Микитова, мол, «Новая Земля была неведома европейцам», когда к ней ходили «вольные новгородцы на крепких смоляных ладьях».

Ещё большим интересом, чем странники-китобойи, прониклись к Арктике торговые компании Старого Света – к востоку от Нордкапа они искали короткий морской ход в Индию и Китай. Когда российских крестьян-поморов к Новой Земле гнала повседневная нужда, европейцы уже жили глобальными торговыми перспективами. Все исследовательские экспедиции в Арктику того времени снаряжали вовсе не меценаты-романтики, а предприниматели-купцы. Три таких плавания на самом закате XVI столетия совершил голландец Виллем Баренц – имя его носит море, омывающее Новую Землю с запада. Впрочем, он и на суше архипелага побывал, и послед-

ний свой шаг великого исследователя сделал в бухте Ледяной на восточном побережье.

Иными словами, кто первым увидел берега архипелага – русские, норвежцы, голландцы или англичане – этого никто уже точно не скажет, и разговоры о первенстве в открытии Новой Земли сегодня кажутся мне надуманными, лишёнными практического смысла, ведь территориальную принадлежность архипелага России никто не оспаривает. Другое дело повышенный интерес к биоресурсам омывающих морей, а в последние годы ещё и шельфа.

Острова изобиловали зверем, птицей и рыбой. Людская молва постепенно разнесла по свету легенды о несметных богатствах архипелага. Но сколь они были правдивы? Действительно, остались свидетельства современников о том, что буквально один промысловый сезон на островах мог «озолотить» удачливого добытчика. И не зря же в 1748 году царским указом казённые сальные промыслы и торговля салом в Архангельске были переданы в частное содержание графу П.И. Шувалову, а ещё через двадцать лет Сенат предоставил местному купечеству право поставлять сало морского зверя за границу. За Новой Землёй закрепилась репутация труднодостижимого, но доходного места.

Игорь Леонидович Дубонос, новоземелец, местный краевед, утверждал мне, что острова влекли поморов не только традиционными морскими и пушными промыслами.

– Жемчужина, как вы знаете, живёт от трёхсот до пятисот лет. А так называемая «зелёная нетленница» вечна, – поведал Игорь Леонидович. – С этим связаны всевозможные легенды о том, что новгородцы, а позже и знаменитые купцы Строгановы, поставляли в Европу жемчуг. Но не только речной. Не раз пытались они снарядить на Новую Землю экспедиции для поисков «вечных жемчужин». Отсюда же и поверья о том, что якобы языческие народы, населявшие арктические простран-

ства, поклонялись Богине Северной Звезды и платили ей некие откупные «зелёной нетленницей». Конечно, всё это можно назвать отголосками в фольклоре, но, как вы знаете, в каждой сказке есть намёк...

– Имеются ли на Новой Земле тому доказательства, артефакты, археологические следы?

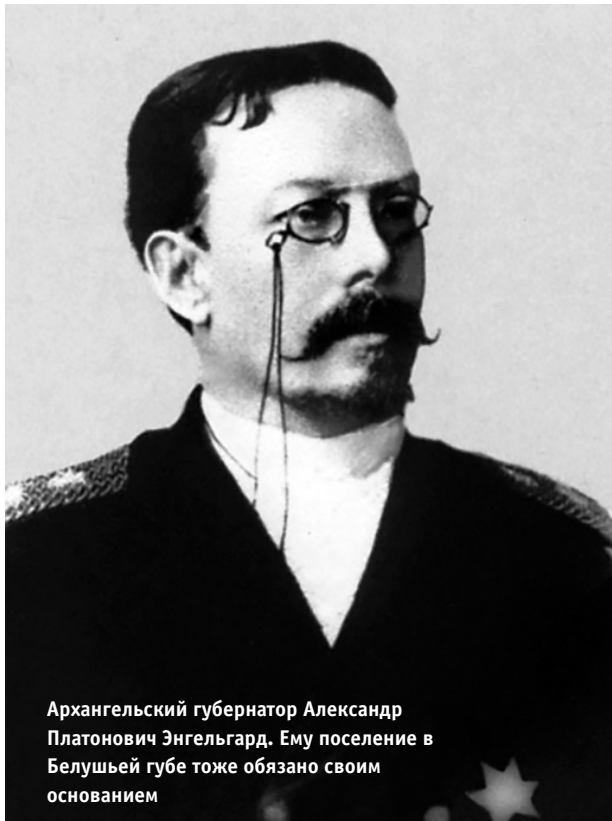
– Археологи на островах по понятным причинам появлялись нечасто и нерегулярно, да и современные раскопки были начаты ими достаточно поздно. Тем не менее, в южной части архипелага обнаружены срубы древних зимовий, изб, следы пребывания людей, найденны и жемчужные раковины, точнее – их окаменелые останки...

Залив Гаврилова режет восточную окраину посёлка Белушья Губа длинной и узкой полосой, настолько длинной и узкой, что залив можно принять за протоку. Берега его неопрытны. С одного на другой в одном месте по шести ряжевым тумбам перекинута труба водоводов. Кажется, им много лет, по меньшей мере, трассы выглядят полуразрушенными. Ведут они к таким же постройкам на противоположном берегу – там оставленные людьми здания – их немало, и не такая уж это редкость в Белушке. Вокруг развалин множество выбеленных брёвен, столбов – покосившихся, а то и поваленных. Ближние холмы на северо-востоке светло-торфянистого цвета. Едва выглянет яркое солнце, они стремительно желтеют пятнами. Это смурая трава тундры, вечно приглаженная ветром. А дальше к горизонту, в редкие часы, или даже минуты солнечного стояния, виднеются рубцы и сколы сине-серых сопок Рогачёво. Если стать лицом к заливу, не только жилые дома, вся Белушка окажется за спиной. И причалы, и входные створы, и море тоже будут за спиной и даже очень далеко, иной раз их даже не разглядеть. А впереди – только тундра без конца и края.

На Новой Земле многое названо именами первопроходцев, и не случайно, большинство из них – военные гидрографы. Окрест Белушки сразу несколько таких пунктов. О Рогачёво и заливе Гаврилова мы уже говорили. А вот мыс Морозова, что не так уж и далеко от посёлка – он назван в честь русского офицера-гидрографа Николая Васильевича Морозова, известного исследователя Новой Земли, Мурмана и Белого моря. Бухта «Самоед» носит название судна, на котором в 1896-м работала экспедиция лейтенанта Афанасия Михайловича Бухтеева. Мыс Лилье и бухта Назимова – в честь офицеров той же экспедиции – Ивана Ивановича Назимова и Владимира Александровича Лилье, а острова Фефелова обязаны своим названием мичману Михаилу Александровичу Фефелову... А если взять в целом архипелаг, то любопытствующие отыщут на его карте десятки, если не более сотни имён офицеров-гидрографов, из далёкого прошлого и недавнего.

Жаль, правда, не увековечено имя Александра Платоновича Энгельгарда, архангельского губернатора. Этот энергичный чиновник постоянно тормозил правительство России, и от того порой случался положительный результат. К слову, становище Белушья Губа – нынешняя Белушка своим появлением обязана Энгельгарду, ведь именно он настоял на промерах глубин в удобной бухте южнее Малых Кармакул...

Интерес России к Новой Земле пробудился в первой четверти XIX века. Был он сугубо практическим, и начало ему положила экспедиция Фёдора Петровича Литке. Позже на острова отправились люди русского естествоиспытателя Карла Максимовича Бэра. Но самую яркую

Архангельский губернатор Александр Платонович Энгельгард. Ему поселение в Белушьяй губе тоже обязано своим основанием

Надгробие Петра Кузмича Пахтусова в Соломбале. В свои плавания к Новой Земле он отправлялся из Архангельска. Похоронен там же

страницу в летопись и карты архипелага вписал десятилетием позже поручик корпуса флотских штурманов П.К. Пахтусов. Сегодня его судьба – легенда и быль. Все свои тяготы и короткую жизнь Пётр Кузьмич посвятил Новой Земле. Самый знаменитый памятник Пахтусову – сыну балтийского шкипера – воздвигнут в Кронштадте, а надгробный камень установлен на Соломбальском кладбище в Архангельске. По мрачному совпадению со скоростной смертью Пахтусова стал угасать и упомянутый интерес России к островам. Тому, правда, предшествовала ещё и трагическая зимовка на архипелаге экспедиции Августа Карловича Цивольки...

Зато примерно через четверть века оживилась Европа, особенно норвежцы – известные полярные рыбаки, зверобой и мореходы. Особый вклад их в исследование Баренцева и Карского морей невозможно отрицать. Здесь и плавание Эллинга Карлсена на шлюпе «Солид» к северу от Новой Земли, и поход в те же широты Фрица Макка на «Полярной звезде», и знаменитый труд Эдварда Юханнесена «Гидрографические наблюдения во время промыслового плавания вокруг Новой Земли». Всё дальше и дальше устремлялись норвежцы на восток. В 1887-м Эдвард Гольм Йоганнесен открыл остров Уединения в Карском море, а к нему даже в нынешнем столетии нелегко подобраться. Однако главной целью были промыслы! С ними норвежцы всерьёз нацелились на Новую Землю во второй половине XIX века. Так, по документам 1869 года, вблизи островов его вели восемнадцать норвежских судов – уже немало по тем временам. А в 1870-м порядка... восьмидесяти! И это против восьми российских шхун!

Обида брала русского человека. Купцы и крестьяне-промысловики жаловались властям, и, надо признать, местная власть тоже тревожилась. Николай

Александрович Качалов, архангельский губернатор (с весны 1869 по осень 1870 года): «По получаемым сведениям, к Новой Земле и в Карское море ежегодно приходит значительное число иностранных кораблей, которые бьют в наших водах морского зверя в большом количестве, и остановить этого губернатор не имеет возможности». Он же разъяснял министру финансов и другие причины, отчего новоземельские промыслы России истощаются: норвежцы приходят на острова по весне, в марте, а русские только в июне – уже на обловленные места и на оставленные потревоженным зверем лёжки. Русские промысловики бьют морского зверя гарпунами, а норвежцы из ружей...

Новая Земля будто выходила из-под российской опеки, снова становилась ничейной. Однако правительство реагировало вяло, Министерство иностранных дел разъясняло жалобщикам: «трудно применить требования к Карскому морю, которое с северной стороны открывается, хотя прилегает исключительно к землям, принадлежащим Империи, землям совершенно диким и необитаемым». Понятно, о постоянных патрульных кораблях России у Новой Земли вопрос не стоял. А могло ли быть иначе?

В 1867-м один из крупных сибирских предпринимателей – Михаил Константинович Сидоров, человек патриотических настроений и достаточно компетентный в вопросах географии, направил самодержцу Александру III письмо. Причём озаглавил его «О средствах вырвать Север России из бедственного положения». «Вырвать Север» – каково сказано! Сидорову ответил воспитатель Александра III генерал-адъютант Н.В. Зиновьев: «Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немислимы, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а вы хлопчете наоборот и объясняете о каком-то Гольфштреме, которого на Севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные»...

Держал ли в своём окружении Николай II (сын Александра III) подобных генерал-адъютанту Зиновьеву советчиков и «приятелей», неизвестно. Однако приобретения России в Арктике его тоже мало занимали. По крайней мере, историкам размышления государя на этот счёт неизвестны. Верноподданный офицер флота Борис Вилькицкий в 1913-м поименовал в честь монаршей династии открытый им огромный архипелаг на северном стыке Европы и Азии. Позже мировое сообщество признало Землю Романовых (Северная Земля)

База гидрографических судов в Архангельске. Отсюда гидрографы уходили заново открывать Новую Землю в советский период

Прибыли в Рогачёво. Ан-72 наши полярники зовут ласково – «Чебурашка». У генералов НАТО это Coaler – «угольщик»...

последним крупным географическим открытием XX века. Однако самому Николаю II было не до Арктики. Не случайно же припоминают, как колонисты-самоеды якобы буквально умоляли норвежского короля Оскара «отобрать Новую Землю у русского царя».

Ныне историки по тому же поводу чаще цитируют строки из дневника Владимира Александровича Русанова: *«Печальная картина на русской земле! Там, где некогда в течение столетий промышляли наши русские отважные поморы, теперь спокойно живут и легко богатеют норвежцы»*. Реже приводят строки из письма губернатора Ивана Васильевича Сосновского от 15 мая 1910-го: *«Удалось с несомненностью выяснить, что природные богатства стали привлекать за последнее время норвежцев, которые не только эксплуатируют Новую Землю в явный ущерб нашим государственным и экономическим интересам, но пытаются создать там постоянные промысловые поселения с задней мыслью стать таким образом фактическими хозяевами означенного острова»*. Но не только «задней» была мысль. Шкиперский Союз норвежцев

даже вынес резолюцию, в которой утверждал, что архипелаг севернее Маточкина Шара «не принадлежит никому».

И немудрено! Русские сторожевые корабли с Балтики появлялись у Новой Земли время от времени, а моряки единственного постоянного охранного судна «Бакан» не могли поспеть за всеми браконьерами. В газетах фельетонисты издевательски сравнивали моряков «Бакана» с оффенбаховскими жандармами из-за их «способности» являться на место происшествия, когда нарушители успевали не только выловить, но засолить и продать пойманную рыбу и зверя. Резолюцию Николая II о необходимости заменить «Бакан» на другое судно не воспринимали всерьёз.

Глубокий старик Фёдор Карельский из Унежмы, под-ростком ходивший зуйком промышлять рыбу на Мурман, рассказывал мне:

– Наши мужики, кто старше, рассуждали: на Севере Россия флота не держит. На всё Баренцево море одно только охранный судёнышко «Бакан» с пушкой-мелкашкой. Хотя и паровик, а машина слабая у него – иной норвег под парусом ещё и фору «Бакану» даст. Защиты у русского рыбака не было...

Зверобои Западной Европы продолжали хищнический промысел у новоземельских берегов и после I Мировой. Англичане вообще браконьерили в территориальных водах России. Причём прикрываясь военными кораблями. Первое столкновение советских пограничников с нарушителями в Баренцевом море относят к 1922 году, когда морякам сторожевика ПС-1 пришлось вступить в бой.

Не только норвежцы промышляли у Новой Земли, появлялись здесь и зверобои других европейских стран – англичане, шотландцы, датчане, шведы... Конечно, в своём навигационном обороте они имели карты со многими иными, чем у русских, названиями топонимов. Но «киноземные наименования» затем естественным образом постепенно вытеснялись русскими. Как и материальные свидетельства пребывания на островах и памятники культуры. Можно сказать, русский человек изначально «столбил» берега Новой Земли, если позволи-

Посыльное судно «Бакан» (1896)

тельно будет отнести к такому слову установку поморского креста.

Много на карте российской Арктики наименований осталось от охотничьей практики: Медвежий, Тюлений, Олений, Нерпичий... Или же мореходы зачастую не мудрствовали лукаво: Большой, Белый, Скалистый, Опасный, Долгий... Но не меньше названий, что рождены от слова «крест». Не один полуостров, бухта, гора, перевал, ледник назван Крестовым. А Крестовых мысов, вообще – без счёта! Потому что мыс, как правило – место в море вдающееся, приметное, их издревле ещё и крестами метили. Почему же?

Давний мой приятель, очень дотошный краевед, сам из поморов Александр Дмитриевич Ушаков много времени отдал изучению этой традиции. Рассказывал горячо, увлечённо:

– Два больших и взаимосвязанных смысла у этого дела – так скажу. О первом учёные мудрёно пишут – «для образного картографирования в сознании морехода». Я проще: для обозначения пункта навигации. Таким могла быть стоянка, место безопасного причаливания или прохода, но чаще им помечали опасность, дескать, не зевай, парень! Каждый крест – отдельный навигационный знак, метка, а если в системе – обозначение маршрута – от креста к кресту. В том роде, как по равнинной России едешь от села к селу, а ориентир – церкви, так по колоколенкам и правись...

– Наверняка ведь мужики рубили и ставили не как кому вздумается?

– Что ты?! Целяя наука! Место выбирали не только приметное, но и с трёх морских сторон видное. Крест ставили, ориентировали, если точно по компасу не получалось, то обязательно по сторонам горизонта: верхний конец наклонной перекладины – строго на север, противоположный – на юг. Тогда если человеку лицом стать к надписи на кресте, то перед лицом восток. Тут тебе и место и для крестного знамения, и для молитвы...

– Как догадываюсь, в том «второй смысл»...

– При этом очень глубокий. Труд моряка, рыбака, охотника, землепроходца – богоугодное дело, а потому должен быть освящён – так поморы считали. Поэтому и взяли христианский крест за символ. К тому же его в случае надобности даже из бросового плавника срубить можно... Это потом уже стали делить их на заветные и обетные: попросил ли у Бога доброго пути, счастливого возвращения или удачи, но бывало, что и выздоровления, а то и спасения... Каждый сам решал. А поставил крест, значит, обратился к Богу...

– Два, а то и три века посещали русские люди Новую Землю. Сколько ж поморских крестов на островах могли оставить?

– Никто и никогда не скажет. Кто же их считал?! Знаю, на Соловецких островах в 1920 году, то есть перед закрытием монастыря, насчитывалось около трёх тысяч крестов – обетных, поклонных, придорожных, памятных... Так ведь Соловки – святейшая из земель, близкая к цивилизации, сотни паломников в год. И климат иной, благодатный. Говорят, монахи у себя даже арбузы выращивали...

Стоянка кораблей военной гидрографии в Архангельске. Удивительное место – будто старая добрая Соломбала, ещё та, летом по самые крыши утопающая в тополино-берёзовой зелени, с приземистыми деревянными домами, такими же заборами, когда-то давным-давно выкатилась сюда, на берег реки, чтоб на

годы задремать. Корабли здесь уже много лет тесно жмутся борт к борту и к причалам, к слову, тоже не новым. И причалы эти круглый год заставлены обстановочным инвентарём, рядками створных бакенов, бухтами тросов. А сами корабли, что несут на трубе и фальшборте ведомственную эмблему – голубые линии и красная звёздочка в окружности – изрядно потёрты, а то и вовсе побиты морем. Но над их мачтами романтика дальних странствий витает!

Адмирал-полярник Фёдор Петрович Литке мне вспоминается, вернее, его слова о скромных коллегах: «Работа гидрографа есть вообще работа неблагодарная. Взглянув на лист бумаги, покрытый извилистыми чертами, изображающими берега, испещрённый точками, которые представляют мели и камни, всякий ли догадается, что нанесение так или иначе этих черт и крестиков стоило сочинителю нескольких недель, может быть месяцев, самых утомительных изысканий и соображений». И то правда! Нелёгкий труд, с лишениями от природы, а крупные звёзды по службе гидрографам на погоны и сегодня редко падают. Зато есть у них одна привилегия – войти в историю – остаться с именем на карте.

В погожий день идёшь Карскими воротами, и знак на мысе Меньшикова издали маячит – высотой он 45 метров. Такой же знак и на Болванском носе. Оба они постройки 1952-го. Тот, что на Меньшикова, смотрится чуть ли не шуховской телебашней – считай, чудо арктической архитектуры! А сколько подобных сооружений возвели полярники по всей Новой Земле в прошлом веке! Конечно, локация сегодня ушла далеко вперёд, и связь теперь, даже изображение, штурману космический спутник способен выдать. Вроде и не нужны знаки типа Меньшикова. Однако, поверьте, радуют глаз приметные и рукотворные творения человека на любом полярном берегу. Больше того: хорошо, что и о поморских крестах сегодня вспомнили. Есть такие теперь и на обновлённой Новой Земле. В прошлом, случалось, вера в Бога оказывалась единственной опорой промысловикам и скитальцам в северных широтах. Похоже, сегодня она возвращается на острова.

3

Новая Земля – родина Тыко Вылки – удивительно, воистину легендарного выходца из небольшого и мужественного народа. Во многих из нас, называющих себя русскими, даёт о себе знать высокомерное или же покровительственное, снисходительное отношение к малым народам Севера. Это примитивное представление о собственном величии, как правило, зиждется на превосходстве в численности. Недостойно разумному человеку рассуждать подобным образом, свысока, ведь любой народ велик по-своему, и численность здесь совсем ни при чём. Северные достойны уважения уже потому, что именно им Господь определил жить на краю света – там, где не смог бы выжить никакой другой. От европейцев или тех же американцев, шедших к открытиям в Арктике, непременно требовалось большое мужество.

Малым племенам, веками живущим в полярных уделах, оно требовалось повседневно – большое житейское мужество...

Весна на Новой Земле – всего три недели, и потому недолго век полярных цветов. Потеряв цвет, полярные маки становятся багряными, и крупные их скопления на тундровом покрывале напоминают пятна запёкшейся

крови. Образ этот жестокий, но близок к истине, ведь в Арктике грань между жизнью и смертью невероятно тонка: опасность здесь всегда рядом.

«Кто желает знать человеческий дух в его благороднейшей борьбе с суеверием и мраком, пусть листает летопись Арктики...» В этих словах кому-то, возможно, послышится излишний пафос. Однако сказаны они Фритьофом Нансеном, а уж кому, как не ему, знать природу Ледовитого океана! И всё же в этой природе человек, оказывается, может жить...

Тыко (Илья Константинович) Вылко. Историки знают его как верного друга и сподвижника Владимира Русанова в полярных странствиях. Просвещённому обывателю он известен как один из первых руководителей новоземельского островного Совета. За это, собственно, его впоследствии удостоили прозвища, столь походящего на титул – «президент Новой Земли». Людям искусства, ценителям живописи Тыко Вылко представляется одарённым и своеобразным художником. Однако поразительный момент выживания этого человека в Арктике неким образом отодвигается на второй план. А ведь Илья Константинович вполне может олицетворять собой ещё и редкую общность людей, бытующих в беспощадном мире полярного архипелага. Такая жизнь требовала от них каждодневного мужества, и оно, зарождённое ещё в прапрадедах, затем выстраданное не одним поколением, окрепшее с жестокими уроками природы, стало неотъемлемой частью человеческой природы целого народа...

Отец Тыко Вылки до крещения – Ханец. Как он, обнищавший ненецкий охотник, оказался на Новой Земле? Покидал материк от отчаяния. В путь отправились четвером: Ханец, его старая слепая мать и приятель Хыльтё с женой Хунглей. Все познания об островах Ханец имел со слов одного из ненцев, который вернулся в мезенскую тундру случайно, оказавшись на льдине, и ту льди-

ну после многодневного дрейфа вынесло к берегу материка. Ханец знал одно: нужно плыть только на север. Так и правил карбасом в штормовом море. Повезло: их выбросило на берег Новой Земли, и они сразу поставили чум. Вскоре уютное жилище накрыло гигантским накатом волны, и всю ночь, до рассвета, четверо путешественников стояли на ногах, держась друг за друга, накинув на себя одежду, которую удалось вытащить из воды. В буквальном смысле они выстояли до утра и, только когда случайно обнаружили множество зверя, поняли, осознали, что могут ещё остаться в живых!

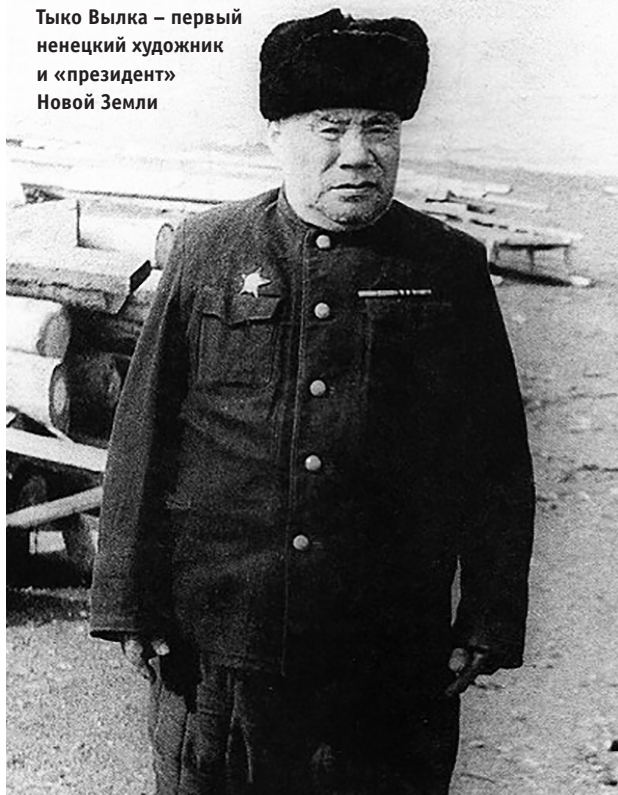
На всём огромном архипелаге тогда бытовали всего несколько «самоедских» семейств. По паспорту Илья Константинович, наречённый по рождению Тыко (Олешек), явился на свет 12 февраля 1886 года. Дети ненцев выросли быстро. Уже в восемь лет мальчики ходили в добытчиках, а добытчиком нельзя стать без умения выживать в дикой природе. Уроки её Тыко Вылко постигал каждый день. Первый отцовский подарок – охотничий лук с тетивой из оленьей жилы. Первый верный друг – охотничий и ездовой пёс Нохо. Первого белого медведя (годовалого медвежонка) Тыко добыл в малолетстве вместе с четвероногим товарищем. Несколько часов затем он волок на себе тушу, обессилел и решил заночевать прямо в снегу. И здесь учился у природы: свернулся в клубок, как Нохо. Только ноги свои ему нечем было прикрыть. Чтоб не поморозить, взял собаку, положил на ноги – она их согрела до утра...

Первый раз Тыко оказался на краю гибели, будучи подростком. На птичьих базарах он собирал яйца кайры. Рискованное занятие – ползать по выступам скал. И однажды он сорвался. Уцелел чудом, и тот урок падения с высоты, видно, не до конца усвоил. Позже, уже в ранней молодости, охотился на чаек в прибрежных скалах, прыгнул, чтобы подобрать подранка, но поскользнулся и покатился по крутому склону... Об этом случае уже в старости Вылко вспоминал: «Катился, катился, никакого уступа нет, зацепиться не за что. Ну, думаю, жив не буду, отец собак найдёт – узнает. Почти до моря докатился, вспомнил: у меня кинжал есть! Выхватил кинжал и изо всей силы ударил в откос. Почти до черенка вогнал. Остановился. Осмотрелся и медленно, ползком-ползком, наверх. Потихоньку выбрался, радостным домой поехал».

Обыденно звучит его рассказ о встрече со смертью: покатился по склону – вспомнил про кинжал – ударил – остановился – домой поехал. За всей этой прозой – житейское бесстрашие, воспитанное годами. Что это, как не природное мужество, без которого в Арктике делать нечего – пропадёшь?!

На рубеже прошлых столетий Новая Земля принимала и других поселенцев. Однако она никогда не была к ним гостеприимна. Поселенцев, кстати, было немного, и далеко не все из них выживали. Иным, как в случае с монахами-миссионерами, не помогала и духовная крепь. Жизнь на островах требовала ещё и невероятно-го физического упорства. Та же Белушка чуть ли не век бытовала в тихом распорядке промыслового становища. Люди в нём учились долгому ожиданию, привыкали к одиночеству, и тоскливая размеренность буден их не раздражала. Не считались и с большими расстояниями – не было героизмом пройти от становища к становищу, даже полярной ночью, вёрст сто или двести, и только лишь для того, чтобы позаимствовать какой-нибудь припас или же просто обменяться новостью. Так же и с

Тыко Вылка – первый
ненецкий художник
и «президент»
Новой Земли

Белушья Губа – административный центр Новой Земли сегодня

отсчётом времени – пережить несколько суток непогоды в дороге – обычное дело. Паруса на горизонте – редкость. Рейсовый пароход на Большую землю – раз или два в навигацию. Снабженческий завоз тогда же...

В 1981 году режиссёр Аркадий Кордон по сценарию Аркадия Филатова и Юрия Казакова снял художественный фильм о Тыко Вылке. Картина называлась «Великий самоед». Зрители встретили её очень сдержанно, критики признали – явлением в нашем кинематографе она не стала. Одни видели причину неудачи в том, что роли ненцев достались... казахским актёрам, которые, по определению, не могли ничего знать о бытовании на Новой Земле. Другие, на мой взгляд, справедливо упрекали режиссёра в том, что, увлечьшись полярной экзотикой, он упустил главное – борьбу человека с арктической природой – беспощадную борьбу на выживание почти каждый день. Но и без отчаяния! Илья Константинович Вылко так и говорил: новоземелец мужчина не имеет права предаваться отчаянию.

Один из экспонатов небольшого местного музея в Белушьяй Губе – обыкновенный, деревянный стул. Этот предмет служебной мебели, как утверждают, из кабинета председателя островного Совета Ильи Константиновича Вылки. Загадка, как он простецкий, местами изрядно потёртый уцелел до наших дней. Стоит стул сегодня почти в центре зала, но его не сразу заметишь в обилии прочих экспонатов – отчётных наград и подарков к юбилеям полигона. Это «внештатный смотритель» директор ДОФа Дмитрий Сергеевич Головкин обратил моё внимание:

– Вряд ли на нём приходилось доводилось долго засиживаться неугомонному Илье Константиновичу...

И то правда. Кабинетная или чиновная работа – назовите, как угодно – тяготила его, как может тяготить она человека от природы живущего, работающего и странствующего.

Трудная жизнь на островах, почти невыносимая зимой. Холод, ветры, льды и снежные заносы. В чумах большого огня не разведёшь – темно, сырость постоянная, дым, чад, грязь. Изнуряющему промыслу далеко не всегда сопутствовала удача. Это значит, выпадало и голодать. И цинга подстерегала тогда же.

Илью Константиновича часто одолевали и другие, житейские хлопоты, ведь жил он не только своей семьёй – тянул на себе ещё и своих родственников. Была сердечная забота и о соплеменниках. За всё время его работы председателем островного Совета лишь раз, в 1937-м Вылко отправился на материк «по личному делу» – поправить здоровье в Кисловодском санатории Наркомзема. Все остальные поездки – служебные командировки, в Москву, Нарьян-Мар, но чаще в Архангельск. А вернувшись на острова, Илья Константинович впрягался в привычные и новые заботы. Считал обязательным объехать все становища архипелага. Путь этот на собачьих упряжках и в карбасах в общей сложности составлял более тысячи километров. Остановившись в охотничьих зимовьях, он обязательно интересовался: больше или меньше стало птиц, нерп, тюленей и песцов? Наведывались ли к берегам ошкуи – белые медведи, моржи и белухи, расспрашивал добытчиков, как сложился сезон, исправны ли карбаса, в достатке ли у них снастей и припасов? Ответы записывал в походную тетрадку карандашом, позже, уже дома обводил буквы чернилами – чтоб не стёрлись, сохранились.

Он мечтал переселить всех ненцев из традиционных чумов в крепкие поморские избы. Жилые постройки, амбары, склады на промысловых участках тоже видел бревенчатыми – чтобы дольше сохраняли драгоценное тепло и держали удары боты.

К слову, жил «президент Новой Земли» без каких-либо привилегий. Уже в современном посёлке местный краевед сначала привёл меня на место, где стоял дом Тыко Вылко, потом протянул старую фотографию жилища:

– Было в нём три комнаты и кухня с печкой – обычный рубленый дом, как у большинства поселенцев. Но обратите внимание – соседние по окна в сугробах, а к этому широкая тропа натоптана...

– И в самом деле так...

– А знаете почему? – мой провожатый всохотнул. – Приём граждан «президентом» вёлся круглосуточно – один ходок сменял другого, дверь в дом не закрывалась. Так мне рассказывали...

И всё же жестокий мир островов Тыко Вылко – первый признанный живописец, если не всех арктических народов, то ненецкого – точно, видел по-своему – прекрасным! Когда он впервые ощутил потребность выразить, передать свои чувства в изображении, никто уж не скажет, а вот «рисовать самостоятельно», по выражению самого Ильи Константиновича, он начал в 1904 году. О том рассказывал так: «Уходил в горы и думал: как красиво на бумагу перевести всё это. Но бумаги почти не было, не было и карандашей, а о красках и мечты в голову не приходили».

Говорят, цветные карандаши ему подарили русские путешественники одной из экспедиций, а первые краски и альбом ссыльный Михаил Юрьевич

Гольдштейн – он сумел разглядеть дарование в ненецком юноше. Стой поры всякую свободную минуту, а такие выпадали очень редко, и если, конечно, оказывались под рукой бумага и карандаш, Тыко Вылко рисовал, поначалу исключительно по наитию. Виды и сюжеты ему подсказывала жизнь. Ледники на вершинах гор и снега в распадках, вздыбленные торосы и ровно лежащий припай, тундра, разительно меняющая своё обличье и цвет, живое море со штрихами пенных барашков, угрюмые осенние скалы побережья с весёлым по весне птичьим царством.

Изображения животных, тем более человека, давались ему много труднее, но и они присутствуют – обычно в сценах традиционной охоты на зверя или рыбалки. Тыко Вылко не перегружал свои работы деталями, полукочевой быт ненцев, становища, фактории представлял скромно: чумы или домики, нарты, собачья упряжка, просмоленный карбас, очень редко и в отдалении – одинокий парусник, а в последние годы – пароход...

И в каждой картине главенствовали мир и покой!

Первыми наставниками Вылко считают русского художника Александра Алексеевича Борисова и фольклориста-сказочника Степана Григорьевича Писахова, который, как известно, тоже являлся мастером живописи. И Борисов, и Писахов с небольшой разницей во времени бывали на Новой Земле, оба встречались с

Вылкой, оба доброжелательно отнеслись к тяге молодого ненеца к рисованию. Они же первыми дали ему советы и подсказки. Этого оказалось достаточно, чтобы Вылко понял, насколько разным видением окружающего мира они обладают и отчего столь непохожи одна на другую работы настоящих профессионалов.

Картины Тыко Вылко наполнены чистотой, по детски бесхитростны, а их названия лишены поэтического образа – строги и конкретны: «Море», «Ледник», «Северное сияние», «Птичий базар» и так далее... Столь же просты подписи под этюдами, которые поименованы по месту их написания: «Мыс Дровяное», «Река Нехватова», «Незнаемый залив», «Белушья губа»... К слову, пейзажем Белушьей губы у Вылко более всего. Если не ошибаюсь, лишь трижды он обращается к фамилиям: «Стоянка Русанова», «Русанов в Крестовой губе» и «Последний путь Седова».

Как Илья Константинович сам относился к своему творчеству, вернее – как его оценивал? Его размышлений о том читать не приходилось. Да и вряд ли в кругу каждодневных трудов и тяжёлых забот он позволил бы пуститься в пространную «философию». Ему устраивали персональные выставки – любой художник почитает их за шаг к признанию – и таких экспозиций у Ильи Константиновича несколько. Однако пронизательный Вылко, жадно и всегда с благодарностью принимавший науку от учителей, был лишён творческого тщеславия. Искусствоведческие термины звучали для него слишком мудрёно, споры с живописцами были ему чужды. Он жил, как настоящий свободный художник – писал то, что хотел.

Одно время Илья Константинович пытался наследовать своё умение ненецким ребятишкам – преподавал рисование в новоземельской школе. Учил их правильно вести линии, делать ровным штрих, блюсти пропорции и, конечно, самому главному правилу, ясно и глубоко им осознанному – не может человек творить без Любви. Эту истину он не уставал повторять маленьким ученикам в своём простом изложении: «Рисовать надо то, что знаете, любите...»

Он ведь и сам рисовал то, что знал и любил, и столь своеобразно, что давал искусствоведам богатую пищу для споров. Одни называли его работы примитивными, даже детскими, другие, напротив, сравнивали их с картинами художников ранних эпох. Иные вообще находили сходство с творениями великого Нико Пиросмани, поскольку усматривали то же стремление раскрыть суть и чувства окружающего мира простым, но образным языком. И тоже ведь были критики, говорившие о том, что цветовой спектр или даже цветовая гамма, которой пользовался Вылко, совершенно немыслима для восприятия обывателями на материке. Так в том-то и дело, что в Арктике она от природы иная, нежели на Большой земле. Здесь всё иное – и вода, и суша, а в особенности – небо. По высказываниям искусствоведов, у Вылки оно «иногда открытое глубокое, порой градуированное в тончайшей колористической гамме, порой нарядное, фееричное, оно всегда огромно и прозрачно, оно всегда содержит как бы эмоциональный ключ к постижению целого».

Полярный архипелаг на десятилетия стал полигоном для испытания оружия колоссальной разрушительной силы. «Президент Новой Земли» Тыко (Илья Константинович) Вылко покинул острова последним из ненцев, как и полагается капитану обречённого корабля. Помнится, в девяностых, на волне «перестроечных», во многом дилетантских настроений, предвзятой ревизии, критике подвергались многие начинания советского времени. Были споры и на тему целесообразности полигона на Новой Земле. Массовое переселение её жителей на материк представляли едва ли не организованной трагедией для ненецкого этноса. Звучали упрёки и в адрес Ильи Константиновича, мол, как представитель местной власти, он не мог стоять в стороне...

Он и не стоял. Кто и как объяснял Илье Константиновичу про атомное оружие, неизвестно, но он привык доверять людям, понимающим в науке больше, чем он. Из черновика выступления Вылко на праздничном митинге (хранится теперь как документ): «Война нам не нужна, долой оружие, атомное, водородное, мир во всём мире!». Но это в праздники, а в будни убеждал соплеменников иными, очень простыми словами: не всем же быть промысловиками, нашей молодёжи надо овладеть другими профессиями, учиться. И главное – мы же не на чужбину едем, а возвращаемся к своим корням, на родину предков... Сознал ли Илья Константинович все последствия передачи Новой Земли под ядерные испытания? Вряд ли. Если даже учёные, лучшие умы не могли предвидеть всех последствий буйства чудовищной энергии, с которой имели дело, мог ли знать о них Вылко?

Как и всем уезжающим с островов, Илье Константиновичу предложили жильё на материке. Он поселился в Архангельске, на улице Вологодской. Дом с комфортным по тем временам бытом – несколько комнат, в одной из них – мастерская художника. Была и отдельная кухня, и кладовая, и ванная была, а в ней – душ, который Вылко называл «дождичком»...

Но сердцем Тыко Вылко тосковал о покинутой Новой Земле. Последние годы жизни пытался писать о своих знаменитых новоземельских соплеменниках – охотниках и мореходах, стал собирать ненецкие предания, песни и сказки, несколько сказок сочинил сам, говорил, что хотел бы перевести на родной язык Пушкина и Лермонтова. И по-прежнему работал над картинами.

Только теперь дорогие ему море, скалы, тундру, озёра и небеса изображал уже не с натуры, а по памяти...

Говорят, одно время во дворе его дома на Вологодской жили... северные олени. Их привезли из тундры знакомые ненцы. Горожане ходили смотреть на них, как на почти сказочное диво. Но, в конце-то концов, зачем в Архангельске олени?

4

Самой старой постройкой в Белушьей Губе до последнего времени являлась церковь Святого Николая Чудотворца. Её здание десятилетиями являлось самым приметным строением на берегу Белушьей губы. Не случайно оно запечатлено на большинстве старых фотографий становища и посёлка. В нём же изначально располагалась приходская школа. Она не была первой на архипелаге. В 1888-м губернатор князь Н.Д. Голицын привёз в Малые Кармакулы деревянную церковь, причём вместе с иконостасом, утварью и колоколами. Тогда же церковь была освящена, и тогда же отец Иона уничтожил несколько ненецких идолов, которые олицетворяли богов-покровителей охоты. Прибавилось тогда на Новой Земле и священников – Николо-Корельский монастырь с разрешения Святого Синода основал в Малых Кармакулах крохотный монастырский скит. Просуществовал он недолго – не только православный человек, но и его вера приживалась на островах не сразу.

Сруб церкви-школы привезли в Белушку на палубе рейсового парохода весной 1912-го. На судне прибыла и артель от подрядчика по фамилии И.А. Башлыков, числом двадцать человек. Им поручалось поставить здание, сделать его внутреннюю отделку и устроить иконостас столярной работы.

Так выглядела церковь Святого Николая в последние годы

На постройку собирались пожертвования. Среди радетелей – Ново-Афонское подворье, Его Преосвященство Нафанаил Епископ Архангельский и Холмогорский, Училищный совет Архангельской губернии (напомню, новое строение изначально задумывалось не просто храмом для богослужений, но ещё и начальной школой для местного населения). Но более всего из жертвователей отличилась вдова великолуцкого купца некая А.Д. Шашкова. Она внесла пай в 5 тысяч рублей – по тем временам сумму очень значительную.

Церковь-школу решили ставить на ближайшей к урезу бухты галечной террасе. Сруб размером 6 на 12 саженей, двойной тёс. Внутри: церковь с алтарём, а за капитальной стеной: учебный класс, две комнаты для священника, кухня, прихожая, две кладовки и даже маленькая комнатка для аптеки. Высота потолка в помещениях – 5 аршин. Стены с войлочным утеплителем, большие окна в три рамы. Снаружи стены здания покрасили охрой. Правда, сделали это уже на следующую

год, когда артельщики завершили строительство.

А вот освящали церковь осенью того же года торжественно. Специально из Малых Кармакул на собачьих упряжках прибыли иеромонах Никольского скита отец Михаил, а с ним несколько ненцев. Церемония проходила при стечении всего населения. На память об этом событии глава каждой семьи получил в дар по Библии, а остальные – по книге духовно-нравственного воспитания. Книги были пожертвованы архангельским предпринимателем С.И. Коржавиным. Школьная библиотека насчитывала 356 книг, не только учебников, но и книг для внеклассного чтения, в достатке имелись письменные принадлежности, учебные пособия, картины из Ветхого и Нового Заветов, глобус, географические карты арифметический ящик, счёты, компас, весы...

В 1912-м в становище проживали 19 мужчин и 20 женщин, а детей школьного возраста насчитывалось 10 человек. Все дети пошли учиться. Чудом сохранились имена всех первых учеников школы, которой руководил

На Новой Земле в Белушке служат и мамы...

священник Иоанн Ковров: Анна Немчинова, Ирина Вылко, Параскева Логей, Иоаким Пырерко, Пётр Логей, Дарья Логей, Елена Вылко, Иона Вылко, Юлия Ледкова, Николай Логей. Результаты первого учебного года: уроков Закона Божиего проведено 310, по церковному пению – 102, по церковно-славянской грамоте для маленьких – 133, по русскому языку – 310 уроков, по арифметике – 288, по чистописанию – 132 урока...

Я стоял перед ветхими стенами церкви с отодранной кое-где дощатой обшивкой, разглядывал пустые окна, что небрежно заколочены досками, слышал, как жалобно погромыхивают на ветру рваные куски кровельной жести, и первая мысль: а ведь свежий сруб этой церкви-школы мог видеть Георгий Седов со своими спутниками...

Под вечер 23 августа 1912 года «Святой мученик Фока» явился на рейд Белушьей губы. В Баренцевом море экспедицию Седова изрядно потрепал шторм, и путешественники решили укрыться от него в бухте. Недолго, правда, они простояли, поправляя такелаж – уже полднем следующих суток отправились дальше, на север, однако не видеть церковь-школу на берегу они никак не могли.

Шестью днями раньше другой русский смельчак – Владимир Александрович Русанов с товарищами тоже покинул Новую Землю. Из бухты Поморской он направился в Карское море, а, по сути, в безвестность, и делал это неожиданно и дерзко, чем оставил современникам и потомкам повод по-разному толковать свой поступок.

Георгий Седов и Владимир Русанов для истории Новой Земли фигуры знаковые, острова же для них явились и профессиональной школой, и суровой стороной, где испытали, закалили они свой характер, и, так уж сложилось, последней обитаемой сушей в жизни обоих исследователей стали новоземельские берега.

Седов до Новой Земли Арктики не знал. Его предки с Полтавщины, а сам он сын азовского бедняка усердным трудом выбился в капитаны торгового флота, затем в офицеры военного. Александр Иванович Варнек позвал его в экспедицию на Вайгач, когда Седову исполнилось двадцать пять. Ещё через год в Архангельске Георгий Яковлевич встретился с американцем Энтони Фиала, который собирался одолеть путь к Северному полюсу. Ему это не удалось. Как иногда случается, неудача одного останавливает, а другого лишь подбадривает. Стремление первым покорить полюс родилось у Седова как раз тогда. Но был затем и вынужденный перерыв, когда пришлось заниматься и гидрографией Дальнего Востока, и Каспия. В Сибирь, в Арктику Седов вернулся в 1909-м – Лена, Колыма. Через год – Новая Земля, Крестовая губа...

Георгий Седов в представлениях обывателя традиционно связывается с попыткой покорения Северного полюса. Его предшествующие гидрографические работы, в том числе и по Новой Земле, так выходит, задвинуты в тень. Серьёзная ошибка! Седов многое открыл на Вайгаче, в 1910-м дотошно описал Крестовую губу. Даже свою вынужденную зимовку 1912 года у Новой Земли он использовал для масштабных исследований: полярной ночью провёл мензурную съёмку Панкратьевского полуострова, определил астрономический пункт на мысе Литке, впервые нанёс на карту Южные Крестовые острова, пешим порядком и на санях обогнул мыс Желания. По весне 1913 года ещё две его группы (В.Ю. Визе и М.А. Павлова) впервые пересекли Новую Землю по 77-й широте, изучили местные хребты и ледники, описали сорок километров Карских берегов. В 1956 году картографы случайно обнаружили в фондах Гидрографического управления ранее неизвестные документы Седова по рукописной описи северо-западной части Новой Земли, а также его маршрутной съёмки и астрономических наблюдений. По заключению специалистов, уже только эти работы с лихвой оправдывали все расходы на снаряжение «Святого мученика Фоки». Не случайно именем Седова на Новой Земле названы заливы – в Баренцевом и Карском море, небольшой островок и бухта у Вайгача. Кстати, остальные топонимы: архипелаг, ещё одна бухта, два мыса, ледник, подводные пик и долина, рейд, подводная долина оказались разбросаны по другим районам Ледовитого океана и Антарктиды.

Владимир Александрович Русанов – уроженец Орла, выпускник духовной семинарии, затем вольнослушатель Киевского университета. Казалось бы, судьба не вела его в Арктику, но неожиданно повернула: увлече-

Новый православный храм в Белушьей Губе

ние идеями социал-демократии, участие в запрещённых организациях, арест, ссылка и... книга Нансена «Среди льдов и во мраке ночи», которую он прочёл в тюрьме. И, между прочим, первые свои исследовательские работы по Северу Русанов написал в ссылках. Потом был перерыв – четыре года учёбы и защита диссертации в Сорбонне и возвращение, уже в Архангельск. Отсюда начинается самый известный период в деятельности Владимира Александровича – арктический.

Русанов предпринял пять экспедиций на Новую Землю. 1907 год: изучал возможность судоходства в проливе Маточкин Шар. 1908 год: из Белушьей губы совершил пеший переход на восточный берег Новой Земли, изучал ледники, вёл археологические раскопки. 1909 год: в Малых Кармакулах вёл геологические изыскания, совершил дальние топографические переходы на собачьих упряжках и карбасе вдоль берегов архипелага. 1910 год: на «Дмитрии Солунском» обогнул мыс Желания и вернулся в Маточкин Шар со стороны Карского моря. 1911 год: на лодке «Полярная» с научными наблюдениями обогнул Южный остров архипелага.

Владимир Русанов по праву считается крупнейшим исследователем Новой Земли начала XX века. Имя его на Новой Земле носят бухта (залив) и полуостров, а также гора, долина и пик.

По итогам всех и каждой из экспедиции Владимир Александрович публиковал труды, и между строк их можно прочесть: им овладела мысль о преодолении морского пути вдоль побережья Ледовитого океана. Воплотить эту свою тайную затею Русанов взялся сразу после Шпицбергенской угольной экспедиции, но направил «Геркулеса» опять-таки сначала к Новой Земле. Мнения и оценки на сей счёт бытуют разные, звучат, в том числе, и высказывания, мол, предпринятое Русановым плавание на гафельной шхуне водоизмещением всего в 64 тонны являлось, если не авантюрой, то

уж точно – самоуправством. Известно, наконец, что и Фригтоф Нансен идею Владимира Александровича не поддержал, а впоследствии сожалел о том, что не убедил смельчаков с «Геркулеса»...

О последних экспедициях Седова и Русанова много спорили в прошлом, спорят сегодня и, верно, ещё долго будут спорить. Насколько основательно готовили они свои походы? В какой мере учитывали опыт предшественников и достаточно ли скопили своего? А была ли готова на тот час разнородная, разобщённая Россия? Нет, не кричать «ура» патриотическим идеям полярников, а воплотить их? В конечном счёте, чего оказалось больше: безрассудства, наивной увлечённости или же отчаянной отваги, столь присущей русскому человеку? Бесспорно одно: очень многое в устремлениях Седова и Русанова замешано не только на познаниях науки, но и на характерах, эмоциях. А может, пали они жертвами собственной гордыни? Разве исключено? Загадка не для праздного обывательского ума.

У Георгия Яковлевича честолюбие, вне сомнений, имелось – он, к слову, ни от кого и не скрывал, что вознамерился прийти на Северный полюс, опередив самого Руала Амундсена. Выходит – игра амбиций?! Владимир Александрович нарушил министерскую инструкцию и самовольно отправился в опасное плавание на «Геркулесе». На это его решение, говорят, повлияли газетные сообщения о подготовке сквозного похода по арктическим морям Георгия Брусилова на «Святой Анне», а Русанов хотел его опередить! И правда, Владимир Александрович обладал независимым нравом, здоровым честолюбием, был смел. Так чем не версия?

Столетием назад не было краше места на всём обжитом пространстве Новой Земли, чем этот храм Святителя Николая на берегу Белушьей губы. Возвышался он над сирыми и невзрачными постройками становища. И сиял новизной. И вселял надежду. И крепил дух. И радовал. И утешал. Здесь же, у церковного крыльца, на звоннице – пять колоколов – чтобы время от времени плыли над островами перезвоны...

Уж давным-давно ничего этого нет. Нет уж некогда святых стен, есть место, где они стояли, осаждённые скопищами хлама. Землица, какой бы ни была, близ церкви на Руси обязательно благоустраивалась – даже скромный садик или же простецкий скверик должен был символизировать уголок райского сада. В тундре, понятно, такое невозможно, но хотя бы ржавый металл и мусор вблизи можно было бы и не множить.

Арктика – жестокая страна, и потому всегда и в любом уголке её мысли о Божьем промысле и помощи уместны. «О, пастырь добрый, учитель и наставник наш, Святитель Николай!» – испрашивали милости и удачи, пришедшие на Новую Землю. И молились в час бед и опасностей – «Твоё заступничество на помощь призываем...» И, возможно, в тот вечер 23 августа 1912-го, завидев его с палубы «Святого Фоки», осенил себя крестным знаменем Георгий Седов: «О, Святитель Христов Николай, по морю плавающих управитель...»

5

Мыс Морозова вторгается в море решительно, высоким обрывом. Мы прошли по самому краю. Обычно такие отвесы с мелкими уступами летом полны птичьих гнездовий... Он безнадежно нагой, этот мыс. Холмики с худосочной травкой и те, пожалуй, можно сосчитать. Лишь поистёртый слой серой землянки, а под ним сразу – смесь глины и разрушенных пород чёр-

ного цвета – мёрзлый ли песчаник или сланец какой – точно не скажу, но не гранит. Удивительно: и под пронзительными ветрами, голый выступ тундры был обитаем. В войну здесь стерегли вход в Белушью губу артиллеристы подвижной батареи № 570, при них – пост визуального наблюдения. Остатки бревенчатых срубов его устояли! Вечная мерзлота, жестокие зимы, летняя морось так и не расправились с накатами бывших землянок и блиндажей, когда железо давно уж рассыпалось в прах!

В войну, якобы отсюда Тыко Вылко из охотничьего «кремингтона» подбил немецкого летающего разведчика. Это легенда.

Есть другая история военной поры, и правдивая. В июле сорок третьего бойцы соседнего к западу поста на крохотном острове Подрезова отчаянно пытались предупредить моряков парохода «Рошаль» о минах на входе в Белушку. Рассказывал мне её старый капитан Юрий Дмитриевич Жуков – он тогда штурманил на «Рошале», ходил в арктических конвоях, за что, кстати, награждён орденом Красной Звезды.

Моё знакомство с капитаном Жуковым тесным не назвать. В пароходстве мы встречались трижды, но почти мимоходом – я оформлялся в арктические рейсы, и время меня подгоняло. Ещё виделись пару раз в редакции «Правды Севера». Однако коротких бесед хватило, чтобы осталось впечатление от его эрудиции, умения слушать и степенной внутренней культуры.

– Как у вас со временем? – всякий раз осведомлялся Юрий Дмитриевич, прежде чем завести разговор. А я чувствовал – и сам вопрос, и то, в какой момент и как он был задан, свидетельствуют – такт является природной чертой капитана.

Рассказывал Жуков неспешно, в строгой последовательности, частенько с юмором, по поводу тяжёлого своего прошлого шутил снисходительно...

– Я, знаете ли, плавать начинал с «анкетным хвостом» – чёрный крест на ленинградской прописке в паспорте – с таким и в Мурманске не жить. Устроился в Архангельске, хоть и долго куковал в пароходском резерве. О загранице не мечтал – только каботаж. 22 июня сорок первого пришёл в Онегу на «Карелии» – был такой грузопассажирский пароход. Осень ходил на однотипном «Мудьюге», зиму работал в шлюпочном цехе на Мосеевом острове. Весной плавсоставу уже не хватало кадров. На мой «анкетный хвост» закрыли глаза и назначили вторым штурманом на «Рошаль», старый каботажник...

– Но груз-то наверняка не по мирному времени брали?

– В трюмы – оружие, бомбы, снаряды, на палубу –

Мыс Морозова

Кресло Тыко Вылки сегодня служит экспонатом в музее Белушья Губы

бензин, керосин в бочках. Не пароход, а пороховой ящик. Тут же и двести пассажиров, военных и гражданских. В мирное время за такой «ассортимент» пошли бы под суд. Но у войны свои порядки...

– На «Рошале» имелось что-нибудь для самообороны?

– На полубаке стояла пушка. До сорок третьего года – деревянная, из столярного цеха «Красной кузницы». Настоящим был брезент, которым её укрывали... На врага она воздействовала «пугающим эффектом», но не всегда...

В июле сорок третьего мы шли из Архангельска в Белушку под охраной двух тральщиков. Днём, уже у Новой Земли, у нас лопнула цепь штуртрота. Застопорили машину, в дрейфе ремонтировались минут сорок. Конвоиры нас торопили, даже угрожали. Все очень нервничали – боялись немецких подлодок. В 16 часов я передал вахту, а вскоре по судну сыграли тревогу...

– Подлодка?

– Мы даже её перископ хорошо видели! Как лодка очутилась внутри нашего ордера, не знаю. Возможно, немцы вели нас давно и выходили в атаку на «Рошаль», но та заминка из-за штуртрота спутала им расчёты... Мы сразу оповестили своих конвоиров. Тральщик, который шёл справа, сбросил ход и стал опускаться к нам под корму, чтобы защитит. Вот здесь в него и угодила торпеда. Взрыв и как затонул тральщик, мы видели: осел кормой, задрал ржавый нос, завалился влево и ушёл под воду. Второй тральщик отвернул, чтобы подобрать уцелевших моряков, вскоре появились наши «летающие лодки» и стали бросать глубинные бомбы...

– Выходит, «Рошаль» остался без прикрытия?

– Командир конвоя дал нам семафор: «Следуйте зигзагом». Мы выжали из машины, что могли, и побежали в Белушью губу.

– Юрий Дмитриевич, простите, паника на судне была?
 – В самый первый момент, после команды «Получить спасательные нагрудники»... Мы в тот раз везли большую группу гражданских, а они к тревогам не привычные. Пассажиры сгрудились у третьего трюма... Матросам пришлось кое-кому дать несколько зуботычин... Ещё наш орудийный расчёт на баке оказался без спасательных поясов, но это в спешке... Нет, как таковой паники не было. Растерянность, пожалуй... Мы, знаете ли, опасались второй подлодки. Немцы обычно нападали группой, и мы полагаем, что вторая нас где-то поджидает. Поэтому дали форсированный ход и легли в сложный противолодочный зигзаг.... Пост связи с Подрезова нам без конца семафорил, но мы уже ни на что не отвлекались. Всё выяснили, когда пришли в Белушку. Оказывается, немцы выставили магнитные мины на входе в бухту, и пост с Подрезова об этом нас предупреждал... Уцелели чудом!

Первый капитанский рейс Жуков сделал в свои двадцать шесть на пароходе «Сочи». Впоследствии Юрий Дмитриевич не любил менять свои корабли – расставался с ними либо когда уходил на повышение, либо когда его пароход по ветхости отправлялся в утиль. Морской век Жукову выпал долгим, а список судов, на которых он капитанил, коротким. Если не считать «Карелии» и «Рошалья», на которых он ходил штурманом, это пароходы «Сочи», «Николай Бауман», «Юшар», «Петровский» и теплоход «Руза». Важно, как чётко Юрий Дмитриевич правил службу на них! Тем более во времена, когда за навигационную ошибку штурмана или капитана вообще могли поставить к стенке, а промах Жукова – сына «врагов народа», понятно, обошёлся бы ему дороже, чем остальным.

Капитан просто обречён постоянно держать своё ухо остро, чтобы не вляпаться в ЧП, будь то море или порт – такова профессия. Не оттого ли так чтимы у моряков нагрудные знаки за 5, 10, 15, 20, 25 и 30 лет безаварийной работы. Жуков «безаварийно проходил» 37 лет! Знака по такому случаю не нашлось. Тогда вручили ему сразу два – за 30, и за 5 лет – чтобы в сумме, хотя бы 35 вышло. Когда же не по своей воле попадал капитан Жуков в экстремальные ситуации, то держался в них молодцом: спас моряков греческого «Ириса» в шторм у Португалии, и наших советских, попавших под ракетный обстрел израильтян в сирийском Тартусе... Такое называется и чтится как профессионализм!

Капитана Жукова море испытывало не раз. Как и власть предрержащие на суше. Однако он оставался самим собой – человеком разносторонних интересов и познаний, неординарно мыслящим, открытым для честной дружбы, где-то изысканным в манерах, порой щеголеватым в одежде, по-своему радушным и шепотным... Ему была присуща та внутренняя свобода, которой во все времена не хватало русскому человеку, и, к сожалению, в катастрофически нарастающей мере не хватает сегодня. Он никому не позволял унижать своё достоинство и никогда не унижал достоинства кого-либо, будь то – коллега, младший по рангу или по возрасту либо совершенно незнакомый, неведомого происхождения и рода занятий человек. Сказались ли тут дворянские гены Юрия Дмитриевича, либо так его воспитало с детства петербургское окружение, но именно эту черту подмечали буквально все, кому довелось его знать. Ауру истинной интеллигентности ощущал любой, с первых же минут общения с Юрием Дмитриевичем.

Не потому ли и «береговое окружение» у капитана

было особое – северный наш кудесник слова Степан Писахов, корифей архангельской журналистики Калестин Коробицын и Зиновий Шадхан, народный артист СССР Сергей Плотников, писатели Владимир Беляев, Юрий Герман, Евгений Коковин, Юрий Казаков...

У Юрия Казакова в его знаменитых «Северных дневниках»: «И капитан «Юшара» Юрий Жуков совсем не походил на северного капитана, а скорее на капитана какой-нибудь тропической экспрессной линии – так он был смугл, изящен, такие были у него щёгольские усики, такая свежая рубашка с закатанными рукавами и такой галстук!»...

Больше десяти лет, как нет Юрия Дмитриевича... С полуголых и молчаливых скал мыса Морозова гладь западной части Белушьей губы выглядела студёной, но незамутнённой, умиротворённой. Даже ветры с Карской стороны не мешали размышлять...

Получается, в июле сорок третьего пароход Юрия Дмитриевича Жукова чудом спасся дважды: сначала от фашистской торпеды, а потом от мин. Игра случая? Или провидение? Может, угодно было Создателю, чтобы не погиб тогда «Рошаль», вот и даровал он жизнь его людям?! Штурману Жукову для того, чтобы он сумел прожить яркую жизнь.

6

Рано утром от главного грузового причала Белушки молча отвалил танкер. До этого несколько суток из его чрева в береговые ёмкости перекачивали топливо. По меркам океанских линий, танкер не очень крупный, хотя и современный, к тому же ещё и сиял свежей краской. На фоне однотонных грязноватых берегов бухты он определённо выглядел яркой игрушкой. Поэтому, когда танкер ушёл, казалось, будто он увёз с собой часть какого-то праздника. Не только причал, вся акватория Белушьей губы сразу опустела, и не верилось, что когда-то, в прежние годы здесь было тесно от кораблей...

Пустынными эти берега выглядели и когда появилось промысловое становище – как и построек, людей в нём было наперечёт. Парусные шхуны посещали Белушку от случая к случаю, а товарно-пассажирский пароходик из Архангельска тот жаловал по расписанию, но лишь два раза в навигацию. Явится, скажем, «Королева Ольга Константиновна», так всей фактории долгожданная радость! Причала не было – корабли становились на рейде. И дальше так, почти всю половину двадцатого века...

Картина решительно поменялась с той самой директивой Генштаба Вооружённых сил СССР от 7 сентября 1954 года. Она разом превратила новоземельские острова в испытательный полигон. Сначала в Белушью губу – «столицу» Новой Земли зачастили суда военных гидрографов, а потом уже и грузовые транспорты.

Самым первым строительным батальонам «объекта 700», как и в других местах побережья, достались для высадки голые места. Называлось – выгрузка на необорудованный берег. Но грузы исчислялись тысячами тонн, и вскоре ряжевые причалы появились и в Белушке, и в Рогачёво, и в губе Чёрной. Технология постройки везде одинаковая: большой деревянный сруб сажали на каменную подушку. Лес везли с Большой земли – из трюмов и с палуб сбрасывали прямо в воду гаваней – успевай, тащи на берег!

Анатолий Ильич Тифанов рассказывал:

– Осень, уже конец навигации – надо спешить. Пришёл последний в том году транспорт, разгружаться ему некуда. Побросали лес прямо в воду – транспорт ушёл. Ветер с моря прибил брёвна к берегу, но надолго ли? В любой момент ветер мог смениться, и тогда – прощай, груз! Приходит замполит Карасёв и говорит: «Ребята, надо что-то придумывать. Баграми по одному бревну вытаскивать – нам до следующего лета».

– Придумали?

– Ну, пришли мы, посмотрели. Надо лезть в воду. Октябрь. Но мы же моряки, воды не боимся! И с восьмью утра как начали! Цепляли пачку брёвен тросом, а машина на берегу вытаскивала их на сушу. Волна идёт – тебя накрыло с головой. Вынырнул – и снова цепляешь. И ведь не ушли, пока всё не вытащили...

– А жили где?

– Жили в палатках, по одиннадцать человек. Внутри – двойные нары, и чтобы всем разместиться, приходилось раздеваться на улице, а уж потом нырять в постель. Привезли нас в палатку. Мы на ногах стоять не можем. Врач выписал по 100 граммов спирта. Выпили, залезли в спальные мешки и проспали чуть не сутки. И никто не заболел! Помню, командир сказал нам после этого: «Ребята, Родина вас не забудет!» А только ушли оттуда – и забыла...

– Быт для нас был делом третьим, – согласился Александр Николаевич Разницын, бывший рядовой воинской части 20330. – Первая задача – построить причал, вторая – принять технику и оборудование для испытаний. Мы были молодыми, себя не жалели, о последствиях не думали. До нового года жили в палатках – каждая в два яруса...

Разговор с ним был в самом конце девяностых. Оба моих собеседника уже были на пенсии, болели. Комитеты ветеранов подразделений особого риска тогда ещё только начинали организовываться в стране. В Северодвинске, если мне не изменяет память, такого ещё не было. Естественно, никакими пенсионными преимуществами или льготами первостроители полигона не пользовались, даже не слышали о таких.

На судьбах человеческих, зачастую на трагедиях рождается полигон.

На поселковом берегу с давней поры сохранилось несколько причалов. Большинство из них выдержали удары времени и стихий, и если есть им на кого жаловаться, так на зазевавшихся штурманов – корабельными бортами смят привальный брус и вздыблен дощатый настил.

Полднем мы возвращались из тундры и привернули на один из таких старых причалов. Был разговор, будто бы изначально строили его специально для подлодок... Ряжевый фундамент, камень и сваи в тёмно-зелёных отметаинах водорослей и тины, выбеленные брус и плотные доски настила, и тоже в пятнах, но яркой ржавчины и черни пролитого соляра. На самом причале – пара рейдовых бочек для постановки кораблей на якорь, кунг, шланги и несколько труб с венти-

лями – верно, остатки водовода. С дальнего от берега торца – пролом – якобы от навала «Яузы». У дизель-электрохода «Яуза» в самом деле прочная бортовая сталь и мощный форштевень, дереву против них не устоять.

Самый первый металлический плавучий причал – изобретение полковника Евгения Никифоровича Барковского – в Белушку прибуксировали из Северодвинска. Солидное восьмидесятиметровое сооружение на выдвижных опорах состыковали к ряжевому основанию в 1955-м, когда первый ядерный взрыв на Новой Земле расколол арктическую тишину. Полигон ещё строился, и многие из стройбата, что высаживался десантом на твердь островов, тот взрыв увидели.

Страна, ввергнутая в атомную гонку, спешила и везла на архипелаг несметное количество металла... И это не преувеличение уже потому, что ни в прошлом, ни в этом веке его никто не считал, хотя бы примерно, сколько доставлено на Новую Землю техники и оборудования, если так можно выразиться, в металлическом исполнении. А возили, естественно, морем, и выгружали на причалы Белушки, и уж отсюда техника и оборудование расходилась во все концы огромного островного «хозяйства».

Но и в посёлке утиля оставалось немало, и в его окрестностях – сплывшие катера, плавбазы, баржи, понтоны глаз цепляют сразу. Собственно, и сегодня не только берега Белушней губы, но и дно её усеяно железом. Рассказывали, несколько лет назад в воду бухты рухнул некий летательный аппарат. Обнаружить его с помощью магнитотыскателей сочли делом обречённым – металл везде!

Недалеко, слева от главного причала, на побережье – плавбаза – давно уж отслужила своё. По современным меркам – мелочь – тонн четыреста или меньше водоизмещением, возможно, скроенная из бывшей самоходной посудины. Теперь же с берега на корму её завели швартов – цепь из приличных звеньев, и оттого смотрелась плавбаза каторжным узником. Перебрался на неё, перемахнув низкий помятый фальшборт. Над всей палубой сколочен навес из досок, поверх них – толь. Но всё мертво на судне, вырвано, разворочено и разбито. Краска давно вспузырилась и большей частью отлетела. Кнехты, шпильки, трапы и поручни изъедены ржавчиной. Споткнулся мой взгляд на листах фанеры – ею обычно оббивали стены кают. Валялись листы с рваными, отсыревшими остатками обоев у трюмного капа. Не исключено, жили в низах плавбазы первые строители полигона или же испытатели...

Днём позже я вернулся к старому судну на цепи. Стоял на берегу, пытался представить, как могла выглядеть плавбаза в пятидесятых, у какого из причалов нашлось ей место. Вспомнил Василия Парфентьевича Кобелева – осенью пятьдесят седьмого был он на Новой Земле, и мне рассказал:

– Нашу плавказарму отбуксировали в Селезнёвку. Место это обычное, не запомнилось – вода, сопки, туман

Православный крест на первом (старом) кладбище Белушней губы

и больше ничего! День выдался пасмурным, разве что кое-где ветер облака раздёргивал. Смеркалось. Перед взрывом по трансляции дали объяву: «Уйти с палубы». Кто ушёл, а кто и остался. Я был на палубе. В той стороне, куда мы смотрели, вдруг как будто рассвело, и потом долго, минут пять, наверное, угасало, темнело. Вот и всё...

Плавбаза изуродованным днищем лежала на камнях с креном на правый борт. Стало быть, пустые глазницы иллюминаторов её левого борта целились на гаснущий и облачный восток. Кто знает, может, в пятьдесят седьмом в них тоже глядели люди, ждали с небес грома и отсверков атомного взрыва?!

Подошёл офицер – невысокого роста, но ладно скроенный, и форма на нём с тщанием подогнана, русоволосый, большие серые глаза на узком лице, чуть застенчив. Поздоровался, представился, спросил, кивнув в сторону причала, где часом раньше швартовался морской буксир:

– Вы не со спасателя?

– Нет, прибыл из Северодвинска. В Белушке по приглашению командования. Документы предъявить?

Он улыбнулся:

– Не надо...

– Вас, наверное, моя пилотка с панталыку сбילה?

Он смутился:

– Кокарда Морфлота на ней... А гражданским сход на берег запрещён. Сами понимаете – закрытые острова...

С нашего места вид на бухту открывался внушительными свалками утиля. Помятые цистерны и битые технические ёмкости, остовы и кузова машин, бывшие контейнеры и просто металлические ящики соседствовали здесь с кучами резаных конструкций и деталей. Россыпи бочек из-под горючего, обрубки железных листов и труб обезображивали берег. Неоглядное скопище ржавого лома тянулось вдоль уреза воды и упиралось в старые пирсы.

Мы недолго, молча простояли:

– Вам такое в диковинку? – снова деликатно осведомился офицер.

– Нет. Случалось видеть. И даже похлестче... – я ему правду сказал – По Севморпути почти везде так, от Амдермы до Тикси...

– Тикси?

– Дальше Тикси на восток не ходил, и как там, не знаю – не видел...

– Наверняка та же картина, – спокойно, даже бесстрастно ответил он.

Зрелище свалки на берегу не удручало, но побуждало к размышлениям точно. В самом деле, куда девать металл, отработавший своё в Арктике? Вопрос давний, а для Новой Земли ещё и с нюансом, ведь в прошлом острова стерегли бдительней, чем границу. Какой уж вывоз лома на материк?! Однако слышал, будто бы в последние навигации металл всё-таки вывозят.

– Вывозили, – уточнил мой вопрос офицер. – Приходили несколько частников. Суда у них небольшие, и много в трюмы не берут. А сейчас дело как будто стихло, и наведаются ли они ещё – неизвестно.

– Может, нерентабельно?

Он подумал немного и ответил:

– Сомневаюсь. Слышал, корейцы предлагают Чукотку от утиля очистить. Взамен одно – металл, что найдут – себе, на переплавку. Отчего же корейцам в Арктике рентабельно, а нам нет? Возможно, секрет в быстрой выгоде. Не чёрный лом нашему частнику нужен, а цвет-

ной – он дороже. «Цветняк» на островах есть, но по тундре и у берегов в основном валяется чёрный. Что же теперь, сортировать? В хламе ковыряться?! У хорошего хозяина заведено вывозить его весь, подчистую. А это работа на годы...

7

Старое кладбище Белушки на косе, в прибрежье бухты. Слышал, будто здесь давным-давно было ненецкое капище, а потом уже его стали использовать, как христианский погост. Добирались к нему по дороге между завалами утильного железа и разрушенных построек. За стеклом УАЗика мелькнуло и что-то вроде бывшего угольного склада, а потом и обнесённая проволокой-колючкой площадка – оказалось, с металлом для вывоза на материк... Приехали. Иван Сергеевич Соколов-Микитов побывал в Белушьей Губе в тридцатом году, застал это кладбище с приметным старым гурием из камня, с высокими могильными крестами «чисточёнными ветром и морозной пылью...» Сегодня всё выглядит по-другому: более-менее оно обихожено. Установлен и огромный православный крест...

Захоронения бывают разные, и не только на суше, но и в морях тоже. Одно из кладбищ радиоактивных отходов устроено на дне залива Степового.

Залив относительно узок и неглубок, врезается в восточный берег Новой Земли по 72-й широте. С покатога прибрежья типичная тундра плавно устремляется вверх на сопки. Самая крупная из них – 341 метр. Из прочего приметного: речка, сбегаящая в залив на западе, а на востоке – два солёных, затопляемых морским приливом озера, и на самом входе в залив – крошечный островок Наковальня – верх его и в самом деле напоминает опору дляковки металла.

Местный подводный могильник существует с тех пор, как бытовала практика топить радиоактивные отходы в океане. Поступали так все страны, имевшие ядерные производства. Из того, что ныне покоится на дне залива, давно уже не делают тайны. Говорят о двух тысячах контейнеров с твёрдыми радиоактивными отходами, но особая речь о подлодке К-27, которую уложили на грунт целиком.

Лодку эту я видел в Северодвинске, и в не лучшие для неё времена – пришвартованную к причалу отстоя и консервации, среди таких же списанных кораблей-горемык. Тогда ни сном, ни духом не ведал о дальнейшей её участи, да и ни к чему мне было знать. И, конечно, никак не предполагал, что много лет спустя интересы и труды морского историка не раз выведут меня на недолгую и трагичную судьбу уникальной атомной подлодки К-27.

Столь же случайным оказалось знакомство и с последним боцманом этого корабля. Геннадий Александрович Петухов больше двадцати лет как вышел на пенсию и работал в северодвинском драмтеатре инструктором пожарной безопасности. Впрочем, сказать «работал» не совсем верно. Помнится, всякий раз он начинал своё дежурство неременной фразой: «Заступил на службу». Звучало это, разумеется, в шутку, но и с уловимой интонацией бывшего военного человека. Флотская выправка в Геннадии Александровиче угадывалась безошибочно, про себя я сразу отметил: строгая струнка, аккуратист, любит порядок, наверняка всерьёз занимался спортом. Но спросить его про воинскую службу повода долго не было. А не спросил бы однажды, так скромный Геннадий Александрович мог и

Атомная подводная лодка К-27

не придать никакого значения своему морскому прошлому.

Из всех кораблей, на которых довелось служить Петухову, самой известной на флоте была подлодка К-27. Впервые он увидел её, когда командовал

рейдовым минным тральщиком. Базируется он в Северодвинске, и у причала, где тральщик обычно швартовался, стояла атомная К-27 – мощный красивый корпус. Всех и каждого из её тогдашних моряков Геннадий Александрович знал. Будничные корабельные дела «по портовому соседству» сводили Петухова с ними часто. Командир подлодки капитан I ранга Геннадий Гелиадорович Новицкий слыл большим умницей, морскую профессию знал. Когда в 1975-м тральщик мичмана Петухова «отслужил свои Регистры», Новицкий взял его к себе боцманом, старшиной рулевых и сигнальщиков. Правда, на тот час атомная лодка уже числилась неходовой.

Известный писатель-маринист Николай Черкашин в очерке о подлодке К-27, в общем-то, непростительно для моряка-подводника называет её «Золотой рыбкой», путая с первой советской подлодкой проекта 661, которая создавалась с корпусом из титановых сплавов. К-27 тоже строилась северодвинцами, однако несколькими годами раньше «Золотой рыбки», и совсем по иному проекту – 645. Она тоже была уникальной, но в ином роде. Внешними очертаниями К-27 не отличалась от самых первых наших атомных кораблей, но в её реакторах использовался так называемый ЖМТ – жидкометаллический теплоноситель. Проще: в системах парогенераторов лодки циркулировала не вода, а расплавленная масса свинца и висмута. Лодку сдали флоту в 1963-м, она ходила в моря по большей части опытовым кораблём и, к сожалению, недолго.

В мае 1968 года морякам поставили задачу вывести реакторы на полную мощность. Только командир БЧ-5 лодки А.А. Иванов тогда посчитал, что корабль к походу не готов, поскольку уже требовалось провести регенерацию ЖМТ. Своё «особое мнение» он даже записал в бортовой журнал. По тем временам такой поступок требовал мужества. К мнению Иванова не прислушались. В море случилась страшная авария в реакторном отсеке. От радиационного удара в тысячу рентген переоблучился весь экипаж. К-27 вернулась

в Грехиху. Счётчики Гейгера зашкалили даже на причале. Часть моряков погибли. Как боевой корабль подлодка уже не подлежала восстановлению. Свежие активные зоны её реакторов выгрузке не поддавались. Поэтому первый контур залили фурфуролом, который, кристаллизуясь, становился чем-то напоподобие гранита, а весь реакторный отсек заполнили битумом.

Стоянку лодки в Северодвинске обеспечивал сокращённый почти в три раза экипаж. Но, как и на любом корабле с Военно-морским флагом, на ней неслась вахта. Необитаемым являлся лишь реакторный отсек.

Все, кто бывал на лодке К-27 того времени, впоследствии рассказывали мне: в отсеках её поддерживался идеальный порядок. Помнится, так и говорили: «Палубы выдраены под домашние тапочки, а поручни под белые перчатки». А кто за чистоту и опрятность корабля первый ответчик? Боцман! Боцман Петухов дело своё знал.

В Главном штабе флота К-27 уже не числили, и вообще как-то скоро о ней забыли. Но однажды приехал в

Геннадий Александрович Петухов – боцман атомной подлодки К-27. Он провожал её в последний путь к Новой Земле

Северодвинск Главком Сергей Горшков, вышел на причал и очень удивился: «Как, она всё ещё тут?!»...

– В последний поход подлодку тщательно готовили, – рассказывал Геннадий Александрович. – Море редко кого балует, и главным было обеспечить непотопляемость корпуса. Всё точно рассчитали, и для пущей плавучести несколько балластных цистерн даже заполнили «пенопластовыми шариками»...

В последней команде К-27, точнее, в аварийной её группе пошли тринадцать человек: командир – Алексей Анатольевич Иванов, тот самый принципиальный командир БЧ-5 со своим «особым мнением», три матроса-срочника, остальные – мичманы. Митингов не устраивали и обошлись без долгих прощаний на причале. Был сентябрь 1981-го...

К месту шли около трёх суток. Прибыли. Карское море: серый день, стывающая вода. В заливе Степового, стали в точку. Эхолот отбивал 33 метра. По рекомендациям МАГАТЭ аварийные реакторы надлежало топить на глубине не менее 4000 метров. Но кто тогда слушал МАГАТЭ?

Лодка не хотела умирать. В её корпус пустили студёное море, первые отсеки и центральный горькую воду брали быстро, а кормовые медленно, и обречённая подлодка хотя и погрузилась, но лишь упёршись носом в дно.

– Корма с рулями и стабилизаторами оставалась на поверхности, – объяснил Геннадий Александрович. – Сначала решили делать вырез в корпусе. С буксира на лодку прыгнул водолаз с газовым резаком. Но тут заметили, воздух всё же стравливается. И резать не стали...

Неверно описывают последние минуты атомной подлодки К-27 и маринист Черкашин, и мемуарист адмирал Мормуль: никто тогда корпус лодки в районе балластной цистерны форштевнем буксира не бил, да и невозможно форштевнем пробить такой металл.

– Дело было так, – продолжил Геннадий Александрович. – Оба буксира зашли с её кормы, разом навалились на стабилизаторы, жиманули, вот тогда она и ушла, наконец, под воду. Последний раз и навечно... Настроение у всех было соответственное, будто на похоронах. Мужики, кто с первого дня на К-27 служил, мрачно вслух, мол, не помешало бы выпить за её службу и за её покой... А мне 10 сентября день рождения, и я в рейс бутылку коньяка взял. Вот тогда она и пригодилась...

Вернулись в Северодвинск. Командир Беломорской базы Леонид Михайлович Сальников перед строем на плацу объявил: «Задача выполнена. Подлодка отбуксирована и затоплена в заданном районе Баренцева моря». Вообще-то залив Степового – Карское море. Но не ошибся тогда адмирал и не оговорился: место затопления подлодки К-27 держали в секрете, даже от своих.

Только несколько лет спустя, уже в крикливые времена «перестройки» Геннадий Александрович Петухов прочёл в одной из газет статью об экологии Севера. Там же приводились точные координаты захоронения его корабля – 72 градуса 31` 25" северной широты, 55 градусов 30` 25" восточной долготы. Последний экипаж К-27 расформировали, моряков перевели на другие корабли. Петухов дослуживал свой срок на других атомных лодках, которые стояли в Северодвинске.

Признаться, в рассказе Геннадия Александровича о

К-27 я не почувствовал сентиментального отношения к обречённому кораблю, однако именно с этой подлодкой у него связано больше всего воспоминаний.

Строгого инструктора Петухова в северодвинском драмтеатре долгое время вспоминали добрым словом, и, кстати, так вышло, что штатные аншлаги «ответственный за пожарную безопасность – Г.А. Петухов» в помещениях театра ещё долго сохранялись после того, как он окончательно ушёл на пенсию. Об очень многом и примечательном из морской службы Геннадия Александровича, как выяснилось, в коллективе театра даже и не подозревали.

Из отчёта совместной российско-норвежской экспедиции 2012 года на научно-исследовательском судне «Иван Петров», опубликованного в октябре 2012 года в Париже: «Уровень загрязнений гамма-излучающими радионуклидами в заливе в целом низкий. С помощью телеуправляемого подводного аппарата обследованы затопленные объекты. Повреждений контейнеров не наблюдалось. Утечек радиоактивных веществ из АПЛ К-27 нет. Лодка лежит на ровном киле и не покрыта слоем донных отложений. Коррозии лёгкого корпуса не наблюдается. Отсутствуют ряд люков на лёгком корпусе. Палуба покрыта слоем ила 3-5 сантиметров. На корпусе АПЛ наблюдаются бентические организмы».

Осенью залив не знает покоя, волны бегут по нему без усталости, короткие и злые. Чешуйки пенных гребешков густо разбросаны по серо-зелёной воде.

Море, прижатое небом, тускнеет холодно и мрачно. И никакого намёка на затишье, хотя мир отчего-то и стал почти беззвучным. Молчит залив, даже на берегу едва шелестит накат, бросает на гальку клочья пены, столь похожие на сахарную вату. Смолк и гомон птиц на ближних скалах. А дальше на север – безучастные бурые сопки тундры. Равнодушное небо над всем...

В такие часы становится тревожно от неясных ожиданий или даже предчувствий. Будто осторожно прикоснулся к ледящей тайне, что известна немногим, и ждёшь, как она на сердце отзовется...

8.

Осень лишает тундру праздничного наряда, в который она облачается лишь в август, когда ярко и стремительно цветёт. В сентябре тундра столь же скоро гаснет, и в этом её увядании как будто есть и сожаление, и отчаяние. А ещё – предчувствие беды.

Первые атомные заряды сработали на Новой Земле осенью, тоже в сентябре. Есть фото и кинохроника тех дней, мне их доводилось смотреть не однажды. Однако ни киноплёнка, ни, тем более, отпечаток на бумаге не способен передать человеческих переживаний...

Всякий, кто видел те ядерные взрывы воочию, описывал мне их по-своему. Хотя все сходились в одном: зрелище зловещее, но красивое.

Геннадий Ефимович Белозёров, дальномерщик ПК-206 – большого охотника за подлодками, в тот день был на суше:

– Погода стояла ясная и сухая. Мы лежали на открытой земле за бугром. Бугор считался естественным укрытием. Вертолёт стоял недалеко. Говорили, мол, до эпицентра километров двадцать.

Все лежали лицом вниз, а я в небо. Это, конечно, воспрещалось, но уж очень хотелось посмотреть на атомный взрыв. Услышал гул двигателей, самолёт увидел. Нет, страха не было, а только любопытство. А потом свет! Яркий! Ослепительнее, чем фотовспышка, и за ним – гром покотился, да такой, что больше походил на треск. И треск этот отовсюду – будто земной шар раскололся! Потрясающе! Я в небо смотрел – там тёмной линией огромная дуга, ровная, будто её карандашом провели, и движется она прочь от места, где взорвалось. Думаю, так воздух спрессовало в ударную волну...

Виктор Сергеевич Ясинский, рулевой морского буксира МБ-101:

– От берега в море мы часов пять-шесть шли, но всё равно почувствовали, как судорога по островам пробежала и как грохотало. Шар огненный медленно поднимался, всё в нём кипело...

Не только Виктора Сергеевича, всех моих собеседников-очевидцев впечатлил огненный шар атомного взрыва. Людей завораживало пламя в центре его, оно казалось адовым огнём, что вырвался из недр преисподней. Он яростно метался, извергал кроваво-малиновые языки-щупальца, темнел и клубился, поднимался на огромную высоту, а там его, мрачно угасшего, подхватывали шальные ветры, рвали его и несли уже куда им угодно.

А потрясённое море будто вбирало в себя необузданный гнев атомного взрыва, чтобы затаить его до поры до времени в угрюмых своих глубинах. Николай Дмитриевич Старицкий, старшина эсминца «Безукоризненный»:

– Подняли якорь, пошли обратно. Примерно на полпути к берегу – полоса горящего моря. Море горит! Наверное, горящую пыль подняло взрывом с берегов, а осела она уже на поверхности воды. Море полыхало прямо по курсу. Ярко! Зловеще! Форштевень резал огненную гладь...

А с небес растревоженной Арктики, куда часом ранее вознеслось адово пламя, человек смотрел на дело помыслов и рук своих. Геннадий Яковлевич Сорокин, лётчик бомбардировщика Ту-16:

– С нашей высоты все эти скалы и сопки смотрелись, как куча хаотично разбросанных чёрных камней. Хотя чёрным, можно сказать, было всё – от ядерного жара ледники и снежные пространства растаяли. Жутко предстать, что там творилось!

Николай Александрович Разницын, рядовой стройбата:

– Там ад творился! Ходить в зону первого взрыва нам запрещали, но мы же молодые были, глупые, о радиации ничего не знали. Поэтому за колючую проволоку всё же бегали – посмотреть... Танки и машины в шлак превратились. От ударной волны трещины в гранитных скалах образовались. А уж потом примечать стали – белухи целыми стадами на берег залива выбрасываются, да и другая морская живность, верно, почуяв угрозу, стала обходить наше злосчастное место стороной...

Валентин Леонидович Крючек, старшина штабного судна «Эмба»:

– Пошёл я вдоль уреза воды. Поразительно: сначала полоса медуз, следом – полоса омертвевших водорослей, за ней – такая же из палых крабов. На какой глубине живность жила, там смерть и встретила, а отлив оставил всё на берегу... Будто море «предъявило» нам, людям, погибших своих обитателей...

До ныне действующего моратория испытатели взорвали на Новой Земле 132 ядерных устройства – в атмосфе-

ре, под водой и на земле, а также и под землёй. Рвать в стольных безопаснее и якобы менее затратно. Но и здесь энергия расщеплённого ядра время от времени крушила оковы своих подземелий. Точной статистики таких ЧП нет, вернее – частично обнародованы случаи с наиболее серьёзными последствиями, когда радиоактивные газы вырывались в атмосферу.

Николай Михайлович Милютин, комендант посёлка Северный однажды стал свидетелем такой аварии, и много лет спустя рассказывал мне, удивив простым, но и поэтическим образом:

– Расщелина в сопке ещё несколько дней извергала выхлопами коричневый дым... Пыхтела, будто Змей Горыныч дышал. Мы из окошек это видели...

Ядерный Змей Горыныч надолго уgomонился лишь с введением моратория на подземные испытания. Сегодня задачи полигона сформулированы в президентском Указе № 194 от 27 февраля 1992 года. Читаем: «Поддержание в постоянной готовности сил и средств к проведению полномасштабных подземных ядерных испытаний и иных испытаний. Подготовка и проведение испытаний перспективных образцов вооружения и техники, военных объектов экономики страны на стойкость к поражающим факторам ядерного взрыва. Подготовка и проведение неядерно-взрывных экспериментов, опытов с использованием взрывчатых веществ в интересах поддержания существующего уровня развития ядерного оружия, повышения его надёжности и безопасности».

Пожалуй, без комментариев всё ясно. Хотя, возможно, следует пояснить, что такое неядерно-взрывные испытания. Их ещё называют докритическими – подрыв боеголовок с изотопами плутония и урана, но (!) без выделения ядерной энергии. В принципе, это ипостась и дело учёных, физиков-ядерщиков. Всех же прочих, думаю, должно устраивать, что окружающей среде такие опыты вреда не несут. И всё же есть вопрос корнем из прошлого: каков уровень радиации на островах сегодня, именно после тех, реальных 132 ядерных взрывов?

Не только сотрудники научно-испытательного отдела полигона, но и учёные нескольких морских комплексных экспедиций уверяли меня: любое пребывание на Новой Земле, как и постоянное проживание, безопасно для здоровья – радиация в пределах природного, или по другому – естественного фона! А в Институте безопасного развития атомной энергетики мне растолковали азы:

– Радиоактивность измеряют в разных единицах – кюри, рентгенах, греях, зивертах, а мощность излучения – в этих же единицах, но соотносённых с единицей времени. Обычно более понятны населению – микрорентгены в час. Наиболее безопасными для человека считаются 15-20 мкР/час. В принципе даже уровни до 50 мкР/в час безопасны. Всё, что выше, может повлиять на здоровье, но при очень длительном воздействии на человека.

– А в природе?

– В природе на всё живое воздействует радиация, из того же космоса. На самой Земле: мрамор, известняк, песчаник, и в особенности – гранит. Они имеют повышенное излучение, но в рамках того же естественного фона. Человеку нечего опасаться. Никому же не придёт в голову лежать всю жизнь на плитах природного камня. Хотя в целом из-за него в крупных городах фон выше, чем за их пределами...

– В столице полно гранита, не опасно?

– В Москве немало мест, где преобладает гранит, – соглашались собеседники. – Там порой фиксируется – от 27 до 42 мкР/ч. То же и в Петербурге.

– Что же так подпортило репутацию Северной Пальмиры?

– Во-первых, Пётр основал город в области обширных геологических разломов на месте стыка Балтийского щита и Русской платформы. Из таких разломов, случается, выходят на поверхность радон и продукты его распада. Во-вторых, гранит во множестве использовался при строительстве. Поэтому есть участки набережных, где естественный фон – 60 мкР/час. Наконец, сегодняшний Петербург – город индустриальный, с техногенными объектами, теми же реакторами в промышленных зонах и научных учреждениях...

– А в итоге?

– Усреднённый фон до 20 мкР/час. Однако бывает и до 25.

На Новой Земле о радиации досужих разговоров не ведут, и на это сразу обращаешь внимание. У обывателя на Большой земле, напротив, понятие о радиоактивных угрозах прочно связано с островами, точнее – с издержками былой репутации закрытого испытательного полигона вкуче со слухами.

Особая речь о Чёрной губе. Здесь в сентябре 1957-го испытатели устроили так называемый «грязный взрыв». Именовался он ФО-3 – физический опыт № 3 – ядерный взрыв, когда, высвобождаясь, энергия создавала не ударную волну, а максимум радиации. Этим якобы «отрабатывали технологию» той самой нейтронной бомбы, которой нас хотели напугать американцы в 70-х. Со слов сразу нескольких ветеранов, участников того эксперимента: зона небольшая, на правом берегу, недалеко от уреза воды – крашеная суриком вышка с усечённым конусом. Якобы в этом конусе и был установлен заряд...

– Спроси, как сейчас в губе Чёрной? – напутствовали они меня.

И вот беседуем с подполковником Владимиром Васильевым, специалистом научно-испытательного отдела полигона. Владимир Константинович строг и опрятен, морская форма ему очень к лицу. Он спокоен, кажется, никогда и никуда не спешит, и обо всём рассказывает с мягкой, располагающей улыбкой:

– Задача нашего отдела – контроль за радиационной обстановкой на Новой Земле во всех экспериментах, проводимых Росатомом.

– Да, но эксперименты ведутся в посёлке Северный – далеко ватно отсюда – в Маточкином Шаре. Есть ли контроль в Белушке?

– Постоянный! И в Северном, и в Белушке, и в Рогачёво...

– А там, где рвали заряды на открытых площадях – в воздухе и под водой?

– Мониторинг ведётся и там, везде, где испытывалось атомное оружие – на суше, в акватории, в воздухе, причём, и в рамках научных исследований тоже...

– Какова обстановка? Цифры назовёте?

– Назову. Обстановка благоприятная, лучше, чем в иных крупных городах...

– В Москве и Петербурге, например, 20-25 мкР/час.

– А у вас, в Северодвинске?

– Табло на заводских проходных высвечивают 13-14, редко 16 мкР/час.

– У нас здесь – 12, точнее – от 6 до 12...

– Выходит, с момента запрета на «открытые» ядерные взрывы Арктике удалось запустить маховик регенерации?

– Есть такое понятие – «период распада» – время, за которое уменьшается интенсивность радиоактивного

излучения. У каждого радиоизотопа оно своё – от долей секунды до многих лет. Те, что были «выброшены» с ядерными взрывами на Новой Земле в пятидесятых, сейчас уже не представляют опасности для человека.

– А для микроорганизмов, животных, рыб?

– В районах, где производились ядерные взрывы, мы отлавливали многих особей гидробионтов, сравнивали их с теми, что были пойманы в других местах Новой Земли, и каких-либо отклонений в их внешнем виде не выявили. Более того, не только рыба, но и мясо оленей, водоплавающей дичи пригодно для употребления в пищу...

– И в губе Чёрной?

– И в Чёрной тоже.

– Там санитарная зона. Бывший эпицентр взрыва?

– Да. Зона небольшая – всего 0,3 квадратных километра. Она закрыта для посещения, и вообще вблизи Чёрной никто не живёт.

– В Чёрной заряды рвали под водой, и часть радиации могла осесть в донных отложениях. У бухты ограниченный водообмен с Баренцевым морем, но всё же он есть. Заражённый грунт мог попасть в океан...

– В каком объёме, думаю, вам не скажет ни один океанолог. Там штормовой район, морские течения, приливы-отливы, каменистый грунт... Практически невозможно определить.

– В 1993-м в Чёрной с «Геолога Ферсмана» вели анализ донных осадков. Активность цезия-137 составила на два порядка выше фоновой, а плутония-239 и плутония-240 – на три, был обнаружен кобальт-60...

– Заметьте, с того времени, как там побывал «Геолог Ферсман», прошло ещё двадцать лет... Естественно, в пятидесятых от первых взрывов флора и фауна пострадала. Однако скажу, сегодня в местные озёра заходят и голец арктический, и паляя. Значит ситуация не такая уж плохая...

И в самом деле, в реках и озёрах Новой Земли главная рыба – арктический голец, точнее несколько его разновидностей. В том числе и паляя – лососёвая рыба. Гуляет она в холодных морях, а на нерест идёт в реки, впадающие в Ледовитый океан. Паляя очень изменчива из-за особенностей своей биологии, чутко реагирует на изменения в окружающей среде, но к устьям новоземельских рек уже много лет идёт смело.

На мысе Морозова типичная полярная тундра. Однако на её покрывалах из худосочной травки сразу обращаешь внимание на вкрапления сизовато-зелёных растений с мелкими зеленовато-жёлтыми цветками. Это родиола розовая – травянистый многолетник. В России он произрастает на арктическом побережье Европейского Севера, на приполярном Урале. В Красной книге Архангельской области он указан, как сокращающийся в численности вид, который встречается лишь на Соловецких островах и кое-где на побережье Белого моря, Новая Земля даже не упоминается. И вот реальность – родиола розовая на заполярном архипелаге – явление в пользу экологического благополучия.

– А в Чёрной губе вы сегодня ничего особенного не увидите, – сказали мне офицеры, – там всё, как здесь, в Белушке – такое же море, такие же сопки...

...Ветер в спину плотно напирал, но вот странно – не топоришил гладь бухты. Синяя вода в ней стекленела недвижно и загадочно. Лишь на дальнем и пустом берегу было приметно движение: через прорехи облаков солнечный свет падал на сглаженные холмы, и оттого, казалось, тёмно-рыжие пятна медленно разгуливали по тундре закрытых островов.

9

Окно моего номера в гостинице на ночь открыто – посёлок уже перешёл на паровое отопление и в гостинице топили на совесть. Просыпался я под звуки раннего часа. Какие они в Белушке?

В начале шестого ещё случались редкие минуты, когда неустанный ветер будто бы задавал себе «самый малый ход», и тогда слабо шелестели по тротуарам Белушки лёгкие обрывки бумаги или же целлофановых кулёчков. Если же из подворотен вдруг поддули сквозняк, брэнчала о бетон тонкая жесть консервных банок. Птиц не было слышать совсем, даже бакланов, обычно горластых по утрам на городских мусорках. Собаки – вот, кто изредка подавал лай, но беззлобный, вроде переключки караульных в поселковых дворах. Иной раз бурчали моторы машин, шуршали шины, но шаги и те слышались громче. После семи утра чаще начинали хлопать входные двери внизу, стучать армейские сапоги и ботинки, позже женские каблочки и, наконец, позванивали детские голоса – малышню вели в садик. Значит, не пристало и гостю вылёживаться – пора вставать. В блокноте много имён тех, с кем обязательно надо встретиться.

Сюжетную линию легендарного фильма «Семеро смелых» Сергей Аполлинариевич Герасимов, между прочим, позаимствовал у новоземельцев, ещё точнее – у зимовщиков Русской гавани. Рассказать он задумывал о советских покорителях Арктики, которые первыми высадились на острова, чтобы построить некий город-сад. Человеку XXI века ещё понятнее фантастичность этого режиссёрского замысла. Город-сад так и не построили, но посёлок Белушка на архипелаге всё же есть, и неплохой посёлок. Как живут в нём люди? И, наверное, есть-таки в поселенцах Белушье Губы нечто особенное, исключительно им присущее, раз уж так много мне рассказывали об особом новоземельском братстве. Область эта скорее для знатоков «душеведческих наук». Мои же впечатления просты и субъективны, вряд ли велика в них разница с тем, что приметит большинство приезжающих в командировку с Большой земли. И всё же...

Особенности жизни на островах ощутимы везде.

Ещё один памятник в посёлке – корабельное орудие. Это память о Великой Отечественной войне

Новая Земля не исключение, никуда от этого не деться. К этой мысли я потом не однажды возвращался – безлюдье на огромных и открытых пространствах Новой Земли постоянно напоминало о ней. И смиренное течение жизни, в которой многое можно предсказать, порой порождало острое чувство сиротства, а ветер, непрерывный и холодный, лишь усиливал его.

Лет десять ходили новоземельцы у Минобороны в изгоях – особый период «кельцинского развала». Сейчас трудно поверить, но воинские казармы обогривались тогда печами-«буржуйками», на окнах – брезентовые занавески, чтобы дольше держалось тепло, а если надо в туалет, то идти следовало «до ветру» – на улицу. Ста пятидесяти объектам полигона и посёлка требовался капитальный (!) ремонт – «коммуналка» дышала на ладан. Мыслимо ли?! Оказывается – да.

Анатолий Анатольевич Писаревлевыч, капитан II ранга запаса, сотрудник научно-исследовательского отдела. Приказ – служить на Новой Земле получил как раз в те самые «ельцинские» времена. Он и служил. Признаться, мне Анатолий Анатольевич сразу понравился – высокий, статный, выглядит моложе своих лет. Рассказывал же откровенно и с улыбкой, вообще оставил о себе впечатление человека открытого, расположенного к беседе:

– У меня первая мысль была – как скорее отсюда свалить? Я застал развал, нет, не в работе полигона, а полную разруху в быту. Водоводы и теплотрассы перемерзали. Свет подавали с перебоями и ограниченно. Представьте, полтора месяца жили – электричество включали всего на два часа в сутки!

Знаете, холод очень запомнился. Вообще, Арктика берёт своё – системы жизнеобеспечения здесь выходят из строя чаще, а в конце девяностых, ничего не преувеличиваю – держались на грани катастрофы. Заносы, разморозка, прорыв, обрыв какой – офицеры сами боролись с разрухой – ремонты брали на себя. Иначе – не выжить! Однажды стряслась авария на теплотрассе – мы на работе, в кабинетах сидели в... шубах и шапках. Чернила в авторучках замерзали! Был даже момент, когда по местам службы нам всем «буржуйки» выдали – печки-«буржуйки»! Это XXI век?!

– И в магазинах пусто...

– Пусто. Если вдруг выкинут товар на прилавок, цены бешеные! Лейтенантской зарплаты хватало всего на два похода в магазин. А ведь бывали случаи, когда и её не платили по несколько месяцев, как, например, после дефолта 1998 года.

– Спасал паёк?

– Да, обычный паёк, который сюда поставлял флот... Хотя частенько из-за нехватки одни продукты в нём заменялись на другие. Например, масло могли заменить на «сгущёнку». Или – килограммов шесть «ржавой» перемороженной селедки вместо овощей... Тогда у сушёного картофеля появилось шутивное прозвище – «чипсы»... Соотношение «мяса и костей» в пайке, оставляло желать лучшего... Всякий, кто направлялся в командировку или в отпуск летел, обратно вез продукты. Это, как правило: на Большую землю с одной сумкой, обратно тащишь сумок шесть-семь... Правда, такое мог позволить только тот, кто летел бортом военно-транспортной авиации. Если рейсом «Аэрофлота», то там, как знаете, надо платить за дополнительный вес багажа. Так что с учётом наших скромных зарплат приходилось «укладываться» в положенные по инструкции 20 килограммов... Да, авиация же летала – лётчики товар могли привезти. По договорённости или так, по случаю. В Рогачёво, прямо на лётном поле «базар» происходил... Мужики с куревом бедствовали, случалось, что ни папирс, ни сигарет! При мне бывало, что на сигареты не хватало денег...

– И долго ли продолжался такой экстрим?

– В июле 2002-го полигон посетил Сергей Иванов – тогдашний министр обороны. Пожалуй, с того визита начались изменения к лучшему. Пошли дополнительные борты, дополнительные поставки, и денежное довольствие военнослужащих стало расти. Очень важно, что начали ремонт на большинстве объектов ЖКХ. В Белушке к тому времени уже не было полностью исправных ДЭСов. И ЗИПа, к слову, тоже не было. Представляете? Тогда и завезли новые дизельные электростанции. Пускай немного, но даже строить кое-что в посёлке начали! В 2006-м Иванов (в ту пору – вице-премьер правительства РФ – *Прим. О.Х.*) прилетал к нам во второй раз – обстановка уже налаживалась...

Жизнь на Новой Земле – всегда испытание. Кому-то и одной «зимовки» на островах вполне достаточно, чтобы впасть в бесконечное чемоданное настроение. Однако есть и те, кому и десяток лет на островах не в тягость. Мне такие полярные должители интересны.

Ещё одного старожила Белушки – Валерия Александровича Ардышева встретил в местном Доме офицеров. Кстати, в Северодвинске абсолютно такой же – типовой проект. Ещё один ДОФ-«близнец» был недалеко, в Рогачёво, но в пору министра обороны Сердюкова этот очаг культуры новоземельских лётчиков окончательно развалился, причём, в самом прямом смысле. Так вот, иду по фойе ДОФА, а из репетиционного зальчика льётся «Караван» Дюка Эллингтона! Ничего себе, думаю, – строевой оркестр! Приоткрыл дверь, заглянул и увидел Валерия Александровича – невысокий, худощавый, очки в тёмной и широкой оправе, лицом очень похож на моего школьного учителя физики. Признаюсь, сразу Ардышева узнал – видел раньше, когда приезжал новоземельский оркестр на юбилей Северодвинска, а теперь, уже в Белушке, с Валерием Александровичем познакомился...

Без кого не обходится ни один парад у военных и, пожалуй, любой из праздников, и уж точно – всякое

большое торжество? Конечно, без музыкантов, без оркестра, под который знаменосцы поднимают стяги, а воинский строй чеканит шаг. И здесь, хоть площадь большого города или плац скромного гарнизона – без разницы. И на Новой Земле тоже есть свой оркестр, а в нём свой уважаемый ветеран – Валерий Александрович Ардышев. У него солидный стаж и музыканта, и полярного островитянина – двадцать восемь лет! Накрепко он привязан к двум здешним домам – один, где живёт с семьёй, второй – гарнизонный Дом офицеров.

А начинал Валерий Александрович почти, как сын полка, точнее музкоманды. Родился в Новосибирске, учился по классу кларнета в школе музыкантских воспитанников – так она и называлась. Выпускники её шли в воинские оркестры. Так стал он сначала воспитанником Учебного отряда подводного плавания в Севастополе, а потом на срочную его призвали в оркестре авиации Черноморского флота. Там он и остался на сверхсрочную, там же, на юге, женился, там же родился сын – Олег, который, кстати, пошёл по той же профессиональной стезе, и сегодня старшина новоземельского оркестра. На Новой Земле Валерий Александрович с 1985-го. Махнуть на острова сагитировал знакомый дирижёр, он руководил здешним оркестром.

– Из южных краёв и сразу в Арктику. Разницу почувствовали? Не пожалели?

– На Чёрном море, понятно, любой парад, любые смотры, сборы, конференции, вообще любое мероприятие без оркестра не обходилось. В профессиональном смысле и на Новой Земле было так же. Я не преувеличиваю: здесь тоже яркая служба – парадных прохождений, конечно, меньше, но в остальном – все торжественные мероприятия, концерты, праздники в ДОФе, а их немало – от юбилейных до Встречи восхода солнца. Мы и корабли встречали и провожали. Не только маршами на причале. Но и концерты давали на кораблях. Ещё и смотры самодеятельности у нас проводились регулярно. Уж они-то без оркестра никогда не обходились. И, как итог, – сводный концерт самодеятельности полигона! Но главный праздник, конечно – День Военно-Морского Флота. Собственно, только после него музыкантам уходить в отпуска разрешали. Первая моя осень на Новой Земле началась с погодных «вариантов», и таких за три месяца выпало сорок. Поверите ли, тоски не было – жили дружно, с настроением. С гарнизонной жизнью я был уже знаком и потом столько лет службы научили сдержанности. Здешний коллектив дружный, встретил хорошо, а это тоже важно. Регулярные занятия, самодеятельность работала, вечером – танцы. Жизнь кипела! Нет, честно скажу – с самого начала Арктика меня не смутила...

С Валерием Александровичем мы прошли по просторному фойе на втором этаже – для танцев лучшее место, и я заметил:

– Без танцев в России даже сельский клуб не обходится. А тут – Дом офицеров, причём сейчас единственный на всём архипелаге.

– Это правда, и раньше здесь наш оркестр на танцах играл, но сейчас уже иная музыка. Времена меняются, ничего не поделаешь. То, что молодёжи интереснее танцевать «под дискотеку», чем под «живой» оркестр, – не только мода, веление времени, видимо. Везде так, и Новая Земля не исключение.

– Валерий Александрович, всё же люди, в конце концов, с островов уезжают. У вас были такие мысли – уехать?

– Со временем они появляются у любого, это понятно. Но моя семья здесь – супруга и сын, любимая работа... С 1997-го – я – военный пенсионер, но коль остался – артист новоземельского оркестра.

– С сохранением воинской формы...

– По оркестрантской форме я – главный корабельный старшина.

– Сделаю комплимент. Оркестр у вас неплохой – я его слышал.

– И комфлота, и начальник штаба флота на полигон приезжали – удивлялись, что на Новой Земле такие музыканты. Вообще, люди здесь своего существования без оркестра не мыслят. И если речь о военном параде или торжестве, и если об отдыхе в ДОФе. Порой так и говорят, в шутку, конечно: оркестр – луч света в царстве полярной ночи...

Считается, в Белушке самая северная в мире школа – Федеральное

государственное казённое общеобразовательное учреждение «Средняя

общеобразовательная № 150». Территориально она находится в Архангельской области, хотя и отстоит за тысячу вёрст от Архангельска. Школа в Белушней Губе радует глаз: трёхэтажное кирпичное здание, стены его закрыты сайдингом – выглядит опрятно. И внутри просторно, чисто и ухоженно, светлые классы, специализированные аудитории, включая кабинеты информатики и лингафонный, разнообразные наглядные пособия, аккуратная современная мебель, интерактивные доски, мультимедийные проекторы, экраны, в школьной библиотеке хороший выбор книг. Такого количества информационных стендов на коридорных стенах, признаться, я не видел уже давно. В нижнем вестибюле – свой зимний сад. Есть небольшой тренажёрный зал для учеников. Это помимо двух спортивных, невиданных для «стандартных школ» на материке – площадью 750 и 250 квадратных метров. В них не прочь погонять мяч или заняться физкультурой желающие из взрослого населения Белушки, и таких немало.

А учащихся немного. Однако это всё же плюс – педагог имеет возможность «дойти до каждого». Минусы в местном климате. Из-за морозов, а чаще из-за диких метелей занятия отменяются, порой, на несколько дней. Правда, учебная программа не подлежит отмене, и домашнее задание педагоги транслируют ученикам в сеансе местного кабельного телевидения. Такая специфика. Это вкратце.

Тонкая, хрупкая, с приветливым улыбчивым лицом – Светлана Владимировна

Юрьева – директор. Беседуем с ней – сентябрь на дворе, учебный год только начался...

– В самой первой школе Белушки, дело в 1913 году было, числилось 10 учеников. Поразительно, но история даже сохранила имена всех их. А сколько сегодня учеников в школе посёлка?

– Списочных сто шестнадцать.

– Так понимаю, в былые времена, когда полигон действовал в полную силу, учеников было больше?

– Я начинала работать в школе Рогачёво. Там около пятисот учеников, а здесь, в Белушней Губе, около тысячи, учились тогда в две смены...

Она родилась в Краснодарском крае, училась пять лет в Грозненском университете, филолог. Отработала на материке три года. Сыну два с половиной года исполнилось, приехала сюда, на Новую Землю, с мужем...

– 28 февраля, как помню... – рассказала Светлана Владимировна. – Сначала преподавала в рогачёвской школе, была завучем, потом в школе Белушки заместителем директора по воспитательной работе, а с 2006-го директор...

– Вы – южанка, сюда ехали, представляли, что такое Новая Земля?

– Ну что вы?! На родине мы Новый год иногда в босоножках встречали. Сюда приехала – здесь сугробищи! А я в сапожках на высоких шпильках – не

пройти! Вообще не представляла, как это ходить в унтах или валенках...

– После такого представления наверняка плакали?

– Полгода плакала, сначала в присутствии мужа, пока не поняла, что это его начинает раздражать...

– А потом...

– Потом плакала, когда он уходил на службу, у шкафа... Сын: мама, почему плачешь? Я: к бабушке хочу... Зимы были снежные – порой заносило так, что пока вход в подъезды расчистят, люди из оконных форточек на улицу вылезали – на работу надо. Представляете?! А снежные горки наметало прямо до пятого этажа – мы с мужем ночью с них катались...

– Почему же ночью?

– Потому что взрослые, стеснялись...

Необычный у нас тогда разговор получился: неожиданно, но плавно от тем житейских, даже семейных он то и дело перетекал к вопросам школьным. Для людей, глубоко преданных своей профессии, в данном случае – учительской, подобное не редкость. Мы и о пресловутом ЕГЭ поговорили, и о методике обучения по Шаталову, и о наполняемости классов, и о проблеме с кадрами. Всего же подробнее – об упомянутой уже местной специфике, когда коварная погода устраивает свои сюрпризы, и педагогам приходится прибегать к помощи кабельного телевидения. Где ещё в России такое бывает?! И при всех нюансах, которые явно учебному процессу не на пользу, у питомцев новоземельской школы по областной статистике последних лет – высочайший процент поступивших в престижные вузы! Чем не объективная оценка?! И разве не удивительно?! Получается, не только школа и педагоги, но и дети на Новой Земле – особенные. Правда, о чём не сказала Светлана Владимировна, но в каких опасениях признались мне многие иные собеседники: за детей Новой Земли им страшно – здесь, в отдалении от больших российских городов души их многим не запачканы, и что ждёт их на материке?!

Был ещё один вопрос, который в конце беседы я всё же решил задать. Но начну с предыстории – можно сказать, экстраординарного случая, имевшего место на Новой Земле 5 сентября 1998 года. Не вдаваясь в подробности: шестеро срочников (все они, кроме одного, из так называемых лиц кавказской национальности), завладев оружием, взяли заложников, чтобы угнать самолёт. В числе тех, кого они выставили своим «живым щитом», оказались учителя и ученики рогачёвской школы, а среди них и Светлана Владимировна. Были требования и угрозы, переговоры и уступки, и была развязка – операция по ликвидации террористов, прямо там – в Рогачёво. Часы, проведённые беззащитным человеком под оружейным стволом негодяя, у любого остаются в памяти на всю жизнь. Тем более у женщины, ещё и опекающей своих учеников, а ещё и у мамы – в числе заложников оказался и сын Светланы Владимировны, тоже школьник...

– Заранее прошу прощения за вопрос. Можете и не

отвечать. Или ответить парой слов – тут как хотите...

Она сначала так и ответила, парой слов – «Было страшно», а потом

поведала и подробности, и в самом конце добавила: «Вы, если хотите о том захвате, то спрашивайте, не стесняйтесь... Всё это уже переболело...»

Светлана Владимировна Юрьева – тонкая, хрупкая, с тихой, застенчивой улыбкой. Сильная женщина!

А в любви к Новой Земле мне искренне признавались не раз. Слова подполковника Владимира Константиновича Васильева вспоминаются:

– Я рос в Черноземье, в местности, где был смешанный лес, и знаю, что это такое, видел и степь бескрайнюю, а когда служил на Дальнем Востоке – дремучую тайгу. Поверьте, перелететь из таёжного края и сразу попасть в полярную тундру – это резко. Это такой впечатляющий контраст! И обратно, когда в первые отпуска выезжал с островов на Большую землю, меня просто потрясали... деревья – и своим видом и вообще тем, что они есть!

Знаете, сначала здесь, на Новой Земле у меня было некое отторжение того, что увидел, даже, можно сказать, нелюбовь. Только когда пожил, обвыкся, присмотрелся, понял – а ведь тундра не такая и скудная, какой казалась, особенно летом, когда сходит снег и вскрываются ото льда ручьи и озёра! А сопки в разноцветье! Видели бы вы ромашки наши огромные! И как летят бесчисленные птицы... Я люблю наблюдать за небом. Оно здесь особенное. А то, что радуги по тундре гуляют часто – не в диковинку. Я грозу видел – вот удивительно! Вероятность грозовых явлений в наших широтах очень низкая – всего десятая процента. Но видел, как молнии сверкали, как бились они о воду, чтобы исчезнуть в заливе... Я теперь предан Новой Земле.

10

Скромный памятник установлен в северной части посёлка, немного на отшибе от жилых домов. На постаменте фигура – метра три высотой, из сероватого, скорее всего, недорогого камня или даже его «заменителя» – матрос в бескозырке и бушлате, в руках его – автомат.

– Безотнositельный монумент, – скучным голосом сказал о нём офицер, мой провожатый.

– ?!

– Монумент никому конкретно, – пояснил офицер. – Просто матрос и всё...

Тогда же я подумал: просто матрос и всё?! И не согласился. И никогда не соглашусь!

Служить на Новой Земле тяжело. Особенно тем, кого призвали служить. У того, кто прибыл сюда по контракту, был выбор, у срочника такого нет. Офицеру в качестве компенсации за издержки или даже вред пребывания за Полярным кругом полагается довольствие, и оно в последние годы выросло ощутимо, если сравнивать с зарплатами обычных трудяг на Большой земле. А призывник? Считается, он отдаёт здесь «конституционный долг». Но понятие это ныне, признаюсь, многими взято под сомнение. Особенно, если экстрим выживания в Арктике ещё и помножить на те издержки либеральных ценностей, в которые ввергли Россию четверть века назад.

Здесь, на Новой земле, мало того, что арктическая пустыня и полярная ночь семьдесят суток, здесь постоянные ветра, а то и бесконечные шторма. И ветер такой силы, что катает по тундре, будто пустые консервные банки, отслужившие своё трёхтонные ёмкости из-под топлива.

Шведский учёный Бодман в начале прошлого века вывел формулу, по которой и сегодня принято высчитывать жёсткости арктического климата. Если упрощённо, то она являет собой соотношение скорости ветра и низкой температуры, причём ветер служит основным показателем. За счёт преобладающих ветров Новая Земля, если брать формулу Бодмана, не уступит полюсу холода – якутскому Оймякону.

Самое страшное, пожалуй, что есть на Новой Земле, это бора – новоземельский ураган, который с ноября по март, как подсчитано, злобствует 10 процентов времени. Мощь его такова, что он «высасывает» воду из тундровых озёр, отрывает от земли камни и швыряет их и на сотни метров – в оконных стёклах они, например, оставляют отверстия, подобные пулевым. Ураган вышибает оконные рамы и двери, срывает печные трубы, разбрасывает брёвна и уносит с берега, топит в море лодки и карбасы.

Горе тому, кого стихия застанет в пути. Передвигаться невозможно ни пешком, ни на собачьей упряжке. И устоять на ногах тоже. Большинство людей, впервые переживающих сток, не только теряют ориентиры, но и среди несущегося воздуха, песка, камней и размельчённого льда ощущают свою полную беспомощность, впадают в угнетённое состояние.

Лучший и рекомендуемый способ – переждать гнев боры по так называемому принципу полярной куропатки – выкопать в снегу яму поглубже и затаиться. Однако надо иметь в виду, что иногда переждать неистовый ветер приходится по нескольку суток, известны случаи, когда бора теряла свои силы, выдыхалась только на восьмой день.

«Белое небо. Белые снега. Ходит по ущельям девочка-пурга!» Это строки из стихотворения Варлама Шаламова. «Не розовощёкая девочка-резвушка, а белая девочка-убийца, – вносит трагическое уточнение полярник Зиновий Михайлович Каневский. – Она налетает неожиданно и яростно. Сбивает на землю. Топчет, катает. Снег забивается под многослойные одежды, плотно закупоривает микроскопические поры, нарастает на лице непробиваемой ледяной коркой, перекрывает дыхательные пути. Человек может только ползти, но бора ударяет в него тугой воздушной подушкой, откидывает назад, опрокидывает навзничь.

Человек сначала теряет волю, а потом силы. Единственная надежда – на резкую перемену погоды, но такого почти не бывает: бора обычно беснуется до конца. Своего конца и своей жертвы...

Судорожно дышит береговой припай. Ветер и волна подламывают его и уносят гигантские куски льда в Баренцево море. Не слышно грохота обваливающихся и опрокидывающихся айсбергов, всё заглушает рёв и визг пурги, свист антенн, пулемётная дробь бьющей в стены гальки. Уходят в небытие всякие представления о том, что ты живёшь в столетии, славном своими научно-техническими достижениями. Ты беспомощен и жалок. Это она, трижды воспетая и четырежды проклятая Арктическая Стихия, великолепная и гибельная!»

Дмитрий Сергеевич Головкин, капитан III ранга запаса. Иногда его в шутку называют – «наш министр культуры». И ведь неспроста. На нём держится весь гарнизонный Дом офицеров Белушней Губы – он как тот «и швец, и жнец, и на дуде игрец». А было время, когда ДОФ был своеобразным центром притяжения. Здесь работали несколько кружков детской и взрослой самодеятельности, устраивались вечера, танцы, концерты, в том числе и гастролирующих коллективов. И представьте, была ещё и своя, местная телестудия! В 2009 году я ещё застал её, а к моему последнему приезду от бывшего почти ничего не осталось – итог деятельности министра обороны Сердюкова, устроившего погром культурным центрам гарнизонов по всей стране. Из остатков телестудии новоземельцы собрали крохотный центр, откуда и транслируется информация на телевизоры Белушней Губы. А какая информация для повседневности самая важная? Конечно же – погода! Потому что от неё зависит повседневная жизнь и гарнизона, и посёлка.

Сидим с Дмитрием Сергеевичем у студийного монитора, на нём с утра «висит» заставка: «Фактическая погода на 7.00. Ветер: восточный 13-16 м/с. Температура: +3С. Атмосферное давление: 767 мл.рт.ст. Видимость: 10 км. Действует сигнал: «Ветер-2»...

– Вот было бы точно 16 метров в секунду или чуть больше, да ещё, если ветер поперёк полосы, – говорит Дмитрий Сергеевич, – так, считай Новая Земля для самолётов закрыта, и объявляется «вариант»...

По словарю С.И. Ожегова, «вариант» – видоизменение, разновидность. В новоземельской действительности это слово имеет очень широкий и специфический смысл, означает особые климатические или погодные условия. Попробую объяснить, как говорится, с документом в руке. Заголовок его звучит канцелярски – «Инструкция по штормовым готовностям, предупреждению происшествий от воздействия опасных гидрометеорологических явлений». С явлениями всё понятно – их на Новой Земле предостаточно, но в основном исходят они от холода и ветра. В графике инструкции у каждого из них своя ось ординат и свои обозначения. По ним и считаем: например, если температура падает от 0 градусов до минус 20, то это «Холод-3». Если от минус 20 до 30 – «Холод-2», от минус 30 до 40 – «Холод-1». Ветер от 13 до 17 метров в секунду – «Ветер-3», от 17 до 25 – «Ветер-2», всё, что сильнее – «Ветер-1». В зависимости от сочетания «холода» и «ветра» объявляются штормовые готовности. Зимой, например, под наименованием «Вьюга». Самая жестокая – «Вьюга-1». Ну, представьте – мороз за 40 градусов, а ещё и дует за 25 метров в секунду...

За изменчивой погодой денно и ночью следит метеорологическая служба гарнизона, оповещает всех и вся о

В дни торжеств в Белушней Губе проходят воинские парады

климатических сюрпризах оперативный дежурный. Решает, ввести или отменить штормовую готовность, исключительно начальник гарнизона. В документе, между прочим, так записано: «Никто не имеет права снимать установленную командиром штормовую готовность без его разрешения, независимо ни от каких обстоятельств».

А уже из погодных условий следуют всевозможные «варианты» бытия. При одном, например, детей не отводят в ясли-сад или в школе учителя переходят на особый распорядок работы, а то и вовсе отменяют занятия. При другом вводятся ограничения на перемещения людей или даже транспорта. Касаются ограничения и моряков, кто на открытой воде, и авиаторов. В общем от «вариантов» новоземельцам ничего хорошего ждать не приходится.

Однако главная особенность «вариантного» бытия заключается в том, что даже в самых тяжёлых случаях жизнь и гарнизона, и полигона не прекращается, точнее – никак не может остановиться! Вся энергетика, все системы жизнеобеспечения должны исправно работать. И если гражданские ещё могут отсидеться по домам или в каком-нибудь безопасном закутке, то военные обязаны, невзирая ни на что, как и прежде, выполнять свои прямые обязанности.

Естественно, в лучших традициях богатого русского языка имеются местные производные от слова и понятия «вариант». Например, «вариантная сторона» дома – то есть, речь о стороне, как правило, восточной, на которую наиболее часто обрушиваются ветры. При этом температура в квартирах вполне может упасть и до 1-2 градусов тепла.

– У нас «вариант» – достаточно произнести одну эту фразу по телефону, чтобы сведущему абоненту на материке стало ясно: Новая Земля во власти непогоды, – поясняли мне новоземельцы. – Метёт ли буря, звенит ли жестокий мороз, бьют ли, напирают порывы залётного шторма – это всё частности. Главное в том, что острова закрыты – для авиации тоже.

Ничего удивительного в том, что «варианту», как природно-социальному явлению новоземельского бытия, самодеятельные поэты посвятили немало строк, есть и такие:

*«Вариант» – вопрос не праздный, «вариант» бывает разный.
Например, пурга и ветер – «вариант» с названием третий.
А усилился ветрило, бьёт о стены головой,
Лупит с фронта, с фланга, с тыла – «вариант» уже второй.*

*А когда на «гэтээсе» заблудился комендант,
это значит на повестке самый первый «вариант»...*

Я стоял перед серым «безотносительным монументом» новоземельскому воину, сняв свою морфлотовскую пилотку – обнажил голову из уважения к солдатам и матросам срочной службы – этим, зачастую безымянным и настоящим героям закрытых островов.

11

Есть в Белушке свой краеведческий музей. Он одновременно ещё и ведомственный. Если быть точным, это Комната боевой славы полигона в гарнизонном Доме офицеров. Ей отведено относительно просторное помещение, а в нём стенды, подиумы и стеллажи с экспонатами. Конечно, в основном представлена история полигона – много флотской и армейской атрибутики, тут же – Почётные грамоты, Знамёна, подарки на юбилей, исторические фото и предметы. Среди них, слева, как войдэш – рында эсминца «Гремящий». Многим знаком корабль по войне, а северодвинцы его капитально ремонтировали уже после. И в последний поход, в губу Чёрную они же снаряжали. Рядом с рындой – штурвал буксира МБ-101, который с самого начала работал на полигон. Вращал этот штурвал и мой добрый знакомец – старшина Виктор Ясинский, позже – Виктор Сергеевич, трудяга орденосолец Севмаша...

Есть в музее образцы приборов, которыми пользовались первые испытатели атомной бомбы и даже бьют Игоря Васильевича Курчатова – одного из отцов ядерной энергетики...

Экспонатов по «краеведческой» части очень немного: кое-что из бытовой утвари ненцев, из их промыслового снаряжения, несколько портретов полярников кисти неизвестного художника-любителя, личные вещи Тыко Выхля. И ещё стенд «Полезные ископаемые Южного острова Новой Земли». Он так мал, что не очень заметен среди прочего, хотя на нём далеко не все, а лишь шестнадцать образцов этих самых ископаемых. У стенда мы с Дмитрием Сергеевичем Головки дольше обычного задержались.

Когда смотришь на берега Новой Земли с палубы корабля, и даже, когда ступаешь по её тундре, на уме одно – как мало жизни! Даже в пустынных морях окрест она есть. Есть она даже в холодных, но чарующих небесах. А в этих бездушных скалах, в стылой земле, что может быть, кроме мерзлоты?!

Между тем, человека на Новую Землю влекли не только морские промыслы. Марко Поло убеждал, что на севере Руси недра хранят множество серебра. Вообще описание знаменитого итальянца достойно отдельной цитаты:

«Росия (именно с одной «с». – Прим. О.Х.) большая страна на севере. Живут тут христиане греческого вероисповедания. Тут много царей и свой собственный язык; народ простодушный и очень красивый, мужчины и женщины белы и белокуры... Дани они никому не платят, только немного царю Запада; а он татарин и называется Тактактай, ему они и платят дань и никому больше... Страна эта не торговая, но много у них дорогих мехов высокой ценности; у них есть и соболя, и горностаи, и белки, и эрколины, и множество славных лисиц, лучших в свете. Много у них серебряных руд; добывают они много серебра».

Правда, Николай Михайлович Карамзин, ссылаясь

на это же сообщение, выражает сильное сомнение в его истинности, мол, о Закамском серебре на Руси в XV веке нет никаких упоминаний. Закамье, поясню, при Карамзине отождествляли с Пермью великой, и туда же молва присоединяла и самый север края – Югру. А Югра, считай, если б не проливы – южная околица Новой Земли. Но вот выписка посольского приказа: «В прошлом во 159 году (1651) по государеву царёву и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца указу послан на Новую Землю для сыску серебряные и медные руды и узорочного камня и жемчугу и для рассмотренья всяких угожих мест Роман Неплюев».

Выходит, знаменитому итальянцу доверяли, и слухи о несметных рудах и драгоценных камнях «страны полуночного солнца» долго будоражили воображение и аппетиты европейских купцов. Русский царь Иван III, кстати, тоже интересовался Новой Землёй на данный предмет. И рудознатцы Ивана IV тщились отыскать на полярных островах «самородное серебро», но все они гибли на пути к открытию.

В 1651-м экспедиция пустозерского воеводы Романа Неплюева искала на Новой Земле «серебряные и медные руды, узорочные камни и жемчуг». И, вероятно, она нашла нечто, если на следующий год государь, приняв от Неплюева в свою казну «подношения», повелел ему готовить сразу же вторую экспедицию. Из неё рудознавец не вернулся – погиб в море.

Потом на Север потянулись и другие искатели, и не только русские – голландец Корнелис Снобеггер, например, привёз обратно на родину, как указывают историки, «блестящие камни с большим содержанием серебра».

В 1757-м Афанасий Юшков, пошедший опять-таки за серебром, обнаружил на островах признаки залегающей свинца, который «выжимался на поверхность как некоторая накипь». А в 1807-м очередной среброискатель – Василий Лудлов, распознал здесь же признаки серы и медного колчедана. Как это часто случается, искали одно – нашли другое.

Устные предания о новоземельской губе Серебрянке, откуда новгородские посланцы якобы вывозили огромное количество серебряной руды, ещё долго волновали умы кладоискателей, купцов, дипломатов и путешественников.

В прошлом столетии геологические изыскания в Арктике велись, главным образом, параллельно геодезическим и гидрографическим. Особый интерес к недрам Новой Земли проявлял Владимир Русанов – человек разносторонних научных познаний и исследовательских амбиций. Позже эти исследования продолжил Рудольф Самойлович – друг Русанова и его сподвижник по разведке шпильбергенских угольных копей. На шхуне «Шарлотта» и позже на парусномоторном боте «Груммант» и боте «Эльдинг» Рудольф Лазаревич с экспедициями обошёл всю Новую Землю и составил первое описание геологического строения северо-восточной части архипелага.

Практически все советские экспедиции на Новую Землю без геологов уже не обходились. В 1920-м экспедиция Дмитрия Иванова на «Купаве» искала уголь в районе Горбовых островов. Через год этим же занялись сразу несколько экспедиций. Позднее в районе Маточкина Шара были открыты полиметаллические руды, в Тюленьем заливе и в Белушьей губе – железная

руда. В записях геологов появились отметки о наличии на архипелаге бурого каменного угля, горючих сланцев, пирита и асфальтита. Магистр нашей отечественной геологии Павел Владимирович Виттенбург был убеждён, что обнаруженные в тридцатых годах на Вайгаче залежи свинца и цинка – это лишь часть обширного пласта новоземельского месторождения, которое по шельфу Карских ворот направлено одно из своих ответвлений в недра более южного острова. И после войны, уже на милитаризованном архипелаге, работали геологи. Хотя и не постоянно, а наездами. Они обнаружили здесь уголь (правда, до высококалорийного антрацита ему далековато), а ещё свинец, цинк, железняк, магний, флюрий, асбест, несколько видов цветных глин, даже медь и золото, хотя и не в промышленных объёмах.

А в промышленных? Самое близкое к Белушке месторождение – Павловское – свинцово-цинковое. Правильное и полное его название – участок Павловского рудного поля Безымянского рудно-металлического узла. Безымянского – потому что в бассейне реки Безымянной. На конец 90-х прошлого столетия это одно из пяти крупнейших подобных месторождений в России. Здесь простое строение пластов, руда залегают неглубоко – можно добывать карьерным способом, к тому же у неё хорошая обогатимость.

Вот отчего у небольшого стенда с кусочками самородной меди, агата, кварца и прочих образцов, думалось: будь у Новой Земли судьба иная, не закрытых островов, возможно, появились бы на ней, в устье той же Безымянной, карьер и горный комбинат, портовые причалы. И балкеры везли бы на материк руду. И вероятно, в защищённые бухты архипелага заходили бы газовики и нефтяники, ведь запасы топлива на местном шельфе есть, и это хорошо известно... Однако сложилось так, как сложилось – под диктовку новейшей истории.

С Дмитрием Сергеевичем мы вышли из музея, стояли у служебного входа в гарнизонный ДОФ. Отсюда не просматривались ни открытая часть залива, ни пустынь-

ная тундра, но ослабший, было, ветер снова ворвался в Белушку, гонял по закоулкам мелкий мусор, собирал с бетонных плит пыльную позёмку. На часах приближался полдень, а улицы почти безлюдны. Если и промелькнёт или прошагает кто, так обязательно облачённый в камуфляж, либо в накинутом на голову капюшоне, либо с поднятым воротником. Оттого казалось, люди будто замкнулись в себе, нахохлились...

Холод с севера брал силу, и мы перешли к южной стене здания. Север есть Север, и в южной части Новой Земли он Севером остаётся...

12

Владимир Васильевич Алсуфьев – начальник управления по социальным вопросам Севмаша. В 2009 мы с ним возвращались с Новой Земли, летели одним бортом, сидели рядом – и вышел у нас, как всегда, доверительный разговор. Иным он и не мог быть – мы с Владимиром Васильевичем крепко дружили. А свела и сблизила нас всё та же Новая Земля: я много лет занимался историей полигона, написал на тот час первую из двух книг о нём («Кузькина мать» Никиты и другие атомные циклоны Арктики». – Прим. О.Х.), а он служил здесь срочную – старший матрос лабораторно-испытательной роты В.В. Алсуфьев.

**Ветеран, участник первых испытаний ядерного оружия на Новой Земле
Константин Александрович Сесь с юными жителями Белушье Губы**

Выпал ему не лучший жребий – служить за Полярным кругом, а ещё и оказаться в эпицентре радиационного ЧП 1969 года, когда ядерный взрыв разверз скальные толщи и выбросил газы из штольни. Разве померкнет такое в памяти?! И Владимир Васильевич, конечно, всё помнил ясно, до мелочей. Как привычное в считанные минуты обернулось в экстремальное, как всё вокруг смешалось, спуталось, и как при этом повели себя люди. Про панику командиров и про героизм рядовых тоже не забылось. Однако, будучи порядочным, исключительно скромным, обладая от природы северной степенностью, вспоминал Алсуфьев обо всём, не выплёскивая эмоции, и даже простодушно. И только очень внимательный собеседник мог порой расслышать в его словах удивительную тональность, где наряду с сожалением и даже болью, звучало и добросердечное, греющее душу всю жизнь от самой юности...

Впервые после службы Владимир Васильевич вернулся на острова через тридцать восемь лет, потом мне рассказывал:

– Едем из Рогачёво в Белушку, и я, конечно, всё гляжу по сторонам, внимательно рассматриваю. Пассажиры из местных это заметили. Тогда я им пояснил, мол, когда-то служил здесь... А они в ответ понимающе: «Многие сюда со слезами на глазах возвращаются, обнимают, целуют землю...»

Вот ведь как в Арктике бывает! Ледовитый океан, мёрзлая, чёрствая суша, скудная, жестокая природа, жизнь, столь похожая на выживание...

И всё-таки – Земля обетованная!

И вот снова Рогачёво. Но на сей раз я один возвращался на материк – Владимира Васильевича Алсуфьева

не стало в июле 2011-го – не выдержало его сердце...

На аэродромном поле ждал пассажиров Ан-26 – двухмоторный и надёжный ветеран. Прежде чем пройти на посадку, пришлось миновать несколько КПП. Грузовую аппарель опустили, и с неё офицер приглашал граждан в самолёт, строго по списку. Всё правильно, и роптать нечего – Новая Земля – закрытые острова, режимный архипелаг.

Наконец, публика расселась на лавках вдоль бортов, а по всему проходу навалом – чемоданы, сумки, тюки, коробки. Бортмеханик поколдовал у пульта в хвостовой части салона, и аппарель замкнула нас в самолётном чреве. Затем, пробираясь к пилотской кабине через груды пассажирского багажа, он и в шутку, и всерьёз:

– В полёте по салону не ходить... Водку не пить... Туалета нет... Прохладительные напитки предложены не будут... Всё... Взлетаем...

Вырулили, разбежались, оторвались, чуть нас покачало – ветер-то прилично с востока задувал, и пошли мы наверх – занимать свой воздушный коридор на Архангельск.

Летели до Талаг два часа и десять минут. Вёл самолёт экипаж военно-транспортной авиации. Он же и посадил его мастерски, как порой на международных линиях «Боинги» не приземляют – лишь лёгкий толчок при касании полосы – пассажиры не шелохнулись.

28 сентября это было. Самолёт Ан-26, бортовой номер – RF-47323.

СЕВЕРОДВИНСК – КАРСКИЕ ВОРОТА
– НОВАЯ ЗЕМЛЯ – СЕВЕРОДВИНСК

СПАСЕНИЕ ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

В своё время каждый школьник знал о ледовой эпопее арктического парохода «Челюскин». Раздавленный льдами в Чукотском море 13 февраля 1934 года, пароход затонул, но люди в составе 104 человека (погиб только один с пароходом), сошли на лёд. Мороз, пурга, ночь и никто не знает во всём мире об их судьбе. Но люди не пали духом, организовались и начали научные работы на дрейфующем льду. А уже пятого марта 1934 года, 85 лет назад, началась спасательная операция по вывозу людей с льдины.

Вот как звучит радиодонесение пилота «АНТ-4» А.В. Ляпидевского в Москву седьмого марта 1934 года: «5 марта, в 23 часа 35 минут по московскому времени я, лётчик-наблюдатель Петров и бортмеханик Руковский вылетели на самолёте «АНТ-4» с уэлленского аэродрома по маршруту Уэллен – мыс Сердце – Камень...».

В донесении Ляпидевский отмечал, что в лагере на льду образцовый порядок и дисциплина. Никакой паники и уныния.

А.Ляпидевский до того как обнаружить ледовый лагерь сделал 28 разведывательных вылетов и только на 29-й раз обнаружил челюскинцев. Как ему удалось совершить посадку буквально на пятючок площадью 150 на 400 метров? Это было невероятно!

За первый рейс Ляпидевский вывез десять женщин и двоих детей, один из них родился на льдине.

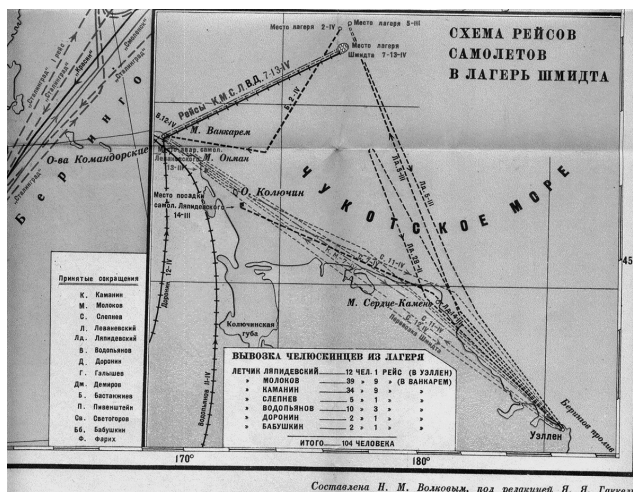
А вот как описывает тот первый взлёт с льдины участница экспедиции, ихтиолог А.Сушкина, одна из первых, эвакуированных из лагеря пятого марта 1934 г.: «...Командуют взлёт. Нас предупреждают, что в момент взлёта надо нагнуть голову. Человек тридцать стало у хвоста машины, его надо раскачивать, чтобы скорее и легче взять старт. Предупреждают, чтобы мы плотнее уселись. А сестра не на что: маленький металлический выступ в стенке самолёта...».

Начинают раскачивать хвост самолёта. Моторы рвут сильнее. Из-под пропеллеров, как в самую жестокую пургу, несутся вихри снега. Ветер срывает шапки с людей. Самолёт вздрогнул, взвыли моторы, машина ринулась вперёд...

Сделав круг над аэродромом, мы понеслись на юг, к «большой земле».

На помощь спешили другие самолёты, и массовая эвакуация с льдины началась через 13 дней и продолжилась две недели. В операции по спасению челюскинцев приняли участие семь лётчиков, первым был Ляпидевский и в связке с ним были М.Водопьянов, И.Доронин, Н.Каманин, С.Леваневский, В.Молоков и М.Слепнев. Не всё шло гладко, и они действительно проявили мужество и стали первыми Героями Советского Союза 20 апреля 1934 года, а четвёртого ноября 1939 года им были вручены медали Золотая Звезда. У А.Ляпидевского она за № 1.

Все члены экипажей самолётов были награждены орденами и меда-

лями, а все челюскинцы, кроме детей, орденом Красной Звезды.

История экспедиции на пароходе «Челюскин» и операция по спасению его команды потрясли весь мир. Само спасение такого количества людей с льдины в тяжёлых полярных условиях не имело прецедентов в истории. А сама страна чествовала челюскинцев как героев.

Спасательная операция проходила после только что закончившегося (10.2.1934 г.) 17 съезда ВКП(б), и миру надо было показать, что большевики не бросают в беде своих граждан, а заодно погасить раскол в рядах партии, возникший на съезде.

По большому счёту, экспедиция «Челюскина» была авантюрой, а вернее неудавшейся показухой.

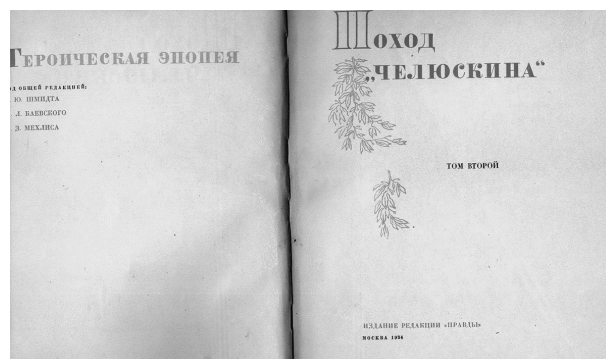
Но на официальном уровне было заявлено, что плавание «Челюскина» доказало реальность полного освоения Северного Морского пути, хотя это было не так.

В Союзе поняли, что Арктика – это тяжёлый труд, и, сделав соответствующие выводы, стали готовить арктические суда надлежащим образом. Освоение СЕВМОПУТИ продолжалось....

А об эпопее «Челюскина» лучше, чем Бернард Шоу, и не скажешь: «СССР – потрясающая страна: даже трагедию вы превращаете в триумф!». Истинная правда!

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1 ранга в отставке

Московская обл.

Олег ДЗЮБА

Камчатские ветры над чёрной речкой

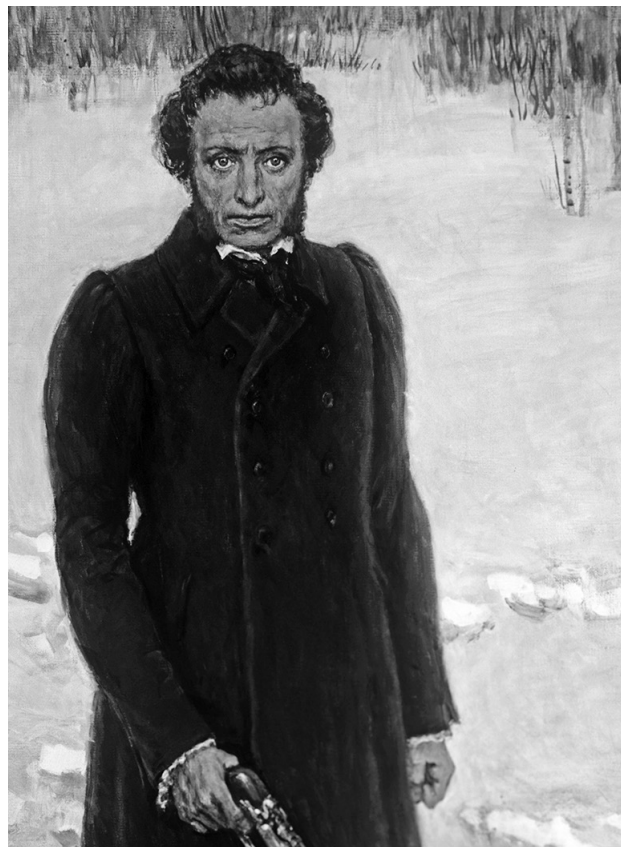
Гении непредсказуемы во всём, кроме блеска, с которым они воплощают свои размышления в слова. Время и место творения особого значения не имеют. Реальные обстоятельства способны лишь перебросить вектор интересов на неожиданное ещё накануне направление. Так было и с Пушкиным, когда за несколько недель до последнего шага к смертельному барьеру на Чёрной Речке он вдруг взялся за обстоятельное чтение весьма объёмистого труда Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки», отозвавшись в заметках о далёком полуострове классическими по отточенности словами: «Камчатка – страна печальная, гористая, влажная»...

Противоядие от интриг и клеветы

Разрыв во времени по истечении 175 лет почти невесом: 20 января перо поэта оставляет на бумаге последние строки камчатских записей, 26 января голландский посол Луи де Геккерен получает пушкинское письмо-памфлет, сделавшее дуэль с его приёмным сыном Жоржем Дантесом неизбежной, потом два выстрела на Чёрной Речке и последнее путешествие бездыханного тела поэта в Святогорский монастырь. Неужто не было в страшные эти недели у поэта других помыслов и забот, кроме чтения о суровой земле!?

Внешняя причина – в намерениях Александра Сергеевича написать статью для ближайшего номера «Современника». Но повод для внезапно пробудившегося интереса к суровой окраине России более или менее внятного толкования пока что, увы, не получил.

Кстати сказать, у Крашенинникова слова «печальная» в описании полуострова нет. Однако Пушкин не только использует его, но и ставит на первое место. Это, пожалуй, находка из категории провидческих. Попробуйте перемешать три прилагательных по-своему, в другом порядке и тут же убедитесь, что избранный поэтом – единственно верный! А дальше: «Ветры почти беспрестанные обвевают её. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на три сажени глубины и лежат на ней почти восемь месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности и причиняет несносную боль глазам. Настаёт лето. Камчатка, от наводнения освобождённая, являет скоро великую силу растительности; но в

начале августа уже показывается иней и начинаются морозы».

Если признать, что отдельное слово может претендовать на афористичность, то первые строки конспекта просто скопище сверхъёмких определений, справедливость которых лично я полностью проверил на себе за дюжину лет, проведённых в краю океана и морей, вулканов и гейзеров, циклонов и пург. Здесь тебе и снежные заряды, спасаясь от которых по дороге на работу приходилось напяливать, противогаз и такие порывы обезумевших воздушных масс, что кожаное пальто превращалось в парус и несло меня по обратившемуся в вытяжную трубу проспекту Рыбаков полуостровной столицы Петропавловска-Камчатского, заставляя ради торможения сходу залететь в сугроб. Про «великую силу растительности» особый сказ. «Сладкая трава», как прозвали первопроходцы-казаки местную разновидность борщевика, вымахивает выше трёх метров, так что, сбившись с тропы, приходится прорубать себе дорожку ножом, словно в тропических джунглях...

Правда... иней в начале августа и последующих морозов

я лично не припомню даже в долине Камчатки-реки с её резко континентальными скачками температур от сорока градусов зимой до сорока летом, причём в рекордные по стуже годы январские холода ночами заставляют спиртовой столбик термометра съезжаться едва ли не до пятидесяти. Однако в былые века и тысячелетия бывало всякое, а о глобальном потеплении никто ещё не задумывался, так что и от слов об августовской трескучести морозов напрочь отмахиваться не стоит...

Между тем само слово «Камчатка» и прежде отнюдь не было для поэта абстрактным определением края света. Книга Крашенинникова, первое издание которой увидело свет впервые ещё в 1755 году, была весьма известна образованной русской публике. До 1917 года о ней непременно рассказывали педагоги на гимназических уроках истории. Позднее знакомство с ней считалось обязательным для воспитанников эмигрантских гимназий от Парижа до Харбина. Книга эта и до сих пор поблёскивает золотыми буквами названия, вытисненного на коже переплёта за стеклом одного из шкафов библиотеки Царскосельского Лицея. «Смуглый отрок», как именовала поэта в одном из стихотворений Анна Ахматова, за годы учёбы если и не прочёл многостраничный том от корки до корки, то не мог хотя бы не пролистать его, разглядывая при этом дивные гравюры, запечатлевшие «другую жизнь и берег дальний»...

Но вот лицей позади и друг поэта Фёдор Матюшкин отправляется в кругосветное плавание на шлюпе... «Камчатка». Командовать экспедицией назначен Василий Головин, прославившийся к тому времени своей первой кругосветкой, во время которой он был захвачен японцами на Курилах, и рассказал после освобождения о без малого трёхлетних приключениях и мытарствах в плену на страницах книги, ставшей для России одним из первых свидетельств очевидца о жизни закрытой тогда для внешнего мира «Страны восходящего солнца». Известно, что взять в плавание сугубо сухопутного тогда Матюшкина Головин согласился по просьбе Ивана Крузенштерна, возглавлявшего ранее первую кругосветную экспедицию русских моряков. Однако сам Крузенштерн Матюшкина не знал и подсказал его кандидатуру Головину по рекомендации директора лицея Егора Антоновича Энгельгарта. В его доме бывали и Головин, и Пушкин, так что юный поэт вполне мог услышать из уст мореплавателя рассказы о его странствиях.

Романтическая камчатская паутина продолжала сплетаться вокруг Пушкина. Пушкинисты не исключают, что он побывал в Кронштадте в день отплытия «Камчатки», чтобы проводить Матюшкина в опасный путь. В этом случае слово на борту шлюпа ещё прочнее впечаталось в подсознание. А друга Пушкин не забывал. Уже в Михайловской ссылке он написал стихотворение с хрестоматийно знаменитыми ныне строками:

*Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный!
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лёд полуночных морей!
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь счастливое дитя!*

Пушкин, должно быть, так и не узнал, что его вопрос был не только риторическим, но и провидческим. Шлюп «Кроткий», на борту которого Фёдор Матюшкин отправил-

ся в августе того же 1825 года во вторую свою кругосветку, 19 октября и впрямь находился близ северного тропика, а может быть даже и пересекал в минуты лицейских воспоминаний Пушкина эту незримую, но мистическую черту в океане. И в этом плавании, и предыдущем Матюшкин своими глазами видел берега Камчатки и наверняка успел побродить по берегам Авачинской бухты, где располагалась Петропавловская Гавань, ставшая позднее Петропавловском-Камчатским. Воспоминания о плаваниях не могли не всплывать в дни поздних дружеских встреч. Кто рискнёт поручиться, что об том не заходила речь в часы последнего разговора поэта и моряка 8 ноября 1836 года на именинах лицеиста Яковлева?! Достоверно известно, что тем вечером Пушкин показал товарищам

недавно полученный пасквиль, ставший одним из предвестий близкой гибели поэта. Обращение к другой эпохе, к дикой, необузданной природе далёкого полуострова могло оказаться хоть временным, но всё же противоядием от интриг и клеветы!..

Пушкинские «Заметки о Камчатке» оборвались буквально на полуслове. На них оборвалась и литературная жизнь поэта. Ни стихов, ни прозы писать ему было уже не суждено. Только письма.

К другой причине интереса Пушкина к дальнему полуострову и его открывателю подталкивают размышления знаменитого пушкиниста и филолога Юрия Лотмана: «Рассматривая завершённые и незавершённые труды Пушкина последних трёх лет его жизни, мы поражаемся, с одной стороны, их богатству, а с другой – разнообразию и даже пестроты... – писал видный исследователь о позднем творчестве автора «Евгения Онегина». – Однако разрозненные фрагменты складываются в единство, объединяясь общим, обдуманном планом. Это грандиозная картина мировой цивилизации как некоего единого потока». И чуть ниже: «...история мыслится Пушкиным не как нечто противоположное личности, а как живая цепь живых человеческих жизней».

Случаю было угодно, чтобы одним из представителей рода человеческого, удостоившегося внимания пушкинского гения в последние дни жизни поэта, оказался открыватель Камчатки Владимир Атласов, поход которого подробно описан в книге Крашенинникова.

Выходец из Великого Устюга отправился в путь из анадырского острога на Чукотке зимой 1697 года. В феврале Атласов вышел к берегам Олюторского залива, преодолев географическую границу полуострова Камчатки и материка Евразии. Летом атласовская ватага – уже в центре новооткрытой земли, где он основывает Верхнекамчатский острог, ставший первым постоянным поселением русских на Камчатке. Следующую веку атаман оставил на берегу реки Камчатки, водрузив деревянный крест с вырезанной на нём надписью: «215 году (1697 год по Григорианскому летоисчислению – О.Д.)

поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи».

Крест виден на берегу реки и теперь. Подлинный «атласовский» давным давно истлел, и около шестидесяти лет назад энтузиаст морской истории вице-адмирал Григорий Щедрин в бытность его командующим Камчатской флотилией ВМФ позаботился о восстановлении реликвии. Однажды мне посчастливилось причалить на моторной лодке около почерневшего креста и повспоминать там строки из «Сказок», которые описывал Атласов о своём походе.

Суровый землепроходец – а каким ещё мог быть казак, одолевший тысячи вёрст горных хребтов, заледенелой тундры и сотни строптивых рек (!) – был не чужд поэтическому восприятию девственных просторов: «А от устья идти вверх по Камчатке реке неделю есть гора – подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близ её – подобна сенному стогу... – писал Атласов о Ключевской сопке. – Из нея днём дым идёт, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдёт до половины той горы, и там слышат великий шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы, которые люди всходили, назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось не ведают».

«Сказки» прочли где надо и надолго упрятали в архив. Сам атаман после открытия полуострова умудрился разграбить купеческий дощаник с товарами из Китая на Тунгуске, угодил за это в темницу, высидел прощение, снова отправлен был на Камчатку, где и сложил буйную голову в день казачьего бунта.

Потомок «камчатского Ермака»

Причуды истории неисчислимы. Судьбы генетических наследников атамана, о которых рассказывал мне в начале семидесятых годов прошлого века прямой потомок «камчатского Ермака», как назвал землепроходца Пушкин, Иван Паисьевич Атласов умножили перечень совпадений и парадоксов.

Моё знакомство с ним без оговорок отнесу к чудесам, которыми всегда был славен «Град Петров» на Неве, независимо от того, какое название он в то или иное время носил. Прилетев с Камчатки в отпуск, я забрёл на дружеские посиделки к старым приятелям и в галдёже шебутного застолья сосед по столу, узнав, откуда я взялся, шутиливо поинтересовался, помнят ли его предка на «печальной, гористой и влажной» окраине планеты. Случайным моим собеседником оказался потомственный геолог Арнольд Атласов, который в ответ на моё нескрываемое любопытство тут же пригласил зайти следующим же вечером к себе в Дровяной переулок неподалёку от театра оперы и балета, именовавшегося тогда Кировским, а сейчас, как и встарь, снова зовущийся Мариинским.

Отец Арнольда Иван Паисьевич выслушал меня, снял с полки гончаровский «Фрегат «Паллада», раскрыл страницу с закладкой и прочёл вслух: «Пока... осторожно обходил болота, товарищи мои... уехали вперёд, оставив мне чай, сахару, даже мяса, и увезли с тюками мою постель, бельё и деньги. Через полчаса после моего приезда воротился князь Оболенский, встретивший на дороге исправника. Последний (г-н Атласов, потомок Атласова, одного из самых отважных покорителей Камчатки) был так добр, что нарочно ездил вперёд заготовить нам лошадей. С следующей станции можно, хотя с нуждою, ехать в телеге. Есть всего одна телега: её оставляют мне, а прочие едут верхом».

Семидесятичетырёхлетний, как уже выяснилось, собеседник, отложил книгу и извлёк из стоявшей на столе шкатулочки старинную фотографию офицера в мундире с аксельбантами, сидевшего в кресле, поместив руки на саблю. Почтенный служака возрастом примерно равен был хозяину квартиры. «Ксенофонт Петрович, о котором идёт речь, – сказал отец Арнольда, – это мой дед – якутский исправник. Судя по словам Гончарова, он писателю немало помог в пути. Вот на другой странице: «В Алданском селении мы застали исправника К.П. Атласова: он немного встревожился, увидя, что нам троим, с четырьмя людьми при нас и для вьюков, нужно до восемнадцати лошадей. «Я не знал, что вы будете, – сказал он, – теперь, может быть, по станциям уже распустили лишних лошадей. Надо послать нарочного вперёд». Мы остались тут ночевать; утром, чем свет, лошади были готовы. Мы пошли поблагодарить исправника, но его уже не было. «Где ж он?» – спрашиваем. «Да уехал вперёд похлопотать о лошадях, – говорят нам, – на нарочного не понадеялся». На третьей станции мы встретили его на самой дурной части дороги. «Всё готово, – сказал он, – везде будут лошади», – и, не отдохнув получаса, едва выслушав изъявления нашей благодарности, он вскочил на лошадь и ринулся в лес, по кочкам, по трясине, через пни, так что сучья затрещали».

Раздобыть для внезапно свалившихся на голову путников полторы дюжины способных выдержать седоков и поклажу лошадиных грив было и впрямь делом отнюдь не простым, но, как явствует из текста Гончарова, вполне посильным для главы уездной полиции, которым являлся по должности исправник. Позднее, порывшись в справочниках, я узнал, что по «Табели о рангах», действовавшей в России с Петровских времён до «Октябрьского переворота», исправнику положен был чин седьмого класса, что соответствовало в армии подполковнику, а на гражданской службе надворному советнику. В описанные времена достигший подобного положения получал право на потомственное дворянство. Но об эти тонкостях Иван Паисьевич ничему мне не сказал, что и не мудрено. Год на дворе стоял 1973-й. Дворянских корней уже никто не стыдился, напротив ими частенько без утайки гордились, но хотя боязнь прослыть лицом «не того» происхождения тоже осталась в прошлом, люди почтенных лет по въевшейся чуть ли не в гены осторожности о подобных деталях биографии предпочитали без необходимости не говорить.

Впрочем Ивану Паисьевичу бояться было нечего, ибо то, чем предки занимались до 1917 года, с лихвой перекрывалось его послеоктябрьской деятельностью, когда государева служба Атласовых сменилась защитой интересов революционных, так сказать, масс.

Внук исправника Иван закончил в Якутске реальное училище и вскоре попал по мобилизации в армию Колчака. Наспех собранное пополнение на фронт идти не желало, охотно слушало большевистских пропагандистов и в конце концов взбунтовалось.

От военно-полевого суда Ивана спас приход красных. За грамотность Атласова солдаты направляют представителем гарнизона в революционном штабе, хотя для бывших колчаковцев все дороги вели в ЧК. Потомку атамана выбиться из рамок традиции тоже не удалось. Правда, оказался он в якутской «чрезвычайке» не в роли подследственного, а... на должности коменданта. Как это всё произошло, Иван Паисьевич и сам не смог понять, и мне не смог объяснить. Волны времени носили людей без спросу, поднося то к одному берегу, то к другому. Иные шли в конце концов ко дну или становились к стенке. Атласов

счастливого избежал ловушек эпохи и неожиданно получил направление в Петроград в военно-топографическую школу.

Истину само время подталкивает его к постепенно определявшему и оформлявшему призванию. После демобилизации Атласов два года странствует с топографическим отрядом по тропам и бездорожью Мариинской тайги. И вновь учёба, на этот раз в Томском университете. После него Атласова, как одного из лучших выпускников, пригласили научным сотрудником в Ленинградский научно-исследовательский институт и как-то незаметно топография в его интересах ушла на второй и последующие планы, уступив геологии. Новые экспедиционные тропы вновь привели бывшего не по годам сибиряка в Якутию.

...Костёр давно прогорел и, наспех выбравшись из палатки на крик проводника, Атласов сразу и не понял причин переполоха. Проще всего было списать сумятицу на волчий набег, так что он первым делом выхватил наган, благо кто-то из спутников успел выпалить невесть куда. Ивану почему-то вспомнился последний перед уходом в тайгу разговор с якутским начальством. Выслушав прощальные напутствия, он сказал на прощанье, что до возвращения не меньше трети лошадей погибнет и хорошо, если треть. В тех краях зимой и жеребёнка не прокормишь, не то что не великий, но всё же табун, а вернуться до холодов вряд ли удастся. С ним согласились: да, главное люди. А лошади... раз нет выхода... И что могло приключиться?

А в ушах только иступлённое ржанье и ругань коновода. Поняв-таки в чём дела, Атласов сменил револьвер на винтовку и, держа её за ствол, прикладом помогал остальным сдерживать сорвавшихся с привязи коняг. Три воза сена везли с собой, но уже две недели прошло, как сено заменили смесью рубленого тальника с отрубями. Так что отгоняя обезумевших от голода животных от последних припасов, начальник отряда грешным делом подумал, что может и не стоило стараться спасти четвероногих, когда людям непросто, и ответил сам себе – без лошадей ещё тяжелее, всех образцов на себе не унести...

На следующую ночь пришлось выставить у поклажи караул. Ещё через пару дней случайно вышли к стойбищу якутов. Стоило откликнуться на приглашение и устроиться в юрте на чаёванье, как вновь ржанье в ушах и лошадиное копыто повисло перед ликом одного из коллег. Оказалось, что у опорного шеста кочевнического жилья лошади высмотрели охалку сухой травы и самая храбрая, а может самая голодная, не выдержав, запрыгнула вверх!..

И таких эпизодов в экспедиционной жизни Атласова не считешь. О технике безопасности тогда вспоминали только на пороге становившихся неотвратимыми несчастий. Жестокий, но действенный, хотя и неписанный девиз геологов и топографов тех безжалостных лет много позднее запечатлел в своём романе «Территория» Олег Куваев. Руководством к действию были не подлежащие обсуждению слова: «Сделай или умри». В куваевской книге речь идёт о Чукотке, но природа севера Якутии ничуть не добродетельней к людям, чем на крайнем Северо-Востоке.

В «Сказках» Владимира Атласова есть строки, напрямую

перебрасывающие мостик между свершениями предка и деяниями потомка: «А руды серебряные или иные какие есть ли, того не ведает и руд никаких не знает».

Через много-много лет в статье к семидесятилетию Ивана Паисьевича коллеги лаконично констатировали: «В Орулганском хребте, о котором до работ И.П. Атласова мы ничего не знали, открываются в 1932 году... десятки полиметаллических и медных месторождений!»

Рудознатцы прошлого искали то, что возвышенно именуют сокровищами недр по им одним ведомым наземным признакам. Но разобраться, почему выход рудных жил или пластов оказался именно здесь, им было не под силу. Атаман шёл в свои походы поверху. Профессору Атласову удалось заглянуть далеко вглубь. В пятидесятые годы прошлого века темой его исследований стала геотектоника центральной Сибирской платформы.

Защищена докторская диссертация. Сектором геотектоники Научно-исследовательского института геологии Арктики, которым руководил Атласов, разработаны и выпущены многие тектонические карты Севера. Всё это было подготовкой к созданию «Тектонической карты Арктики и Субарктики», сразу после первой публикации признанной в международных геологических кругах первопроходческим и фундаментальным в этой области трудом!

...В «родную» якутскую ЧК, а точнее, в организацию, продолжавшую её традиции в Якутске, он вернулся через полвека после отъезда на учёбу, но только на портрете. Музею Управления КГБ по Якутской ССР фотография Атласова понадобилась не для признания его заслуг под знаком щита и меча – по молодости лет таковыми он особо не обзавёлся – зато Иван Паисьевич оказался единственным сотрудником этой якутской службы, которому удалось блистательно сменить стезю и завершить жизнь доктором геолого-минералогических наук, профессором Арктического и Антарктического института и главным автором первой в истории науки тектонической карты

Крайнего Севера и прилегающих просторов.

Ни на Камчатке, которую присоединил к России его пращур, ни в Великом Устюге, откуда началось движение Атласовых на восток, профессор так никогда не побывал. Своего имени на географической карте он тоже не оставил, зато в палеонтологические справочники его фамилия внесена навеки. Сибирские геологи назвали в честь потомка землепроходцев ископаемый силурийский коралл и два вида кембрийских трилобитов из обследованных Иваном Паисьевичем отложений на реке Лене. Но, кроме этого, ещё и десятки месторождений, открытых лично Атласовым или же выявленных на основе его работ. Риску предположить, что на свершения ему в какой-то степени повезло не меньше, чем предку-атаману.

Другое дело, что неоткрытых полуостровов или архипелагов на его долю просто не осталось. Зато сомнительных с точки зрения исторической морали дел он и вовсе не совершал. К «верхним людям», как именуют конечную точку путешествия в мир иной аборигены открытой его предком Камчатки, он ушёл после восьмидесяти лет. Как принято говорить, долгая, счастливая, хотя и непростая жизнь.

Профессор И.П. Атласов. 1973 год.
Фото автора

Владимир БЕРЯЗЕВ

ЧЕРЕЗ ПАЛЬЦЫ ПРОЖГЛО ПАЦАНА

1. МАМА ПРИСНИЛАСЬ

Я тогда вернулся домой под впечатлением от большого органного концерта.

Бывший губернатор Алтая Карлин, помнится, с гордостью презентовал отреставрированный в Германии и самый большой за Уралом чудо-инструмент.

Простыл в Барнауле...

Под утро лихорадка улеглась, заснул покойно, тихо...

И мама приснилась. Улыбается – ласково, светло, только как-то издали, словно по грудь в тумане. Ещё молодая, ещё прокопьевской поры, когда я студентом был. Проснулся, вспоминать принялся. Почему-то всплыл её рассказ о том, как я был спасён ещё в утробе. Был сентябрь 1958-го, воскресенье, назавтра она собиралась на аборт. Они легли с отцом спать, я помню и эту кровать, никелированную с шишечками, и огромную пуховую перину, но это позже, а в ту ночь я был зародышем, и по утрам моё существование должно было прекратиться, не начавшись по сути.

И вот, говорит мама, заснула она и видит себя в родной алтайской Еланде, на окраине деревни, на кладбище среди берёз. Видит могилу своего отца, она раскрыта, в глубине – гроб, а вокруг могилы стоят семеро монахов в чёрных рясах с поднятыми капюшонами, стоят, молитвы бормочут, она обмерла от ужаса, двинуться во сне не может. Тут старший, что в изголовье стоял, капюшон с глаз убирает, смотрит на неё и вдруг пальцем указывает и произносит: «Поднимайте гроб! Её положим на это место!». Мама кричит: «Не хочу! Не хочу! Не хочу-у!..», отмахивается от монахов и... попадает тыльной стороной ладони

моему мирно спящему на перине папе прямо в переносье!

Крик! Кровища! У отца нос всегда был слаб. Разумеется, на утро уже ни о каком аборте и речи нет. И, спустя месяцы, я на этом свете объявился.

Вот, думаю, для чего-то эта цепь нижется звено за звеном? Цепь поколений. Цепь крови и рода.

Дай Бог, чтобы через время и я смог кому-нибудь присниться счастливым и улыбающимся оттуда – сыну, внуку, правнуку...

2. ИЗ ПИСЕМ СЕСТРЫ НАДЕЖДЫ. ПАПА

Упорный, со стержнем, решительная, часто безапелляционная речь, густой раскатистый баритон, мощные кисти, подобные клещам, мускулистые быстрые руки и острый взгляд чёрных, внимательных глаз.

Папа – Берязев Алексей Фёдорович – родился 30 марта 1928 года в селе Петрушиха Кытмановского района Алтайского края. Его родителями были Берязев Фёдор Васильевич (появился на свет в самом конце XIX века) и Берязева Алёна Яковлевна (урождённая Самохина), 1904 года рождения. Отец был вторым ребёнком, старше него была сестра Мария, после него родились братья Пётр, Виктор и Анатолий. Со слов бабушки Алёны, её семья из Тамбовской губернии приехала в Сибирь, когда она была ребёнком. Деда Фёдора мы знали, так как он умер задолго до появления внуков, в 1944 году, от туберкулёза лёгких. Отец рассказывал о своём отце, что он был инвалидом детства: одна сторона тела была частично парализована, одна рука была скрючена в кисти и согнута в локте, прихрамывал. Роста он был немало, масти рыжей, по

характеру очень спокойный и добрый человек, никогда не гневался и не ругался. Отец вспоминал о нём с большой теплотой и уважением, как о рассудительном и мудром человеке. Дед Фёдор был из зажиточной семьи, но по причине своей инвалидности женился на Алёне Самохиной из бедной семьи. Наша бабушка Алёна была глуховата с детства, грамоты не знала. Роста она была среднего, сухопарая. Лицом была смуглая, скуласта, волосы чёрные, глазки маленькие, тёмно-карие, почти чёрные, раскосые, взгляд острый, с хитринкой. Очевидно, от неё мы и унаследовали эти чёрные глаза с раскосинкой и острый прищур.

Уже в Новосибирске я в 80-х годах познакомился с замечательным прозаиком, мастером короткого рассказа Николаем Яковлевичем Самохиным. Спрашивал у него про родовой, выяснилось, что наши предки из одного степного угла Тамбовщины, право, глядя на него – черноглазого, смуглого, сухопарого – я убеждался, что это одна и та же бабушка-Алёнина порода.

С бабушкой Алёной прошло наше детство, она нас вырастила, в начале 60-х так трагически сложилась судьба нашей семьи, что два с лишним года на неё в полной мере легла ноша воспитания и окормления троих малых детей, её внуков – Нади, Вити и Вовы. Бабушка готовила нам незатейливую еду: щи, жарила вкусную картошку с поджарками, пекла блины и приговаривала: «была бы мука да курочка, а состряпает и дурочка». Запомнилось её слово «бастенкий», значит, красивый. Кого она любила, те были бастенские. О родителях она приговаривала частенько: «Дуся-

то (мама) бастенькая, а Лёня-то мой – побастее». И внуки у неё – мы любимые, Лёнины дети, с которыми нянчилась. И, конечно, мы были «побастее», внуков от других детей – Петра и Марии.

Было в ней обезоруживающее простодушие, детская наивная чистота и незлобивость, сохранившиеся до самой старости. А прожила она 78 лет до начала 80-х, похоронена в Прокопьевске на кладбище посёлка Буфер, неподалёку от шахты им. Дзержинского. Сохранилась ли могила – не ведаю, боюсь, что нет...

Наш отец окончил пять классов школы, учился на круглые пятёрки.

Его учительница – Феликсата Александровна, очень выделяла его из числа своих учеников, из этой шахтовой ребятни 30-х годов. Однажды даже пригласила к себе домой на Новогоднюю ёлку, что говорит очень о многом. На празднике мальчик Лёша, видимо, от волнения как-то резко повернулся, не туда ступил, и свечи ёлочные упали на пол, случился небольшой пожар, ёлка вспыхнула. Была тут же погашена. Однако папа запомнил этот свой конфуз на всю жизнь и даже в зрелости страшно переживал по поводу своей тогдашней неловкости. Феликсата Александровна, по всему видно, была из бывших: образованная, с добрым и отзывчивым сердцем, она понимала, что у мальчика не будет будущего, достойного его способностей и дарований, поэтому очень просила родителей отдать ей Алёшу на воспитание.

Убеждала: ему обязательно надо учиться дальше, обещала дать ему образование, но дедушка с бабушкой не согласились.

Как знать, возможно, у папы судьба сложилась бы совсем иначе. Но тогда и мы вряд ли бы появились на свет...

***

Когда гулянка на Буфере – в избах за шахтовыми отвалами – преодолевала предполётные ограничения, отец отодвигал от себя посуду, откидывался на стуле, и, вдохновенно запрокинув кадык, куда-то за потолочную матицу, в самый зенит запевал-затягивал

Видимо, для отца в этой песне беглого каторжанина открывалась такая мощь – вплоть до освобождения от кандалов военного и послевоенного советского быта, – что папа раз за разом испытывал то, что я потом назову духовным просветлением и катарсисом.

А ведь ни в каком Забайкалье с акатуйскими рудниками и прииска-ми он никогдашеньки не был, Байкала сроду не видел. Однако, зная вся жизнь тогдашняя была пронизана стремлением к воле и побегу, а Байкал в народном сознании был той самой границей, за которой спасение!..

*Славное море, священный Байкал,
Славный корабль, омулёвая бочка,
Эй, баргузин, пошевеливай вал, –
Молодцу плыть недалёчко.*

*Долго я тяжкие цепи носил,
Долго бродил я в горах Акатуй,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волю почую.*

*Шилка и Нерчинск не страшны теперь –
Горная стража меня не поймала,
В дёбрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.*

*Шёл я и в ночь, и средь белого дня,
Близ городов озирался я зорко,
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.*

*Славное море, священный Байкал,
Славный мой парус – кафтан дырватый.
Эй, баргузин, пошевеливай вал, –
Слышатся грома раскаты.*

своим громовым баритоном:
– Славное море, священный Байкал!..

Это было неизменно.

В этом был момент крайнего раскрепощения и даже торжества.

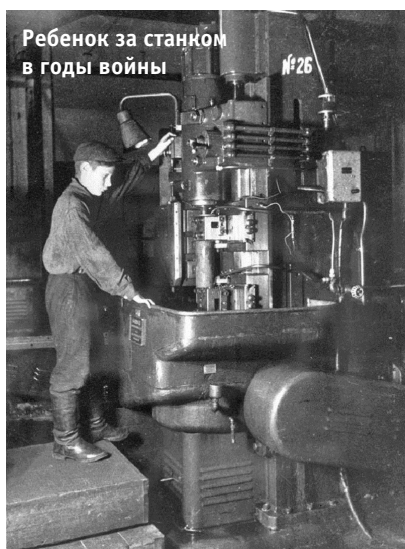
В этом было для него некое волевое преодоление мрака и безысходности – вечной шахты, мехцеха, войны...

Сын сухорукого алтайского крестьянина Фёдора, что вовремя сбежал от раскулачивания с кучей детишек в строящийся шахтёрский Прокопьевск, папа, будучи от рождения вундеркиндом, оставшись к началу войны сиротой, так и не смог получить образования и с 14-ти лет, с 1942-го года стоял у токарного станка. Сначала на ящике от снарядов, ибо не доставало роста, не дотягивался до шпинделя – вытачивать танковые стартеры. Кормил себя, кормил братьев и сестёр...

В основе песни – стихотворение сибирского учителя, краеведа и литератора Дмитрия Давыдова (1811–1888) «Дума беглеца на Байкале», опубликованное им в 1858 году в Петербургской еженедельной газете «Золотое руно». В 1863-ем текст песни «Славное море – священный Байкал» появляется в «Современнике» в статье «Арестанты в Сибири» как образец арестантского творчества, – то есть уже к 1863 году песня стала народной.

Есть версия, что первоисточником мелодии является припев польской повстанческой песни «За Неман», хотя они не особо похожи. Некоторые сборники указывают автором музыки Ю. Арнольда – возможно, он обработчик мелодии, или в данном случае имеется в виду какой-то другой мотив. На практике исполняется 5 куплетов (в авторской версии – 11). В 1941-ом песня обработана Георгием Свиридовым для голоса со смешанным оркестром.

Славный корабль, омулёвая бочка. В данном случае это не метафора, а реальная ситуация: герой пытается переплыть Байкал, используя вместо лодки большую бочку, иронизирует над собой и поёт эту песню.

«Хлебом кормили крестьянки меня»... Местное население снабжало беглецов в пути следования – таков был обычай, причём не только в Сибири, а и далее, в Приуралье. Короленко в воспоминаниях пишет, что в Пермском крае, где он отбывал ссылку, в XIX веке было принято на ночь выставлять у дома молоко или хлеб «для беглых из Сибири». Шансы встретить там беглого были небольшие, но обычай соблюдался.

Когда я думаю про этот ящик от снарядов, на котором у станка стоял подросток, я по странной ассоциации вспоминаю рассказ моей старшей сестры Надежды (я её в младенчестве звал «няня» и не отставал ни на шаг). Надя утверждает, что я, даже по нынешним меркам, невероятно рано начал говорить, причём, вполне осознанно и свободно. И сразу всем на диво стал запоминать детские стихи, сказки. Мол, точно помню, «братуку было не более двух лет, когда мама купила набор открыток к сказке Ершова «Конёк-горбунок». На каждой открытке – отдельный эпизод из сказки, а на обороте стихи к этому эпизоду. Мама или я показывали Вове открытку, потом переворачивали и читали стихи. Очень скоро Вова всё запомнил и сам рассматривал открытки, затем переворачивал и, якобы, читал стихи. Хотя букв ещё не знал. При этом никогда не ошибался, рассказывал именно те стихи, которые были написаны на

обороте открытки, которую он держал в руках. Память у него была феноменальная с раннего детства, нередко запоминал стихотворный текст с одного устного прочтения. Естественно, родители гордились своим вундеркиндом, демонстрировали его гостям и родственникам, поставив на табуретку. Когда Вова пошёл в детский сад, то на всех праздниках и утренниках стал одним из заглавных исполнителей-чтецов, причём, всегда делал это громко, чётко, с выражением. То же продолжилось и в школе, и на общегородском уровне»...

Вот стало быть – папа на чурочке у токарного станка, а я на табуретке со стихами! Так всю-всю жизнь и стою...

Харьковский машиностроительный в Прокопьевске полгода работал под открытым небом, пока строили цеха. Именно в эти месяцы папа стал профессиональным токарем и – на всю жизнь. Сначала на военном заводе, потом на шахте имени Дзержинского в мехцехе. Он был профессионалом с большой буквы, любая деталь, любая самая сложная работа были ему по плечу. О нём знали специалисты в городских кругах, в особо сложных случаях обращались именно к нему, по образцу папа мог выточить всё что угодно. Со слов отца: он вносил массу рационализаторских предложений, что приносило большую экономическую выгоду производству. Однако вознаграждение было мизерным, главный механик шахты и главный экономист внедряли эти рацпредложения с условием, что основные авторы они, а он лишь соавтор. Соответственно, и основное вознаграждение распределялось в этой пропорции. Сестра Надя пересказывала его возмущение по этому поводу. А что поделаешь? Образование, точнее, его отсутствие, не позволяло оформить, обосновать и обсчитать предлагаемые ко внедрению изобретения.

У отца была страсть – мотоцикл марки «Иж-49», он знал его как свои пять пальцев. Каждую весну он разбирал его полностью, до винтика, а потом любовно собирал, промыв двигатель, карбюратор, почистив свечи, отрегулировав зажигание. После чего ездил до поздней осени без малейших поломок. Первый мотоцикл у

него появился ещё в пятидесятых годах.

У папы был прекрасный музыкальный слух и приятный бархатный баритон, но пел он только когда выпьет, при этом хотел показать силу своего голоса и переходил почти на крик. Я в таких случаях просил петь нормально. Особенно хорошо они пели с мамой вместе. У мамы тоже был хороший голос, пока не стала работать в малярном цехе завода «Электромашина». Любимая песня отца «Славное море, священный Байкал». Ох, уж эта омулёвая бочка!..

Кроме того, папа был замечательным рассказчиком с хорошо поставленной речью, великолепно читал стихи, знал наизусть кое-что из поэтов-классиков. От него впервые мы услышали стихотворение Некрасова «Однажды в студёную зимнюю пору», пушкинское «У лукоморья дуб зелёный», басню Крылова «Ворона и лисица». Читал стихи он не хуже любого артиста. Умел рассказывать сказки внукам, когда те подросли. Забавно было наблюдать облепивших его внуков, требовавших продолжения сказки. Ничуть не смущаясь, он тут же сочинял новую историю с теми же героями, а внуки слушали с открытыми ртами. Его любовь к детям и внукам покоряла, они отвечали ему тем же. С детской непосредственностью он любил наблюдать за спящими ребятишками: стоял рядом с кроваткой, смотрел на сонные физиономии, разбросанные ручки-ножки, умиляясь их ангельскому виду. В такие мгновения, признаться, и на него нельзя было смотреть без душеспасительного слёзного спазма.

Видимо, от деда Фёдора отец унаследовал честность и порядочность как главный, незыблемый принцип жизни. На этом стоял и детей учил ни под каким предлогом никогда-никогда не брать чужое. И когда мой брат Виктор, будучи в возрасте 8-9 лет, тайком вытащил из кармана отца мелочь, папа выпорол его ремнём, навсегда отбив охотку даже к мелкому воровству.

3. ПИСЬМО О МАМЕ

Наша мама – Евдокия Александровна Берязева (в девичестве Пальчикова) – родилась 17

июня 1931 года в деревне Еланда Яминского (ныне Целинного) района Алтайского края. Её родителями были Александр Фомич Пальчиков, рождения приблизительно 1894 года и Пелагея Павловна Пальчикова (в девичестве Сутягина), 25 мая 1899 года рождения. Дедушку Александра я не знала, так как он рано и скоропостижно умер – в 1948 году. Как рассказывала мама, он выпил стакан холодного вина, после чего у него сильно заболело горло, и он вскоре скончался. Дед воевал в финскую войну, где ему пришлось при боевых действиях долго лежать в холодной воде, тогда-то он сильно простудился. После этого у него возникли проблемы с ногами, он плохо ходил, а, кроме того, у него выпали все зубы, все до единого, хотя ему было примерно 45 лет. По состоянию здоровья его не призвали в действующую армию в Великую Отечественную. Дед Александр был грамотным, понимал в бухгалтерии, поэтому работал в колхозе счетоводом. Кроме того, он владел портняжным и скорняжным ремеслом, шил на заказ полушубки из овчины. Благодаря его трудам семья даже в войну не голодала. От своего отца моя мама узнала некоторые печальные факты из истории семьи. Так, Пальчиков Александр Фомич был родом из села Волчье Тамбовской губернии, в этом селе было много семей с фамилией Пальчиковы. В период Столыпинской реформы наш прадед Фома со своей семьёй и семьёй брата отправились осваивать свободные земли в Сибири, заниматься крестьянским трудом. Братья пустились в дальний путь не с пустыми руками. У каждой семьи были сбережения в виде золотых монет, о происхождении которых история умалчивает. Во время длительной дороги возникла ситуация, вынудившая Фому задержаться (возможно, болезнь кого-то из членов семьи). Тогда Фома предложил брату ехать дальше, отдал ему своё золото и просил по прибытии на место закупить и для его семьи землю, скот, необходимый инвентарь. Брат молча взял деньги и уехал. Когда Фома через время прибыл в село Тогул Алтайского края, где обосновался брат, то оказалось, что тот ничего для него не приобрёл, а вернуть деньги отказался. Фома просил

дать хотя бы одну лошадь. На что брат ответил, что у него 30 лошадей. Вот если бы была 31 лошадь, то одну он бы дал. Вот так поступил с прадедом Фомой его родной брат, имени которого я не знаю. Тогда прадед Фома обосновался в селе Еланда, неподалёку от Тогула, где богато зажил его брат. Потом грянула революция. Александр стал работать писарем при большевских Советах. Вскоре началась коллективизация и борьба с кулачеством, дядьку из Тогула записали в кулаки. Он пришёл к Александру просить выписать ему справку, чтобы уехать и избежать расправы большевиков. Но Александр отказал, напомнив дядьке о том, как он поступил с его отцом Фомой. Закончилось всё печально: дядьку и его семью большевики расстреляли.

Моя бабушка Пелагея Павловна Сутягина была из семьи бийских мещан, с окраины уездного городка на востоке Алтайского края. Семья, скорее всего была бедная, так как с 8 лет бабушка зарабатывала на хлеб, будучи нянькой в семьях более зажиточных бийчан. Замуж за Александра вышла примерно в 1917 или 1918 году. Через год у них родился первенец Алексей. Всего моя баба Поля родила 12 детей. Но выжили пятеро: сыновья Алексей, 1918 или 1919 г.р., Дмитрий, 1921 г.р., Василий, 1926 г.р., дочь Евдокия, 1931г.р. (моя мать). Бабушка Пелагея прожила долгую и трудную жизнь, умерла в возрасте 88 лет. Она, как и мама, была великой труженицей. Нам сейчас никак не представить, как можно было столько работать.

Мою маму можно смело назвать великой женщиной с трагической судьбой. Счастья на её долю выпало мало. Сама она говорила, что её счастье – это мы, её дети. Именно за нас она благодарна отцу, который подарил ей таких детей. Она очень гордилась нами. Всеми и каждым в отдельности...

Наша семья очень много читала и книг, и журналов. Мама ежедневно подписывалась на целый ряд периодических изданий, вот некоторые из них: «Нева», «Новый мир», «Сибирские Огни», «Роман-газета», «Юность», «Пионер», «Работница», «Крестьянка», газеты «Советская Россия», «Кузбасс» и «Шахтёрская правда». Это было доступно для простой рабочей семьи в 60-х и начале 70-х. У нас дома годами хранились подшивки этих журналов, мы их перечитывали, давали знакомым и потом требовали вернуть. Из этих журналов я узнала произведения Пикуля, Войновича, Распутина и многие другие.

Наши родители, сами без образования, всегда твердили нам, что мы должны учиться, окончить ВУЗ и с этого краеугольного камня строить свою жизнь.

У нас ещё не было телевизора, мы слушали радио, читали вслух, а вечерами мама пела нам песни или мы играли в города, реки, озёра, острова, полуострова. У нас была большая географическая карта, мы её расстлали на полу и ползали по ней, искали те или иные географические названия. Географию мы знали хорошо, увлекались воображаемыми путешествиями.

Не могу не сказать и о пагуб-

ной страсти папы – о его зависимости от алкоголя. Всё хорошее, что было в характере отца, омрачалось, исчезало, когда он был пьян. Были ссоры родителей на этой почве, безобразные сцены, о которых вспоминать не хочется, потому что это очень тяжёлые воспоминания. Бороться с этой его болезнью было бесполезно: он не хотел слышать о том, чтобы прекратить выпивать, категорически и даже горделиво заявлял: «Я пил, пью и буду пить!» Когда я повзрослела, окончила среднюю школу, спрашивала у матери, почему она не развелась с ним, не ушла от него, зачем тратит на него свою жизнь, тогда как другие женщины, уходят, бросают своих мужей-алкоголиков. Мать отвечала, что ей некуда идти с тремя детьми, она не может его бросить, так как он без неё пропадёт. Так и несла свой крест, потому что любила его таким, каким он был, жалела его, выводила из запоев. Благодаря ей он прожил 72 года, она за ним ухаживала, как за своим ребёнком, кормила всегда свежей домашней едой, всегда он был начищен, наглажен, ухожен, спал в чистой тёплой постельке, до последних своих дней. Он прожил бы, наверное, с такой женой гораздо дольше, если бы и сам заботился о своём здоровье, щадил бы себя, а не губил беспрестанными погружениями в хмельной морок.

4. ХИТИНОВЫЙ ПАНЦИРЬ РЕАЛЬНОСТИ

Оглядываюсь. Ещё раз оглядываюсь. Пытаюсь постичь – от кого и зачем во мне это всепобеждающее чувство пространства и власти над ним?! Откуда ощущение зыбкости и неверности материального и тленного бытия. Данного тебе в ощущениях.

Может быть, всё-таки, от них, от дедов и прадедов? Может быть, через голову, через поколения именно они дивным образом смогли передать мне своё спокойное и ясное знание Воли и Правды?.. Ибо кровавые свободу и равенство придумали позже, в России – в веке XX-м.

И верно. И справедливо. И душе-спасительно. Надо оглядываться...

В детские годы куда более отчётливо ощущаешь, что реальность не вполне то, что мы видим глазами, ощущаем рецепторами, она куда глубже и многослойней. Первый опыт художественного и духовного познания именно оттуда, из почти младенчества. Один такой случай потом стал стихотворением. Был тёплый день мая с липкими тополиными листьями, с черёмухой и солнцем в ослепительном накале. Думаю, мне не было и шести лет, ватага шахтёрской ребятни играла вблизи террикона на поляне у ручья. Помню, был какой-то парад насекомых: мотыльки, бабочки, жуки. Вот один из них, видимо,

майский, сейчас уже не угадаешь, и попался мне под руку. Как ни странно сегодня это звучит, но сие стало одним из значимых событий в моей жизни, как бы это сказать, пробило изоляцию, пронзило судорогой, я впервые тогда ощутил контакт с иным миром, иной грозной реальностью, которая оказалась совсем рядом. Вот они, ранние давние стихи:

*С детства врезалось! – ловкие пальцы
Изловили жука налету,
Сухо треснул хитиновый панцирь,
И упала душа в пустоту.
Изловил, а потом изревелся...
Почему? – самому не понять.
Приоткрылась куда завеса?
Что почудилось ПОД и НАД?
В первый раз стало тесно на свете.
В первый раз холодела спина.
Мраком гибели, вспышкой смерти
Через пальцы прожгло пацана...*

Думаю, что подобного рода впечатления в конечном итоге и спасли меня от штампованного материалистического мировосприятия, улы, до сих пор навязываемого школьным курсом, от идеологических прописей и зомбирующего влияния Системы, которое сегодня во стократ успешнее осуществляют СМИ. Но – иммунитет уже есть!

***

Ещё из детства. Сегодня пытаюсь объяснить себе тогдашнее постоянное желание спрятаться, сховаться, зарыться, забиться в тёмный угол, в щель, в схрон. Ведь это не может быть случайным – сооружение землянок летом, в самых потаённых местах, а зимой (ах, какие тогда зимы были! какие заносы снежные, под крышу избы), когда тебе шесть или семь лет и ты сам на заметённых двухметровым снегом огородах сооружаешь то ли крепость, то ли подземный город с целой системой кротовых нор, прорытых неутомимой командой карапузов. С трудом могу себе представить, что сегодняшняя ребятня смогла бы вот так по несколько часов кряду рыться в снегу на морозе, иногда до полного обледенения, до ледяной коросты на пальтишке, штанах, рукавицах и шапке. Космонавты ледникового периода, подданные Снежной королевы. До сих пор вижу, как, исходя парком, оттаивают над печкой штаны с начёсом и истекают слезами валенки возле духовки. Психотерапевты современного

призыва, наверное, стали бы объяснять это стремление подспудным, подсознательным желанием укрыться в материнской утробе, вернуться в среду до рождения, где нет времени, а пространство свёрнуто в улитку, стали бы вспоминать имена Фрейда, Леви-Строса и пр. А мне-то кажется, что ребёнок, в силу своего недавнего пришествия в наш мир, обладает способностью помнить опыт предыдущих поколений, опыт катастроф и губительных катаклизмов, когда надо спрятаться в нору, в пещеру, в ковчег. Хотя нельзя исключать и стремления вернуться в иную реальность, учитывая нынешние апокалипсические тенденции в нашем настоящем.

***

Мальчишкой на каникулах часто бывал в доме бабушки Пелагеи, в деревне Еланда степного Алтая. Там протекает песчаная извилистая речка Яминка, один её берег жёлтым обрывом рассекает зелёное полотно огромной степной луговины, где меланхолично бродят коровы и стремительно шныряют от норы к норе рыжие суслики.

Если мои деревенские товарищи любили охотиться на сусликов, чтобы шкурки сдать в Райпотребсоюз, а из тушек сварить похлёбку, то меня первое время очень тянуло к обрыву. В самых крутых местах он был издырявлен круглыми отверстиями, это были гнёзда стрижей, птиц были сотни, они непрерывно мелькали в воздухе, таскали корм птенцам, а перед грозой, на самом деле, буквально стригли водную гладь речушки, собирая клубящуюся в воздухе мошку.

Я возмечтал подобраться к гнёздам, цель была одна – посмотреть на птенцов. В одном месте это мне удалось. Мальчишеская рука свободно проходила в нору, а её длины хватало, чтобы достичь непосредственно гнезда. Когда я увидел в своей ладони уже почти взрослых сформировавшихся птенцов, я вдруг вознамерился собрать их побольше, а потом выпустить. Вот, мол, будет здорово, я их научу летать, они с моей помощью встанут на крыло и будут со свистом чертить передо мной воздух, то падая вниз с обрыва, то поднимаясь в небо.

Тогда почти на всех пацанах были чёрные трико, трикушка со вздутыми коленками и резинкой на животе и на голени. Я набрал в каждую штанину десятка по полтора птенцов и козьей тропой взобрался по обрыву на травянистую луговину. На всё это ушло, разумеется, какое-то количество времени, то ли десять, то ли двадцать минут. Когда я снял трико и с воодушевлением, предчувствуя свой триумф – вот я вас сейчас освобожу! – вытряхнул свою добычу на траву, то с ужасом увидел, что практически все они, все стрижата мертвы...

Потрясение было очень глубоким. Детское глупое любопытство, дурацкий эксперимент оставили на сердце основательную борозду. Как мне кажется, кое-какие выводы мальчик Вова из этого события сумел для себя сделать. С тех пор я терпеть не могу насилия...

Если в инкубаторе увеличить температуру, птенцы быстрее не вылупятся, но изжарить можно. Волчат, у которых не прорезались

зубы, не накормишь свежей козлятиной. Кукушонок, выталкивающий своих сродников из гнезда, желает дополнительной пищи, а не того, чтобы его братцы полетели.

После получения экономического образования (Новосибирский институт народного хозяйства) мои сомнения в правдивости картины окружающей действительности окрепли и весьма: академическую книгу «Капитал» можно было с гораздо большим успехом проповедовать птицам небесным (они, как известно, не сеют, не пашут), но делать её доктриной и навязывать целому миру со сложившимся вековым укладом – это равноценно моему бессмысленному погублению птенцов стрижей. Но, увы, масштабы не те – миллионы жизней.

Видимо, поэтому слова «оперативное вмешательство» вызывают у меня протест и тревогу, я не люблю реформаторов, преодолевающих природу мичуринцев, идейно озбоченных мелиораторов, всепобеждающих туристов и культурно отдыхающих массы.

Революция для меня есть синоним катастрофы, Потопа, кары Божьей, а революционеры, соответственно, – носители inferнального хаоса. Что, в сущности, и доказала последняя криминальная революция.

А вам, родные мои и кровные, – поклон низкий! И дай вам Боже живота вечного, яко Благ и Человеколюбец...

г. НОВОСИБИРСК

Сергей СУЦАНСКИЙ

С Черчиллем я на дружеской ноге!

или ТЕГЕРАН-43

Заинтересовавшись рассказами В. Козина о его прошлой жизни, которые больше смахивают на сказки бабушки Арины, я решил разобраться – что там – правда, а что – вымысел.

Мой первый шаг – обращение в архивы: Центральный архив Вооружённых сил и Государственный архив РФ – по поводу награждения Козина орденом Красной Звезды. В результате появилась статья – «По следам «опального Орфея», опубликованная в газете «Литературная Россия» (№ 41, 9–15 ноября 2018 г.). Вывод однозначный: рассказы и воспоминания В.Козина о награждении его орденом Красной Звезды – поздняя выдумка певца.

***

Но меня заинтересовала ещё одна история, рассказанная В.Козиним журналисту Борису Савченко^{1, 2}: «30 ноября помимо рабочей программы участниками конференции отмечался день рождения У. Черчилля. Английскому премьер-министру удалось собрать на своё торжество выдающихся артистов – звёзд мировой эстрады: Марлен Дитрих, Мориса Шевалье, Изу Кремер. Черчилль попросил Сталина, чтобы от СССР на вечере выступил Вадим Козин. <...> Операция по доставке артиста для участия в концерте носила почти детективный характер. Поскольку идея возникла у Черчилля вдруг, время поджимало, и ситуация не терпела каких-то заминок, Черчилль отправил в Москву спецсамолёт. Днём Козин вылетел в Иран, вечером выступил перед юбиляром, а на следующий день тем же самолётом вернулся в Москву».

***

Примерно в том же ключе ведётся повествование и в документальной повести Алексея Мазуренко³: «...в конце 1943 года открылась Тегеранская конференция глав правительств трёх союзных держав – СССР,

США и Великобритании. <...> 30 ноября был день рождения Уинстона Черчилля, и это событие было решено отметить интернациональным концертом. Именинник попросил Сталина, чтобы от СССР выступил Вадим Козин! <...> Вся операция по доставке певца сначала в Тегеран, а потом обратно в Москву заняла меньше суток».

***

Воспоминания Козина в пересказах Б.Савченко и А.Мазуренко вызывают массу недоумённых вопросов, а именно:

– когда конкретно Черчилль обратился к Сталину с изложенной выше просьбой – до конференции, или во время беседы 30 ноября? Известно, что о праздничном ужине Черчилль сообщил коллегам по переговорам именно в этот день на третьем пленарном заседании, которое началось в 16 часов⁴.

– известно⁵, что Черчилль прибыл в Тегеран из Каира на самолёте. Не об этом ли самолёте идёт речь в книге Мазуренко³? Каким образом оформлялся пролёт иностранного (английского) самолёта, для перелёта (если таковой состоялся) над территорией Советского Союза – государства, которое находилось в состоянии войны с гитлеровской Германией?

– оформлялись ли Козину соответствующие проездные документы? Ведь Тегеран – это всё-таки чужая заграница!

– летел ли Козин один, или с ним был и аккомпаниатор? Если один – то, кто аккомпанировал певцу на концерте?

– был ли у Козина в полёте сопровождающий?

– какие песни исполнял Козин на праздничном концерте? «Несколько русских романсов»³ – это не серьёзно!

– «Вся операция по доставке певца сначала в Тегеран, а потом обратно в Москву заняла меньше суток». Что же это за самолёт был у Черчилля, который в 1943 году «днём вылетел (очевидно, из Москвы), а вечером Козин уже участвовал в концерте»? И сколько времени конкретно длился полёт из Москвы в Тегеран? И, соответственно, обратно?

***

Для ответа на поставленные вопросы, я обратился к первоисточникам. В данном случае главным источником являются шеститомные мемуары Уинстона Черчилля «Вторая мировая война. В 3-х книгах». А

конкретно – третья книга⁴, куда и вошли воспоминания премьера о Тегеранской конференции. Поскольку меня интересовал день 30 ноября 1943 года, я обратился к странице 218. Черчилль вспоминает: «До сих пор мы собирались для наших заседаний и обедов в советском посольстве. Но теперь я заявил, что третий обед даю я и он должен состояться в английской миссии. Никто не мог против этого возражать. По алфавиту и Великобритания, и я сам стояли первыми, а по возрасту я был на пять лет старше Рузвельта и Сталина. Я мог бы также добавить, но не сделал этого, что мы дольше всех воюем; наконец, я сказал, что 30 ноября мой день рождения. Эти аргументы, в особенности последний, оказались решающими, и наш посланник сделал все необходимые приготовления к обеду примерно на 40 человек, включая не только политических и военных руководителей, но и некоторых ответственных работников из аппарата».

Обратим внимание на слова Черчилля: «Наконец, я сказал, что 30 ноября мой день рождения».

Очевидно, что ранее – ни до конференции, ни во время первых встреч в Тегеране лидеров трёх стран – премьер-министр Англии своих коллег о своём дне рождения не оповещал. Тем не менее, известно, что И.В. Сталин преподнёс имениннику «каракулевую шапку и большую фарфоровую скульптурную группу на сюжет русских народных сказок»⁶. Понятное дело, Сталин прекрасно помнил о предстоящей дате!

И далее в книге до страницы 222 У.Черчилль рассказывает о прошедшем в его честь званом обеде, вспоминая мельчайшие его подробности. Завершается эта глава словами: «Этот день рождения был для меня действительно счастливым днём».

***

Но что удивительно, ни словом, ни намёком У. Черчилль не упоминает ни о выступлениях, якобы присутствующих, звёзд мировой эстрады – Марлен Дитрих, Мориса Шевалье, Изы Кремер, ни о выступлении самого Козина, которого, якобы, выпросил у Сталина.

Так когда же, собственно, Черчилль обратился к Сталину с просьбой о доставке Козина в Тегеран – до начала конференции или во время заседаний глав правительств? И обращался ли?

Следует помнить ещё такой момент: **ВСЕ** переговоры, все беседы – за завтраками, обедами, ужинами – тщательно фиксировались! Обратимся ещё к одному первоисточнику – сборнику документов Тегеранской конференции⁷: ни о дне рождения Черчилля и торжественном обеде, устроенном премьером Великобритании, ни о концерте звёзд, в сборнике даже не упоминается!

Но есть ещё книга воспоминаний одного из двух советских переводчиков, участвовавших в конференции – Валентина Бережкова⁸.

«Бережков Валентин Михайлович – журналист-международник. В 1940–1945 годах был на дипломатической работе. Принимал участие во многих международных встречах и переговорах. С декабря 1940 года вплоть до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз был первым секретарём посольства СССР в Берлине. Вернувшись в Москву, работал в цен-

тральном аппарате Наркомата иностранных дел СССР в ранге советника. Участвовал в Московской конференции трёх держав 1943 года, в Тегеранской конференции глав трёх великих держав и некоторых других».

Это выдержка из главы «Об авторе». Поскольку меня интересует не сама конференция, а только день 30 ноября 1943 года, обращусь к главе «Именинный пирог»: «На торжественный приём, устроенный вечером 30 ноября в английском посольстве по случаю дня рождения Черчилля – ему в этот день исполнилось 69 лет, – гости стали собираться в начале девятого. Сталин был в парадной маршальской форме. Вместе с ним пришли Молотов и Ворошилов. <...>

Гости входили через парадную дверь, по обе стороны которой безмолвно застыли бородатые индийские солдаты в огромных тюрбанах.

День был жаркий, но к вечеру из старинного парка потянуло приятной свежестью. К нашему приходу в гостиной уже собралось блестящее общество: военные щеголяли в расшитых золотом мундирах, дипломаты во фраках соперничали с ними яркостью белоснежных манишек.

Тегеран, 30.11.1943 г. Что-то Козина не видно среди гостей!

Единственной дамой в этой компании была дочь Черчилля – Сара Черчилль-Оливер. Она стояла рядом с сияющим именинником <...>. Сам виновник торжества весело улыбался и бодро дымил сигарой.

Вскоре все перешли из гостиной в столовую, где стояли длинные столы, заставленные всевозможными яствами. На главном столе возвышался огромный именной пирог с 69 зажжёнными свечами».

Вадим Козин

Далее В.Бережков повествует о торжественном застолье, причём упоминает и различные подробности. Однако ни слова, ни намёка на какие-либо выступления артистов, о которых вспоминает Козин.

И обратим внимание: «Единственной дамой в этой компании была дочь Черчилля – Сара Черчилль-Оливер».

Никаких других дам, о которых повествуют Савченко и Мазуренко со слов Козина, на приёме у Черчилля не было.

*

Перейдём к следующему вопросу. Бережков на странице 8 своей книги⁸ пишет: «...я узнал, что ... местом встречи избран Тегеран, а советская делегация уже отбыла из Москвы поездом. Чтобы догнать нашу делегацию, пришлось воспользоваться самолётом. Все выездные документы были уже оформлены, и в ночь на 27 ноября я вылетел из Москвы».

Валентин Бережков – сотрудник Наркомата иностранных дел, но, тем не менее, и ему оформлялись выездные документы!

А дальше – ещё интереснее: «Летели, как было принято во время войны, низко, над самым лесом: остерегались немецких истребителей. <...> Под утро сделали посадку на каком-то военном аэродроме в степи. Пополнили баки бензином и отправились дальше. <...> В Баку прилетели поздно вечером. <...> В Баку мы остались на ночь и рано утром (28 ноября. – С.С.) должны были вылететь в Тегеран. <...> В полдень мы уже подлетели к Тегерану».

Читатель легко определит, что суммарно с учётом посадки для дозаправки, перелёт из Москвы в Тегеран продолжался больше суток! Следовательно, авиапутешествие по маршруту Москва – Тегеран – Москва займёт почти двое с половиной суток! А ведь Козин утверждал, что «вся операция по его доставке в Тегеран и обратно в Москву заняла меньше суток!» Но если он «участвовал» в Тегеранской конференции, какое-то время заняло и само выступление?

*

Естественно, я пересмотрел в Интернете практически всю информацию о якобы имевшем место концерте. И что же? Практически во всех публикациях одно и

то же: Черчилль просит Сталина, концерт с участием Марлен Дитрих, Мориса Шевалье, Иды Кремер и – конечно же – Козина. И только в одной публикации приводятся воспоминания Давида Владимировича Ашкенази, который многие годы аккомпанировал звёздам отечественной эстрады: Юрьевой, Шульженко, Козину:

«Ашкенази крайне удивился: «Я действительно в этот период аккомпанировал Козину, но в Тегеране – этого не было. Бред всё это! Небось, уверял, что друг Черчилля? Всё это плод его воображения!»

И далее в этой же статье: «...легенда французского шансона, <...> Морис Шевалье находился в это время, кстати, с Эдит Пиаф, в оккупированном Париже и чувствовал себя вполне прекрасно, выступая для прямо противоположной, нежели коалиция союзников, аудитории». Т.е., Морис Шевалье выступал перед немцами, оккупиро-

вавшими Париж!!!

На удивление, рассказы о выступлении Козина в Тегеране продолжают всплывать и в периодике самого последнего времени! А некоторые даже фотографии видели?!

*

Думаю, когда Козин сочинял свои фантазии на тему Тегерана-43 и делился ими с Савченко и Мазуренко, он совершенно не представлял себе возможности авиации в 1943 году. Чтобы днём вылететь из Москвы в Тегеран, вечером выступить на концерте, а на следующий день вернуться в Москву – нужно было лететь на Ил-62, Ту-154, на худой конец – на Боинге-747!

Более того, гораздо более того! Не думал Козин и о том, что главный герой того дня – именной премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль – напишет и опубликует мемуары о том суровом времени вообще, и о дне рождения – в частности. А о Валентине Михайловиче Бережкове Козин и слышать не слышал, и знать не знал, что издаст дипломат свою книгу воспоминаний и расскажет об именованном пироге Черчилля.

В принципе, всей приведённой информации хватает, чтобы затушевать это белое пятно козинской биографии, и со всей ответственностью сказать: пребывание Козина в Тегеране – такая же выдумка певца, как и в случае с его награждением орденом Красной Звезды. Но всё же я решил сделать запрос в Министерство иностранных дел России – а вдруг я заблуждаюсь? Вдруг я не прав? Отправляю письмо:

*Руководителю отдела по работе с обращениями граждан
Министерства иностранных дел
Российской Федерации*

В магаданской литературе, посвящённой известному в СССР в 30–40-е годы XX столетия эстраднему певцу Вадиму Алексеевичу Козину, есть рассказы о том, что во время проведения в ноябре-декабре 1943

ФЕДЕРАЛЬНАЯ
СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ФСБ России)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

ул. Б. Лубянка, 2, г. Москва, 101000

26.02.2019 № 10/А/С-746

Экз. № 1

С.И. Сущанскому

ул. Ренная, д. 11, кв. 1,
г. Магадан, 685000

Уважаемый Сергей Иванович!

Ваше обращение от 28 января 2019 года рассмотрено.

Сообщаем, что Центральный архив ФСБ России сведениями и документальными материалами о полёте эстрадного певца В.А. Козина в ноябре 1943 года в Тегеран не располагает.

Заместитель начальника архива

Н.А. Иванов

года Тегеранской конференции глав правительств трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании, певец на самолёте был доставлен из Москвы в Тегеран:

1. Борис Савченко. «Опальный Орфей».

Магадан, 1991. С. 43-44.

2. Алексей Мазуренко. «Серпантин судьбы». Документальная повесть о Вадиме Козине. В кн.: «Явь и тайна, даль и близость». Москва, «Верже-АВ», 2000. С. 200-201.

3. Борис Савченко. «Вадиму Козину – 85 лет. Судьба артиста, или последний из «могикан». Альманах «На Севере Дальнем» № 2, 1989. Магадан. С. 205.

Копии указанных печатных изданий прилагаются. Однако ни в книге А.Мазуренко, ни в публикациях Б.Савченко подробности участия в столь глобальном мероприятии для Козина не указываются: сколько часов длился полёт? Где в этот день находился Козин? Как его нашли, и кто искал? Летел ли он сам или был аккомпаниатор? Где конкретно происходил праздничный концерт? Какие песни пел, и кто аккомпанировал? Можно задать ещё целый ряд вопросов.

Но лично у меня информация, приведённая в указанных публикациях, вызывает сомнение – а летал ли В.Козин в Тегеран и участвовал ли в празднестве по случаю дня рождения Черчилля или это поздние фантазии певца?

Уважаемые товарищи! Меня давно интересуют биографии известных людей, так или иначе связанных с Магаданом. Прошу Вас, если Вы располагаете сведениями о полёте В.А. Козина в ноябре 1943 года в Тегеран, сообщите, пожалуйста, мне. Заранее Вам очень благодарен.

Приложение: всего на 8 (восьми) листах.

С уважением – С.И. Сущанский

10 ноября 2018 г.

*

Ответ хоть и заставил себя ждать, но, тем не менее, пришёл:

16.01.2019 г. № 359/2ДА,
ЧЛЕНУ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ
С.И. Сущанскому

Уважаемый Сергей Иванович!

В связи с Вашим обращением относительно «иранского эпизода» биографии советского певца В.А. Козина сообщаем, что в материалах Архива внешней политики Российской Федерации каких-либо упоминаний о выступлении в Тегеране в 1943 году упомянутого лица не обнаружено. Возможно, какая-то информация об этом событии отложилась в документах НКВД СССР, который должен был заниматься организацией данного мероприятия.

С учётом вышеизложенного, полагаем бы целесообразным обратиться в Центральный архив ФСБ России (ул. Б. Лубянка, д. 2, г. Москва, 101000).

С уважением,

Заместитель директора

Второго департамента Азии – М.БАРАНОВ

*

Что ж, новые цели ясны, задачи определены: посылаю запрос в Центральный архив на Лубянку. Поскольку сам запрос по содержанию аналогичен запросу в МИД, текст его я приводить не буду. А вот и ответ:

Экз. № 1

26.02.2019 г. № 10/А/С-746

С.И. Сущанскому

Уважаемый Сергей Иванович!

Ваше обращение от 28 января 2019 года рассмотрено.

Сообщаем, что Центральный архив ФСБ России сведениями и документальными материалами о полёте эстрадного певца В.А. Козина в ноябре 1943 года в Тегеран не располагает.

Заместитель начальника архива – Н.А. Иванов.

*

Ложь рано или поздно бывает раскрыта. Это всего лишь вопрос времени. Но почему те, кому по статусу положено, а именно работники магаданского музея Козина не запросили соответствующие инстанции ранее?

Одного я никак не пойму: зачем эти выдумки нужны были самому Козину? Неужели прижизненной славы певцу было мало? Но это так, дополнительные штрихи к портрету...

¹ – Борис Савченко. «Опальный Орфей». Магадан, 1991. С. 43–44.

² – Борис Савченко. «Вадиму Козину – 85 лет. Судьба артиста, или последний из «могикан». Альманах «На Севере Дальнем» № 2, 1989. Магадан. С. 205.

³ – Алексей Мазуренко. «Серпантин судьбы». В книге: «Явь и тайна, даль и близость». Москва, «Верже-АВ», 2000. С. 200–201.

⁴ – Уинстон Черчилль. «Вторая мировая война». В 3-х книгах. Кн. 3. Т. 5–6. М., Воениздат, 1991. С. 217–222.

⁵ – там же. С. 192.

⁶ – Валентин Бережков. «Тегеран, 1943». Издательство Агентства печати новости, М., 1971. С. 99.

⁷ – «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.». Сборник документов. Министерство иностранных дел СССР. – М., Политиздат, 1984.

Т. 2. «Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.)». 175 с., 2 л. ил.

⁸ – Валентин Бережков. «Тегеран, 1943». Издательство Агентства печати новости, М., 1971. С.

9 – Марк Фурман. «Наш человек из Магадана». Журнал «Мир Севера» № 6 (118), 2018. С. 54–57.

«НЕВКУСНЫЕ»

ВЫВОДЫ

Не так давно мы отметили очередной день рождения Владимира Семёновича Высоцкого, поэта, певца, актёра, которого называют великим творческим гением прошедшей эпохи. Но в потоке публикаций, посвящённых юбилею, я нашёл только редкие попытки дать оценку содержанию, качеству его творчества и его значению для развития мирового и отечественного искусства. Основное внимание многочисленных «друзей» Владимира Семёновича (а их становится всё больше и больше) заострялось на том, что «его зажимали», «его сгубила система». Это звучало из уст тех, кто играл с ним в кино и спектаклях, давал ему роли, кто его снимал и даже тех, кто потакал его вредным привычкам. Но позвольте, как, если этому верить, Высоцкий мог сняться в десятках любимых советскими людьми фильмах, играть ведущие роли в театрах, выезжать за границу, собирать

большие залы на своих концертах и даже в ДК имени Ф.Э. Дзержинского на Лубянке? При этом сочинять и петь не «зайки мои», а то, что без всякого преувеличения можно считать отражением народной души. И кто сейчас, в условиях разнузданных свобод, «зажимает» условно равные Владимиру Семёновичу таланты, не давая им выдавать «нагора» равные его творчеству произведения, а не «зайки мои» и прочую порнографию?

Рискну сделать вывод, что сгубила Владимира Семёновича не «система», а его окружение. То окружение, которое хотело видеть и продолжает хотеть видеть в нём «диссидента». Подтверждение этому в известном ответе В.С. Высоцкого западным журналистам на вопрос о его отношении к власти в СССР: «У меня есть претензии к властям моей страны, но решать их я буду не с вами...».

И где ж они, те «диссиден-

ты»? Получили ли то, за что боролись? Нет, их просто использовали. Единственное, что удалось многим получить – место для захоронения на американском кладбище.

Думаю, Высоцкий это понимал, и это вызывает к нему ещё больше уважения.

В последние несколько десятилетий конъюнктурное направление, в соответствии с которым, для повышения рейтинговости публикаций о нашем прошлом следует говорить только плохое, твёрдо закрепилось в наших средствах массовой информации. Создаётся фон, что всегда и во всём виновата власть, а те, кто был ей неугоден, преследовались и преследуются, вплоть до умерщвления тайными методами. Наиумнейшие представители второй древнейшей легко, не в пример профессионалам прошлого, спустя многие десятилетия, «расследуют» такие дела и найдут (!) виновников. Зомбированный потоком этих публикаций потребитель медиапродукции делает свои выводы, видя в любом событии, прежде всего, криминал, инициированный властными органами.

Не так давно, в ходе пребывания в населённом пункте Москва, мне посчастливилось пообщаться в одной тёплой дружеской компании среди бывших и настоящих земляков-магаданцев. Естественно, все наши разговоры касались нашей малой родины, её прошлого, настоящего, знаменитых и именитых земляков.

Вспомнили и Олега Михайловича Куваева, его «Территорию». Когда речь

зашла о дате и причинах его смерти, один из сидящих за столом (а мы сидели за столом) высказал предположение: «А может, это, того... его специально убрали?» На что участвующий в дискуссии писатель, плотно занимающийся исследованием творчества Олега Михайловича, категорически возразил. Однако тут же выдвинул свою версию. Что Олег Михайлович, будучи человеком неординарно мыслящим, со своими взглядами и мнением, в связи с чем и непредсказуемым, несомненно, должен был находиться под вниманием органов безопасности. Грубо говоря – под надзором.

На что возразил уже я – представитель тех самых органов. Или, как меня назвал некий высококультурный и высокообразованный представитель второй древнейшей из магаданского корпоративного сообщества состоявшихся учителей русского языка и литературы, – «палач». Пусть будет так. Но при этом надо обратить внимание на недопустимость повторения ошибок осуждаемого прошлого, одной из которых, как известно, было отсутствие состязательности судебных процессов. И при-

слушиваться к мнению представителей ныне обвиняемой стороны, коей по сложившейся конъюнктуре стали отечественные органы безопасности. Чего не хватает многим сегодняшним публикациям о нашем недавнем прошлом. Пусть это будет даже мнение «палача», если чьё-то ухо это слово больше ласкает.

Служил я много и долго, застал разные времена. За двадцать лет работы на Севере мне не один раз довелось «перелопачивать» архивы магаданского управления.

На стыке «старого» и «нового» времени, старых и новых технологий, когда оперативные учёты переводились с карточного формата в электронный, компьютерный, мне, как обладавшему уже в тот период разносторонним оперативным опытом, руководство управления доверило провести оценку всей информации, хранившейся на бумажных карточках, и сделать вывод, что из неё продолжает оставаться актуальным с исторической и оперативной точки зрения и не должно быть уничтожено. Если говорить об объёме работы, то это были восемь восьмиведёрных тряпичных мешка. Надо сказать, не очень

много за пятидесятилетнюю, на тот момент, историю управления.

И вот, в течение довольно длительного периода, я доставал из мешков одну за другой карточки, прочитывал и раскладывал в три стопки – оперативная ценность, историческая ценность, уничтожение вне всяких сомнений. Разумеется, кроме опыта, руководствовался новыми, демократическими российскими законами и внутриведомственными нормативными актами.

Спустя десять лет, я озабочился написанием кандидатской диссертации, чтобы сохранить для последующих поколений тот опыт, который приобрёл за годы службы. В том числе – ошибок. В научных целях мне пришлось вновь провести анализ наработанного за прошедшие десятилетия магаданским управлением госбезопасности. Точнее – тем самым пятым направлением. Уже не по карточкам, а по делам.

Кроме того, учитывая мой должностной статус и, соответственно, опыт, я постоянно включался в различные экспертные комиссии по решению судьбы документов управления. Кстати, наибо-

лее частые решения подобных комиссий, отнюдь, не уничтожение, а продление сроков хранения материалов.

В ходе такого знакомства с большим массивом оперативной информации управления, мне ни разу не удалось встретить какое-либо упоминание об Олеге Михайловиче Куваеве. Это один из моих любимых писателей – после его рассказа «Берег принцессы Люськи», опубликованного в журнале «Юность», я хронически заболел Севером, – поэтому обратил бы внимание на любые сведения о нём.

То есть данных, свидетельствующих о том, что О.М. Куваев был «под колпаком», мною не обнаружено.

Чтобы укрепиться в своём выводе, я задал интересующий всех вопрос двум экспертам, которые по должности больше, чем я, работали и работают с архивами. Причём один является преемником другого, что позволяет оценивать информацию во временной ретроспективе. Оба эксперта подтвердили моё заключение.

Однако все трое, хорошо зная биографию О.М. Куваева (по публикациям), сошлись во мнении, что информация о нём могла быть в органах КГБ, но иного, положительного свойства, соответствующая главе IV нынешнего, демократического, от 1995-го года, Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Для заблуждающихся поясню, что эта глава регламентирует оказание гражданами конфиденциального содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Напомню, что О.М. Куваев по профессии и роду занятий был геофизиком. А эта отрасль всегда имела и имеет прикладное значение – военное, космическое. Поэтому наверняка ему оформлялся допуск к секретам с соответствующей подпиской о неразглашении. Данное обстоятельство, с учётом устремлений иностранных разведок к сфере его основной деятельности, международной обстановки в то время, а также личностных характеристик О.М.

Куваева – большого круга общения и притягательности личности – могло способствовать оказанию им конфиденциального содействия органам безопасности. Что, конечно же, никак не должно его компрометировать. А негативная (по тем критериям) информация о нём, если таковая была, приобщалась к материалам, доступ к которым особо ограничен в соответствии с требованиями нормативных актов всех без исключения мировых спецслужб. И именно к такому блоку данных устремлены разведки противников России, подогревая настроения недалёких представителей нашей оппозиции на раскрытие архивов органов безопасности.

А чтобы охладить пыл страждущих, имея представление о содержании этих архивов, хочу сказать, что в них желаемые скорее найдут информацию, разоблачающую мифы о нашем недавнем прошлом, чем дополнительные данные, компрометирующие историю нашей страны.

Касаясь отношения к творчеству О.М. Куваева в среде сотрудников органов безопасности, хочу привести один показательный пример.

Прибыл в магаданское управление для продолжения дальнейшей службы офицер Т. из города Владимир. Как и многие его коллеги из числа прибывающих он начал активно интересоваться местной литературой. Естественно, был покорён творчеством О.М. Куваева, часто его цитировал. Очень ему понравилось слово «территория», и он стал употреблять его в оперативных документах. Руководство поначалу пыталось обратить на это внимание сотрудника как на ошибку. Но потом как-то привыкло. Так и используется это слово в оперативных документах наравне с официальными терминами «область», «регион».

Пётр ЦЫБУЛЬКИН

г. МАГАДАН

Михаил СВЕРЛОВ

В ОСАДЕ

Справка:

Остров Врангеля – чукотское название Умкилир – «остров белых медведей» – российский остров в Северном Ледовитом океане между Восточно-Сибирским и Чукотским морями. Назван в честь российского мореплавателя и государственного деятеля XIX века Фердинанда Петровича Врангеля.

Остров находится на стыке Западного и Восточного полушарий и разделяется 180-м меридианом на две почти равные части. Отделён от материка (северное побережье Чукотки) проливом Лонга, шириной в самой узкой части около 140 км. Входит в состав одноимённого заповедника. Является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО с 2004 года.

В ноябре 1983 года мне довелось побывать на острове Врангель. Не знаю как у кого, но мне, родившемуся на Чукотке и объездившему её всю – от посёлка Уэлен до посёлка Марково, и от Бухты Угольной до посёлка мыс Шмидта, было обидно не побывать на этом легендарном острове. И вот удача. Бюро магаданского обкома комсомола, членом которого я был, учитывая мой опыт комсомольской работы на Чукотке, поручило мне кураторство проведения отчётно-выборных комсомольских собраний и конференций в Чукотском автоном-

ном округе. В одну из командировок, в Чукотском окружном комсомоле, мне предложили слетать на комсомольское собрание в посёлок Ушаковский, который находился на острове Врангель. «Вот это повезло, так повезло!» – подумал я и тут же согласился. Вместе с инструктором окружкома Александром Назаровым (будущим «Начальником Чукотки») мы вылетели из Анадыря в Шмидтовский район.

Я давно заметил, что если мне начинало везти в чём-то, то это везение распространялось на всё моё начинание. Так и здесь. Мы прилетели в районный центр – посёлок мыс Шмидта, поучаствовали в нескольких отчётно-выборных собраниях организаций районного центра и села Рыркайпий, и на третий день

нашего пребывания в районе нам сообщили, что утром планируется рейс грузового АН-2 на Врангель. «Были сборы не долги...» – как пелось в некогда популярной революционной песне, и мы с Александром благополучно загрузились в самолёт. Час с небольшим полёта, и мы приземляемся на взлётно-посадочной полосе посёлка Ушаковский. Нас встречает секретарь объединённой поселковой комсомольской организации Сергей Иватин, и мы пешочком направляемся в посёлок.

– Жить будете в балке Володи Сорокина – это наш геофизик, – сообщил нам Сергей. – На Шмидте в больнице ему вырезали грыжу, и вот теперь он там кантуется.

– И давно он там? – заинтересованно спросил Назаров.

– А что?

– Да так, ничего. Просто мы с ним хорошо знакомы по работе в Анадыре. Если бы знал, то сходил бы к нему в больницу.

– Это поправимо, – Сергей улыбнулся. – На обратном пути райцентр не проскочите.

– Так, с ним ясно. Но, насколько я помню, у него была жена.

– Почему была? Есть! Только она ещё летом улетела на материк рожать.

– Ну и как успехи?

– Прекрасно! Подарила Володьке сына. А он, то ли от радости, то ли от дури, начал таскать на себе генгруз, который пришёл для их экспедиции. Ну и надорвался.

Так за разговорами мы проскочили весь посёлок, и подошли к бараку, стоящему немного на отшибе. Невдалеке чернела огромная куча поселковой помойки.

– Сейчас зима, снег, она не пахнет и вам не помешает, – заметив мой взгляд, сказал Иватин. – Только вы в темноте старайтесь не ходить. Тут могут на этой помойке «пастись» белые медведи. Раньше их Володька гонял, а теперь некому.

– Ты сейчас о какой темноте говоришь? Мы здесь неделю сидеть не намерены, –отреагировал я на его слова.

– Как какой темноте? Собрание только послезавтра, в субботу, а там кто его знает, с погодой. Может закритить так, что и месяц

здесь просидите. Это я так, к слову, – решил смягчить обстановку Сергей. – Прогнозисты говорят, что ближайшая неделя будет устойчиво хорошей. Но, у них свои прогнозы, а у природы свои привычки. Так что заходите, – закончил он свой пугающий экскурс в наше недалёкое будущее, отпирая замок на дверях балка.

Балок был занесён с двух сторон снегом по самую крышу. На помойку смотрели два маленьких окошка сантиметров по сорок на пятьдесят в ширину и высоту. Как потом выяснилось, это были окна из кухни и комнаты. Причём комнатное окно было с маленькой форточкой.

В жильё на Чукотке наружные двери всегда открываются внутрь жилья, то есть, в холодный тамбур. Это на случай, если жильё занесёт снегом. Такую дверь всегда можно открыть и откопаться. Так было и в нашем балке. Пройдя тамбур с угольником, мы оказались на небольшой кухне. Дальше за ней была комната, выполняющая функцию зала, а уже из неё можно было пройти в спальню. Это была маленькая комнатка, в которой разместилась приличного размера самодельная кровать и тумбочка. На тумбочке стояла настольная лампа. В большой комнате стоял диван, стол с тремя стульями, стеллаж с книгами. В углу приютилась тумбочка, на которой красовался радио-

комбайн. Это три в одном: радио, магнитофон и проигрыватель.

– Ну вот, – Сергей включил свет. – Свет есть, – он открыл висевший над столом шкаф, – посуда есть, на плите чайник, в угольнике дрова на растопку и уголь. Его придётся покайлать – замёрз. Там же бочка с водой. Я заметил, что она полная. Только сверху лёд. Прорубите топором и доберётесь до воды. А если что, то за домом чистый снег. Растопите его в ведре, – и он кивнул на ведро, стоящее на скамеечке возле двери.

– Где магазин-то? – спросил его Александр.

– Да мы сейчас с вами сидим в столовку, пообедаем. Вечером, там же и поужинаете. Рядом со столовой магазин. Тут всё рядом. Да и мы теперь, как я понимаю, до собрания всегда будем вместе, – он улыбнулся. – А пока давайте растопим печь. Она тут без вас всё нагреет и вечером будет приятнее зайти в тёплый дом.

Разделив обязанности, мы накололи уголь и дрова, пробили лунку во льду бочки, разожгли печь, согрели на ней чайник с водой и попили чайку, используя Володины запасы. После этого мы были готовы идти обедать. Печь очень быстро набрала силу и от неё пошло благословенное тепло. Подкинув в топку угля и немного прикрыв задвижку трубы, Сергей сказал: «Ну вот, теперь она будет гореть часа четыре».

Мы сходили в столовую, пообедали, затем занялись документацией к собранию. Дальше по плану поужинали и, выходя из столовой, убедились, что вокруг стоит ночь. Отдельно горящие в посёлке лампочки не портили впечатления от кромешной тьмы.

– И как тут не ходить по улице в тёмное время суток? – не без сарказма спросил я нашего сопровождающего.

– Так я говорил про помойку, – улыбаясь, ответил Сергей.

– А на кой чёрт она нам сдалась, да ещё ночью? – не без возмущения встрял в раз-

говор Александр. – Нам что делать нечего. Да и что бы туда что-то выбросить, надо это что-то накопить. Так?

– В общем-то, так, – ответил Сергей. – Это я вас на всякий случай предупредил, – и он засмеялся. А теперь я вас покидаю, так как мне заступать в ночную смену. Пока! До утра.

– А ты утром-то будешь в норме?

– А как же! Начальство приехало – умри, но выгляди браво! Не волнуйтесь. Мы парно дежуриим. Так что и ночью отдохну. Ну, до утра. – Он пожал нам руки и скрылся в темноте.

Вечер и ночь прошли нормально. В балке было даже жарко. Радиоприёмник ловил прилично, даже «Голос Америки», хоть его и пытались глушить. Я разместился на диване, а Александр в спальне.

Утром, умывшись ледяной водой и позавтракав купленными с вечера припасами, мы направились в комнату комитета комсомола. Сергей был уже там. День пролетел незаметно. Вечером, вернувшись в балок, мы заметили рядом с ним следы медвежьих лап.

– Ты смотри-ка, свежий – присев перед ними на корточки и потрогав его рукой, сказал Александр.

– Откуда знаешь? – с издёвкой спросил я.

– Так снег в следе не замёрз, – не чувствуя подвоха ответил Назаров.

– А, понятно, – протянул я. – А то вчера здесь было полно старых следов.

– Да пошёл ты к чёрту! – поняв, наконец, что я его разыгрываю, сказал Александр и вошёл в дом.

Ночь прошла спокойно, только мне показалось, что по крыше балка кто-то ходил. Александр ничего не слышал. «Значит, мне показалось», – подумал я.

Комсомольское собрание прошло на редкость активно. Было много предложений по улучшению работы комсомольской организации.

Досталось критики и Сергею, и руководителям организации, расположенным в посёлке. После собрания к «гостям» подошёл начальник Гидрометцентра.

– Вы здесь долго планируете оставаться? – спросил он.

– А что? – вопросом на вопрос ответил Александр.

– Да ничего. Просто с завтрашнего дня погода будет сильно портиться.

– И что, можем не улететь? – Назаров уже более внимательно смотрел на него.

– Так я о том и говорю. Обещали завтра вертолёт поутру. Если хотите, то я договорюсь, чтобы вас взяли.

– Вот за это спасибо! – Александр разубылбался. И

голова болеть не будет от мыслей, как улететь. Спасибо!

– ещё раз поблагодарил он.

– Рано благодарить. Вот улетите... А то не дай бог погода испортится. – Он пожал нам руки и ушёл.

После совместного комсомольского ужина мы в хорошем настроении направились в наш балок.

– Я завтра часикам к девяти подскочу к вам, – на прощанье сказал вновь переизбранный секретарь комсомольской организации Сергей. – Вертолёт будет не раньше одиннадцати. Так что отдыхайте.

– Спасибо, – ответили мы хором.

В балке было тепло. Из включённого радиоприёмника лилась прекрасная музыка Глена Миллера. Старшему

поколению она известная по кинофильму «Серенада солнечной долины». Мы, обсудив прошедшее комсомольское собрание, и в предвкушении завтрашнего перелёта в страну «цивилизация», завалились спать.

Я проснулся часов в пять утра. Проснулся от того, что ясно услышал шаги и какие-то удары по крыше.

– Александр! – позвал я Назарова. Тот сладко дрых и громко храпел.

– Сашка! – громче позвал я. Храп прекратился.

– Ну чего тебе не спится в такую рань? – послышалось из спальни.

– Опять кто-то гуляет по нашей крыше, – сказал я.

– Чего выдумываешь-то? Вот послал мне чёрт такого беспокойного напарника, – проговорил он, зевая.

И тут мы услышали, да нет, больше почувствовали, удар по крыше, от которого ходуном заходил весь балок. Сашка в трусах выскочил ко мне в комнату.

– Это белый медведь пытается до нас добраться, – встревоженным голосом сказал он. – Мишка так на нерпу охотится на льду. Слышит, где она проплывает подо льдом и со всей силы двумя лапами бьёт по льду, проваливает его и цепляет оглушённую добычу. Я видел.

– Иногда проваливается так, что только задница торчит из пролома.

Сверху послышался второй удар.

– Слушай! Он так и крышу нам проломит, – встревоженно сказал Александр. – Надо его как-то оттуда согнать.

– Ага! Выйти и сказать: «Кишь отсюда!» – и он сразу же убежит, – решил пошутить Михаил.

– Нет, мы сейчас печку пошурудим. Там из трубы полетят искры и пойдёт дым, и, может быть, это его испугает.

Сказано – сделано. Пока Сашка шуровал печь, я оделся и предложил то же сделать напарнику.

Тихо! – сказал Александр, выйдя одетым из спальни, и поднял руку. На крыше послышались шаги.

– Так, теперь он начнёт искать другие пути проникновения к нам в «гости». Быстренько в тамбур. Надо подпереть двери.

Мы выскочили в тамбур, не замечая крепкого холода. Там на всякий случай в углу стоял толстый брус и лежало несколько длинных шкворней, отрубленных от строительной арматуры. Подперев дверь, мы вернулись на кухню. Я пошёл в комнату выключить радиоприёмник, работающий тихонечко всю ночь. Войдя туда, первое, что я увидел – грязную морду белого медведя, смотрящую на меня в оконце.

– Санька!!! – заорал я, – он в окно сюда лезет! В комнату влетел Назаров.

– Вот сволота! Так он нам всю стенку выломает! – Он метнулся на кухню и вернулся назад с чайником. Открыв форточку, попытался плеснуть на медведя горячей водой. Это у него не очень-то и получилось. Из чайника плескать было несподручно. Но мишка пропал.

– Давай нагреем ведро воды, – предложил я. – Да там, в тамбуре, и ковшик есть. Из него, наверное, и поливать этого засранца будет ловчее.

– Отлично, – среагировал Александр, – тащи сюда. Да ведро не забудь наполнить водой и в ковшике её притащи.

Я выскочил в тамбур, расколол лёд в бочке и стал наполнять ведро. В это время что-то тяжёлое ухнуло в дверь. Она затрещала, но благодаря сделанным подпоркам, устояла. В тамбур выглянул Назаров.

– Это ты тут как слон в лавке ворочаешься. Аж на кухне всё задрожало?

– А кто же ещё, – сказал я, не прекращая наполнять ведро, – только мне помогает наш незваный гость. В дверь снова ударили. Александр схватил металлический прут и стал бить по бочке. Раздался глуховатый, но сильный звук. В паузе между ударами, послышались шаги отходящего от двери медведя.

– Ну, что у тебя с ведром?

– Да всё, полное.

– Черпай ковш и на кухню, – скомандовал Александр. На кухне мы быстро из ведра наполнили чайник и сразу же поставили его и ведро на печь с открытыми на плите отверстиями. Я несколько раз сбежал с ковшиком в тамбур и, дополнив воду в ведре, поставил на плиту и полный ковшик. Прошло минут десять. Вода в ковшике и чайнике кипела. В комнате послышался звон разбитого

стекла. Схватив ковшик, Александр бросился туда. Я последовал за ним, прихватив кипящий чайник и кочергу. В выдавленное окошко попытался влезть медведь, но пролезла в него только часть морды. С каким-то воплем Назаров метко плеснул в неё горячей водой. Медведь дёрнулся назад, но сразу морду вытащить не смог. Вероятно, его остановила боль от оставшихся в раме стёкол. Я быстро подскочил к окошку и плеснул на всё ещё торчащую часть морды кипятком из чайника, а затем, с левой руки, ударил по носу медведя кочергой. Он как-то хрюкнул и выдернул свою голову из «капкана». После этого, он страшно заревел и ударил в стенку всем своим телом. В это время из кухни прибежал Назаров снова с полным ковшиком горячей воды и, высунув руку в выломанное окно, ошпарил уже всю голову зверя. Тот отскочил от балка, и стал ходить перед окном. Туда-сюда, туда-сюда. Мы поняли, что нам предстоит выдержать долгую осаду. На часах было шесть утра и надеяться, что кто-то из поселковых увидит звериный штурм нашего балка, было нереальным.

Я, во время «перегруппировки» сил «противника», долил воды в ведро, чайник,

не забывая про ковшик, принёс из тамбура топор и засунул кочергу в топку. Мы заткнули подушкой разбитое окно и приготовились к отражению очередной атаки. Медведь, походив минут пятнадцать – двадцать туда-сюда, приблизился к кухонному окну. При свете из окошка, мы разглядели, что медведь был весь грязный, шерсть на нём висела клоками. Вероятно, он подкармливался на поселковой помойке. Но, то ли ему это надоело, то ли от того, что он почувствовал запах свежего материковского, высокообразованного мяса, он решил разнообразить своё меню свежатиной. Быть в роли свежатины нам не очень-то и нравилось, хотя... – войти в положение голодного зверя было бы и можно. Но так хотелось вернуться назад, в цивилизованный мир целыми и невредимыми, что мы решили проигнорировать кулинарные пристрастия нашего «гостя».

Медведь, увидев нас в окне, рванул к нему и вновь боком навалился на стенку. В кухонном окне форточки не было и пришлось уже нам его разбивать и через разбитое окошко облить медведя кипятком. Я попытался достать его раскалённой кочергой, но не дотянулся. Однако горячий душ отогнал охотника на людей.

Паузы сменялись активностью нападавшего и не менее активной защитой. Только воды в бочке оставалось всё меньше и меньше, а настойчивости у медведя всё больше и больше. Он неоднократно возвращался к двери, пытаясь выдавить её. Влазил на крышу и колотил по ней обеими лапами так, что мы всерьёз стали опасаться за её сохранность. Правда, и мне удалось подпалить ему шерсть своей раскалённой кочергой. Но это разозлило его ещё больше.

Где-то в районе восьми часов утра мы услышали выстрелы.

– Ты глянь, – как бы удивлённо сказал Назаров, – вроде бы и подкрепление идёт. – И мы нервно засмея-

лись. Выстрелы приближались, и, вынув подушку из кухонного окна, мы увидели, что к нам бегут несколько человек с ружьями. Медведь нехотя пошёл в сторону сопки, но услышав очередные выстрелы, ускорился и потом перешёл на бег. Позавтракать ему так и не удалось. В дверь затарабанили.

– Кто там? – почему-то икнув, спросил Александр.

– Мужики! Вы там живы? – послышалось из-за двери.

– Давайте, хлопцы, открывайте! Мы попытались убрать брус, но не тут-то было. Он одним концом проломил пол и упёрся в половую лагу изрядно, как потом выяснилось, прогнув её. Другой конец пробил доски на внутренней части двери и если бы она, дверь, была бы сделана однослойной, а не трёхслойной и не укреплена перекладинами как снаружи, так и внутри, то завтрак медведю был бы обеспечен. Металлические подпорки из арматуры тоже были погнуты, но их мы смогли вынуть. Чтобы освободить дверь от бруса, пришлось брать топор и перерубить его. Спасшие нас работники метеостанции, а именно они увидели атаки медведя на балок, вошли внутрь. Их взгляду представилась ключом бившая вода из стоящего на плите ведра, засунутая в топку кочерга, разбитые окна и два всклоченных, возбуждённых человека, один из которых непрерывно икал, а второй, пытаясь рассказать, что тут происходило, страшно заикался.

Открыв шкафчик, один из спасателей обнаружил там бутылку водки, которую мы хотели, в знак благодарности за приют, оставить хозяину. Бутылку открыли. Львиная доля её содержимого была отдана нам, остальное разделили спасатели. Закуска имела в достаточном количестве. Через несколько минут всех «отпустило». Начались шутки, подначки. Кто-то сбегал домой за «добавкой» и закуской. Так в шутках, рассказах об анекдо-

тичных историях, случавшихся с присутствующими, мы забыли о том, что надо готовиться к вылету. А на улице, между тем, начало поддувать.

Раскрылась дверь и в кухню вошёл Сергей. Его удивлению не было предела.

– И что тут происходит?

– Привет, Серёга! – откликнулся один из спасателей. – Присаживайся.

– Ты не поднимай волну, секретарь, – вступил в разговор другой. – Тут ребят атаковал мишка. Они от него часа два с половиной отбивались вручную. Хорошо, что Васёк увидел это. А то могли и не досчитаться двух твоих комсомольских руководителей.

– Ну, я бы остался живой, – неожиданно сказал Назаров. – Медведь бы первым начал жевать Михаила – он жирнее. – Все засмеялись.

– Так, давайте собираться, – смеясь, сказал Сергей. – Вертолёт через час будет здесь.

Мы быстро собрали наши пожитки и, уже выходя из балка, остановились.

– Серёга! – спросил я, – а как же с балком? Вон как медведь его разворотил.

– Это дело поправимое, ответил Сергей. – Мы тут проведём субботник и всё поправим. А там смотришь, и новый балочек Володя получит, но уже в посёлке.

Уже в вертолёте, я пожалел, что не дотронулся рукой до носа медведя. Он, наверно, мягкий и шершавый. Да и много ли найдётся людей трогавших белого медведя за нос в природных условиях. А на острове после нашего вылета не было погоды полтора месяца.

На протяжении многих лет, когда мы, хоть и не так часто встречались с Назаровым, я сразу же начинал икать, а он, здороваясь со мной, сильно заикался. Присутствующие при этом с непониманием смотрели на нас, смеющихся.

г. РОССОШЬ

Николай ЧЕРКАШИН

ТДС и РЗМ

*Север. Воля. Земля без границ.
Снег без грязи, как долгая жизнь без
вранья.*

*Вороньё нам не выключит глаз из
глазниц,*

*Потому что не водится здесь воронья...
Владимир Высоцкий*

Вопреки жанру сразу же раскрою значение этих аббревиатур: ТДС – труднодоступная станция (в метеорологии), а РЗМ – это редкоземельные металлы (в геологии).

Но не в этом суть...

***

...По ночам мои давно застуженные лёгкие издают при выдохе слабые мяукающие звуки. Будто котёнок забрался под свитер.

Эмфизема? Может быть... К чёрту все эти заполярные вахты. Клянусь себе и всем небесным силам – это моя последняя зимовка! Только бы вернуться в Москву!

Есть ли ещё более изощрённая пытка, чем видеть и слышать ненавистного начальника ежедневно, ежечасно на протяжении целого года, да ещё и по ночам слушать его противный булькающий храп?!

Ладно, храп. Но как он пресмыкается перед начальством! Как чёрств он с нами, как мелочен в быту...

О, каким же ничтожеством доверяют быть начальниками! Иногда мне хочется достать свой ПМ и пристрелить его. Как начальнику радиостанции, мне положен табельный пистолет. Но, святой Боже, зачем таким неврастеникам, как я, выдают оружие?! Воистину, не введи нас во искушение!

У начальника, – его, кстати, зовут Радий Родионович Ушанов, по нашему Ушан, – тоже есть пистолет. Он тоже начальник станции – ТДС, начальник над всеми нами. Зачем ему пистолет? А вдруг бунт или захват станции местными племенами нганасан и ненцев – ха-ха!

Нет, его так просто не прибить. Проще вызвать на дуэль, тем более,

что я неплохо стреляю. В минуты особых душевных терзаний я в деталях представляю наш поединок!

Вся арктическая истерия, которая накопилась за девять месяцев совместного прозябания под одной крышей, так и подзуживает меня хлопнуть однажды кулаком по столу и гаркнуть «Баста!»...

А впрочем, ну его на фиг! Ещё сидеть потом придётся...

Есть у нас и третий сотоварищ нашей затянувшейся вахты – повар-кок, он же снабженец, он же хрен знает кто ещё, возможно, стукач, сорокапятiletний дядя Григорий Григорьевич Протасов, или попросту Григ. Тоже тот ещё гусь! Но с ним мы худо-бедно разговариваем, если считать разговором две-три деловые фразы, обронённые в сутки: «Чё на обед?». Ответ: «Грузинское народное блюдо «жричёдали»...

Готовит Григ, может быть, и неплохо. Но за столько месяцев любая стряпня приедается. Правда, Григ иногда берёт свой карабин и отправляется на охоту. Пропадает сутками – мы с Ушаном питаемся из банок и пакетиков (каждый сам себе разводит харч), затем Григ появляется с какой-нибудь добычей – зайца подстрелит или чирка – вот и свеженина на столе появляется. Раз в полмесяца заезжает к нам абориген-нганасан Едигей, привозит на нартах пару кижучей или чавычу – в дар от своего чума нашей чумовой избы. И вот тогда точно наступает праздник – и не только живота, но и живого человеческого общения. С Едигеем просто и хорошо. Мы усаживаем его за стол и пьём все вместе – редкий случай за последние полгода – чай, о чём-то беседуем. Раньше Едигей ждал подношения «огненной воды», но потом понял, что у нас и в самом деле «сухой закон». И слава Богу!

Водки нам только не хватало, чтобы перестрелять друг друга. Нет, в Грига я стрелять не стал бы, хотя он

тоже свинья порядочная. Но на Страшном суде он сам всё расскажет: и как тайком скупает у Едигея за бесценок шкурки песцов и нерпы, и как сколачивает за зимовку изрядную прибавку к жалованью, и как с женой Едигея стрессы снимает. Ну, ладно, у местных аборигенов обычай такой – положить жену с гостем. Так Григ ещё нагло и похвастается нам, которые живут пусть и в принудительном, но всё таки в монашеском воздержании, как хорошо ему бывает иногда в полярную ночь в далёком чуме. Типичный купчик начала прошлого века! Но с Едигеем они дружат не первый год, и Григ ему даже что-то дарит из наших запасов.

Ну да ладно, шут с вами, мои дорогие сожители-сороботнички и прочие «со...» У меня есть радиорубка, в которой я провожу большую часть времени, чтобы не видеть ваших милых рож. Радиорубка – слишком сильно сказано про обычный чулан, в котором размещена рация. Но всё же в чулане есть своё окошечко, своя лавка, на которой можно не только сидеть, но даже спать, а главное – своя дверь с надписью: «Посторонним вход строго воспрещается!»

«Посторонними» у нас могут быть только двое – Григ да Едигей, но они ко мне и не суются, а вот начальнику метеостанции вход разрешён, поскольку всё же начальник. Однако и он, слава Богу, не злоупотребляет своим правом. А последние три месяца Ушан и вовсе ни разу не заглянул – бланки радиogramм оставляет мне на обеденном столе.

Радиорубка расположена в красном углу избы, в которой мы живём, то бишь в правом. Сруб из доброй лиственницы, доставленной сюда, наверное, наверное, каким-нибудь эковским караваном времён всесилья НКВД, стоит уже более полувека. В нём только одна большая гор-

ница с русской печью посередине. Впрочем, печка с лежанкой и полатами сдвинута ближе к задней стене, чтобы простору было побольше. Вдоль трёх фасадных окон (одно из них моё - в радиорубке) стоят сколоченные из досок столы для ведения бумажно-отчётного хозяйства. За печкой небольшая выгородка для помывки в жестяной ванночке. Уборная холодная - в больших сенях, где все стены отведены под поленницы.

Дрова уложены даже в самом туалете, оставляя совсем немного места на стульчаке. Но что делать - деревянный сарай сгорел три года назад, а построить новый - на то у начальства денег не хватало. На трёхэтажную дачу, разумеется, хватило, а на сарайчик для ТДС - нет. Как не хватило денежных знаков и для оплаты работы ещё двум сотрудникам. По штату нам положены ещё два человека - фельдшер, он же лаборант, и моторист. Их обязанности распределили так: моторист и якобы фельдшер (санинструктор) - это всё я, так же, как и радист, то бишь начальник радиостанции. А повар-кок Григ ещё и как бы лаборант, который должен снимать показания приборов через каждые три часа в чрезвычайных ситуациях или три раза в день (а также в ночь) в обычное время. Но и этим приходится заниматься тоже мне, особенно когда Григ пропадает на охоте (или гостит у Едигея). Иногда у Ушана совесть просыпается, и он тоже ходит на замеры, но это лишь иногда. В сложившейся ненормальной кадровой ситуации виноват именно Ушанов. Это же он согласился, отправляться на годичную вахту с двумя, а не с четырьмя сотрудниками. Более, чем уверен, что оклады, которые должны причитаться фельдшеру и мотористу, исправно выписываются и распределяются в «междусобойчике». Возможно, и Ушан долю имеет.

Так что мне за своё радионное жалованье приходится выполнять работу за две «мёртвые души». Ну, ладно, медика (не каждую неделю и не каждый месяц у нас травмы, а гигиена и витаминизация - личное дело), а вот выходить по три раза в день, помимо выходов на метеоплощадку, в дальний угол нашего подворья, где стоит будка с дизель-генератором, и запускать этот давным-давно списанный агрегат - мука мучническая. В пургу, когда не видно зги, я пробираться туда по натянутому тросу, иначе собьёшься

с пути и уйдёшь в тундру навсегда, как это случилось однажды с моим предшественником по первой зимовке. Его замёрзший труп нашли в двухсот метрах от избы, вокруг которой он ходил в белой замети по кругу. Моторист свалился с берегового обрыва, на котором стоит наш дом, у самого припая. Теперь эту кручу называют «мыс Могильный».

Есть у нас ещё одна внештатная живая душа - белая, в цвет местных медведей, кошка Морошка. Как оказалось потом - это кот, но нечаянно кастрированный одним умельцем типа Грига, который попытался состричь с него избытки сбившейся шерсти. Морошку переименовали в Мороха, но откликнулся он только на «кис-кис». Присутствие его на Станции было совершенно необходимым в виду осады избы полевыми мышами и прочими тундровыми грызунами. Как и все коты, Морох жил по своему собственному распорядку, не забывая о часах, когда мы садились за обеденный стол. В избе он облюбовал два места: на печной лежанке, когда там никого не было, или же у меня в рубке на лавке. Коты всегда знают, где лучше всего себя чувствуешь в доме.

Морох обладал удивительной способностью сокращаться так, что превращался в шар - белый пушистый шар, который взирает на мир круглыми зелёными глазами, давая понять этому миру, что он, Морох, никакого отношения к нему не имеет. Мир сам по себе, а Морох тоже сам по себе. У кота тоже были непростые отношения с каждым из нас. Ушана он не любил так же, как и мы с Григом, поэтому только ему к нашей тихой радости мокрил ботинки и тапочки. Ушан много раз грозился его расстрелять, но то ли патрона было жалко, то ли кота, который входил в опись имущества нашей Станции.

Каждое утро Морох приносил к печке добытую ночью бездыханную крысу, отчего Григ приходил в негодование, потому что именно ему надо было выбрасывать дохлого грызуна.

И только у меня не было к Мороху никаких претензий, как и у него ко мне. Он охотно делил со мной радиорубку, вперив свои зелёные глазницы в такой же зелёный глаз индикатора, который то и дело подмигивал ему в зависимости от помех.

Ну, вот, представлены, кажется, все... Нет, не все! Живёт в пяти километрах от нас монах-отшель-

ник. Он приехал откуда-то из Москвы, соорудил себе на берегу моря келью из старой поварни и поселился там два года назад. Зовут его по иноческому имени Досифей, а как в миру - неизвестно. Я один раз побывал у него проездом на нартах Едигея. Грубо сбитая из плавника избушка, крытая старыми шкурами, плитняком и дёрном, являла жилище колдуна из страшной сказки. Но рядом высился большой крест, сколоченный из того же плавника, выброшенного морем. Он заменял Досифею часовню. В полутёмной «келье» - кроме закопчённой печурки, сложенной из дикого камня и дощатых нар, ничего не было, если не считать трёх икон - Спасителя, Богородицы и Николы-чудотворца в красном углу. Ну ещё разве что помятая алюминиевая кастрюля на печурке, заменявшая отшельнику и миску, и чайник. Всё. Буйнобородый, совсем ещё не старый иннок, благословил нас в дорогу крестным знаменем, отбив земной поклон. Мы умчались на нартах к своему дому, который показался мне верхом уюта и комфорта.

- Однако шибко худой у него чум. - Рассуждал по дороге Едигей о Досифее. - Как живёт - не знаю. Зверя не бьёт, рыбу не ловит. Я ему мал-мала привожу оленины, так он её не ест. Юколу ест. Мох ест. Гриб ест. Как живёт - не знаю...

***

Иногда - редко, очень редко, обычно в густую пургу - выпадают дни душевного покоя и почти домашнего уюта. Я сижу в своей радиорубке, и слушаю через наушники музыку Свиридова или Джеймса Ласта и смотрю сквозь распахнутую дверь на печь, возле которой хлопчет над сковородой Григ в белом фартуке. Даже сквозь наушники слышу, как постреливают в топке дрова и огненные блики пляшут по потолку и стенам. Ушана не видно, он шуршит своими бумагами за рабочим столом в левом углу. Запах жареного лука предвещает нечто очень вкусное. С жареным луком вкусно всё, даже та стряпня, на которую способен наш Григ. Порывистые вздохи бурана, переходящие в вой, доносятся через двойные стёкла заиндевших окон. Тем теплее и уютнее в моей распахнутой келье. И когда Григ выдаёт своё избитое: «Ужин готов. Идите жрать, пожалуйста!», - мы без лишнего приглашения собираемся за обеденным

столом и даже заводим некий общий разговор, конечно же, о погоде. О чём ещё могут говорить метеорологи на восьмой месяц зимовки?

***

*Замшелый могильный камень.
Под ним – наяву это или во сне? –
Голос шепчет молитвы.
Басё*

Тот день начался как всегда, из бесчисленно ему подобных: Григ позвал всех на завтрак, но за стол сел я один. Ушан делал вид, что поглощён работой – он кропал свою диссертацию за счёт служебного времени. Как всегда на завтрак была гречневая размазня с рапсовым маслом, кофе, наведённый из консервной банки, и чудовищно невкусные затхлые к тому же галеты «Арктика». Григ собирался на охоту и потому наварил нам на три дня вперёд борща из тех же консервных банок. Пообещал привести свеженьины и исчез за дверь.

Я уступил место за столом Ушану – тот трапезничал всегда в гордом одиночестве – и, накинув драную казённую доху, отправился запускать дизель-генератор. Электричество подавалось только на сеансы радиосвязи – сэкономили топливо и моторесурс весьма изношенного движка – в остальное время жгли керосиновые лампы. После долгих увещеваний, заклятий, проклятий, пинков и тумачков дизель, наконец, запустился, и генератор дал ток. Затем полагалось снимать показания с приборов метеоплощадки, что я и сделал, заглянув по заведённому порядку сначала в белые «скворешники» психогигрометров, затем измерил суточные осадки, температуру почвы, засёк по флюгеру направление и силу ветра... Листок с этими данными я, молча, положил на стол Ушану. Тот, так же молча, расписался и передвинул его мне, что означало: «можно передавать в Центр». Я ушёл к себе и быстро отстучал метеосводку. Всё. Теперь у меня как минимум три законных часа на блаженство в одиночестве. Я закрываю дверь в радиорубку и, переместив Мороха на подоконник, с удовольствием вытягиваюсь на скамье, которую в наших условиях вполне можно считать тахтой.

Светает, и в окно далеко – до самых западных сопков видна занесённая снегом горная тундра. Снег и сейчас ещё летит, но не так

густо, и к полудню, наверное, перестанет. Такой здесь метеоалгоритм. Но мне не хочется думать о метеорологии. Пусть Ушан думает. Ему диссертацию надо кропать. А у меня уютно, как в персональном купе: всё своё, кроме радиоаппаратуры, и всё под рукой. Морские часы с красными секторами «минут тишины», когда все радисты вслушиваются в эфир – не подаёт ли кто сигналы «SOS» – это мои часы, это подарок Сан Саныча – моего друга, начальника радиостанции на атомном ледоколе. В простенке фотопанорама, которую я сделал с крыши своего дома в Сокольниках – вид на пожарную каланчу в окружении деревянных ещё домов. Над радиопередатчиком – в двух самодельных рамках портреты Михаила Булгакова и Павла Васильева, потрясающего поэта, «нечаянной радости русской поэзии», владевшего русским словом на уровне Пушкина. А ещё я люблю японскую поэзию – трёхстишия и двустишия Басё, Такубоку, Керай, Оницура... Бьюсь об заклад – Ушан и не слышал таких имён. А ведь это поразительно: как из двух, максимум трёх строк они создают свои микрошедевры – образ и настроение. Это какая-то нано-поэзия. Миниатюрные томики японских поэтов стоят у меня на полочке вперемешку с радиотехнической литературой. Я безошибочно снимаю книжечку Басё...

*Уродливый ворон –
И он прекрасен на первом снегу
В зимнее утро!*

Теперь для пущего удовольствия надо положить за щёку кусочек грильяжа. Грильяз хранится в потайном ящичке, где я держу свой пистолет. Захватил из Москвы пять коробок любимых конфет и каждый день по одной дольке рассасываю во время чтения любимых же книг. Но на сей раз, похоже, сеанс блаженства не состоится: в избу ввалился Едигей, весь в заснеженной малице и весьма чем-то встревоженный. Ушан отрывается от своих бумаг, я тоже вылезая из своей берлоги, мы наливаем гостю алюминиевую кружку горячего чая и ждём – с чем пожаловал. Едигей никогда сразу ничего не говорит, но по лицу видно, что хочет сказать что-то важное. Чай пьёт «дутком», то есть без сахара, отдуваясь от горячего напитка. Реденькие усы оттаяли, узенькие глазки приоткрылись настолько, насколько позволял ему азиатский эпикантус.

– Однако, беда! – Наконец-то вымолвил нганасанин. У меня ёкнуло сердце – неужели с Григом что-то случилось? Медведь на охоте задрал?

– Покойника нашёл.

– Где нашёл? Какого покойника? – засыпали мы его вопросами.

– Баба, однако. Давно лежит... Пошёл за песцом на Турунтул. А там кака-та зимовка. И рация как у вас.

Турунтул – это островок в трёх километрах от нашего берега. Его в хорошую погоду в бинокль видно. На картах он помечен, как остров Окатыш. Совсем небольшой – в полтора километра в длину и столько же в ширину, в абрисе похож на панцырь краба. Мы никогда туда не ходили – ни на лыжах, ни на моторной лодке, делать там нечего – голый камень да мхи.

На Ушана, так же, как и на меня, сообщение Едигея произвело впечатление.

– Сходи с ним, – сказал он мне. – Посмотри, что там такое. До сеанса связи ещё три часа.

Управиться за три часа?

– Управимся, – кивнул Едигей и потянулся за своей шапкой.

Я облачился по-походному, взял пистолет, фонарь, фотоаппарат и ракетницу. На случай встречи с медведями у Едигея висел за спиной охотничий винторез. Сели в нарты, Едигей поднял хорей:

– Хей, хей! – И пара оленей с заиндевелыми рогами рванули с места. Ехать вроде бы и недалеко – что такое для упряжки три километра? – но торосистый лёд мешал разгону. Так что до Окатыша мы добирались почти час. Едигей объехал островок с севера и остановил нарты против нагромождения скал, среди которых угадывалось нечто вроде грота. Грот был неплохо обустроен досками из плавника, за которыми оказался модуль из рифлёного металла с двумя круглыми оконцами-иллюминаторами, выходящими один со стороны двери на восток, другой на северную сторону. Я толкнул незапертую дверь и включил фонарь, осторожно перешагнул высокий порог. Луч выхватил из полутьмы стойку с радиоаппаратурой, рабочий столик, олений с ветвистыми рогами череп над ним, наконец, двухъярусные нары и металлическое креслице, в котором сидел мумифицированный труп женщины. Покойница была одета в альпакавый комбинезон, и причастность её к прекрасному полу

выдавали лишь длинные волосы, которые свешивались с опущенной головы на грудь, словно занавеска паранджи. Я повёл лучами и увидел между оленьих рогов портрет Гитлера. На столе лежала тетрадь в чёрной кожаной обложке, на которой были вытиснены Бранденбургские ворота Берлина. Перелистал – все записи на немецком, что-то вроде дневника метеостанции. Да, это и была немецкая метеостанция, оставшаяся на забытом людьми и Богом островке со времён второй мировой. Я сунул тетрадь за пазуху – почитаем на досуге – и повернул тумблер приёмника. Добротный «телефункен» в армейском исполнении был покрыт изрядным слоем пыли. Приёмник, разумеется, молчал. Его сухие батареи давно утратили свои последние миллиамперы.

В модуль осторожно заглянул Едигей.

– Однако, покойника хоронить надо.

– Надо, – согласился я. – Но сначала здесь должны побывать следователи. Поэтому ничего трогать не будем. Идём отсюда.

Я с облегчением покинул этот мрачный мирок, затаившийся здесь на полвека.

– А там ещё покойник! – кивнул Едигей на груды камней в сорока

шагах от грота с модулем. Ветер выдул отсюда весь снег, и хорошо было видно, что из камней и плитняка был сложен каменный короб, в котором лежали человеческий останки, отчасти растащенные местным зверьём. Но сохранились лохмотья немецкого мундира с погонями штаб-фельдфебеля. Между квадратных звёздочек тускнела эмблема с радиомолниями. Во лбу черепа зияла пулевая пробоина. Крепкие зубы сжимали смертный жетон. Любоваться на штаб-фельдфебеля было некогда – ветер усиливался, и погода явно портилась.

Обратная дорога показалась короче, а может олени, бежали по старому следу быстрее. Едигей от обеда отказался и, высадив меня, помчался домой.

Ушан с большим интересом выслушал мой рассказ и набросал текст радиোগраммы: «Прошу выслать следственную группу по факту обнаружения мёртвых тел на острове Окатыш». Я немедленно передал всё это в Центр. Как бы там ни было, но внеплановый вертолёт – всегда желанен – может, свежих продуктов с оказией подбросят, письма привезут, свежих газет?..

К вечеру вернулся Григ, и я слово в слово пересказал ему всё, что видел на Окатыше. У Грига загорелись глаза, поживу почувал:

– Оружие там есть?

– Не успел разглядеть. Темно было.

– Эх, знаешь, сколько сейчас «телефункен» стоит? На «чёрном рынке» пол-лимона отвалит. Айда, завтра на Окатыш?

– До прихода следователей там ничего нельзя трогать.

– Следователи, следователи... Что они сейчас могут вызнать – столько лет прошло. А все раритеты как вещдоки заберут, и всё это у них в сейфах сначала сгниёт, а потом выбросят. Эх, Едигей, Едигей, лучше бы ты меня туда свозил!

Я забеспокоился: Григ вполне может уговорить дружка смотаться на Окатыш. Но тут возник молчаливый до сих пор Ушан:

– Никаких больше экскурсий! Вы и так сутками от работы отлыниваете!

Григ тоже взорвался:

– Да если б я не отлынивал, вы бы тут от цинги подошли! Кто вам свеженину привозит, кто вам рыбку поставляет?!

Я вылез из-за стола и ушёл в свою рубку. А чтобы не слышать их перебранки, закрыл поплотнее дверь и надел наушники. Отыскал в эфире «Метель» Свиридова и прилёг на скамью, едва не раздавив в темноте кота.

***

Наутро в воскресенье пришло радио: «Готовьте вертолётную площадку на понедельник».

Аврал! Все безропотно вышли с лопатами на расчистку «вертолётки». Работали на совесть – любая оказия всегда в радость, нет-нет, а что-нибудь да и перепадёт. Почту-то уж непременно привезут. Почта... Единственная материальная ниточка, которая связывала нас с позаброшенной жизнью... Как сладко читать самые простые строчки. Эх, да что же это я размечтался раньше времени. А вдруг не прилетят? Погода-то не ахти. Норд-ост, судя по всему и по приборам, буран несёт. Но норд-ост нас миловал – дал окно для вертолётки. И вот мы встречаем с самого утра винтокрылую чудо-машину. Давай, родной, давай, подворачивай, здесь мы, заждались, на всякий случай костёр запалили. «Ми-6» в оранжевой арктической раскраске, поцвенькивая лопастями, садится точно посреди площадки. Ветер от винта взмывает снежный вихрь, и вот из машины выбирается... Я не верю своим глазам – из дверцы прыгает в снег Снегурочка или Белоснежка в белой приталенной дубленочке с лейтенантскими погонами. Следователь? Не может быть! Но ведь с погонами же... Первым её встречает, как и положено по статусу, начальник станции – Ушанов. Ушан тоже не ожидал подобного явления и тихо млеет. И у Грига лицо вытянулось, как у первоклассника на новогоднем празднике.

– Старший следователь лейтенант Смелова Оксана Николаевна. Прибыла по вашему вызову. – Улыбается совсем не строгий следователь с невероятно длинными ресницами, которые ловят снежинки, превращая их в капельки.

– Что тут у вас стряслось?

– Идёмте в дом, там и поговорим, – приглашает Ушан. Вслед за девицей-красой выбирают из машины пилоты. Их двое, и они волокут мешок с почтой и ящик с мандаринами. Мы с Григом бросаемся на помощь. И вот уже все рассаживаются за столом, где пышет паром слегка перекипевший чайник, где алеют на бутербродах ломти сёмги и открыта по случаю гостей банка любимого Пушкиным варенья из морошки.

– Спасибо, спасибо! – отмахиваются лётчики. – Нам бы дела побыстрее закончить. А то застрянему вас на всю неделю.

– Да мы не против! – улыбается Григ Оксане. – Оставьте хоть на две. Всех прокормим.

– Нет, нет! Меня с работы уволят, если хоть на сутки задержусь, – протестует Оксана. – Давайте сначала осмотрим место происшествия, а потому уже и чайком побалуемся.

Ушан согласно кивает:

– Вадим Михайлович вам всё покажет. Но только придётся идти на лыжах.

– Далеко?

– Километра три. Может, вы на вертолётке туда подлетите?

– Нам на лёд запрещено садиться, – качает головой командир воздушного судна жгучий брюнет с седоватыми висками. – Мы на допуск не сдали. Да и лёд у вас тут торосистый.

– Ладно, на лыжах добежим! – соглашается Оксана. – Лишняя пара найдётся?

– А то!

Григ нехотя отдаёт девушке свои лыжи. Как ему хочется самому проводить её на Окамыш! Но провожать её ему придётся долгим завистливым взглядом. Я укладываю в рюкзак термос с горячим чаем, пару бутербродов, фонарь, ракетницу, фотоаппарат.

– Карабин возьми, – проявил вдруг заботу обо мне Ушан. А впрочем, вовсе не обо мне, а о девушке. Если белый медведь нам дорогу перейдёт, с пистолетом Макарова много не настреляешь. Я беру карабин. Спрашиваю Оксану:

– У вас табельное оружие с собой?

– Да, конечно.

Конечно, пистолет Макарова. Им только смертельно раненого медведя пристреливать. В ухо. Кажется, впервые до девушки дошло, что она не просто на лыжной прогулке, а в довольно опасном районе – в Заполярье как-ни как. И белых медведей здесь больше, чем кошек на помойке.

Мы шли довольно ходко – я впереди, Оксана сзади. Со льда остров не виден, он хорошо заметен с высоты берега. Но я засёк направление по компасу, и вскоре из-за торосов возник тёмный силуэт Окамыш. Моя ведомая шла быстро, чувствовался спортивный навык. Молодец! Красавица, спортсменка, комсомолка – что там ещё? – следователь – лейтенант. Ну, да ладно, мы тоже не лыком шиты. Но всё же – красавица! Или мне это так кажется после полярного воздержания?

Посмотрим...

Ну, вот и Окамыш. Заходим по едва видимым следам едигеевских нартов. Вот и грот со своими мрачными тайнами. Я веду Оксану к двери модуля. Интересно, напугается или нет? Хотя, она, наверное, и не такое повидала... Направляю луч на мумию с распущенными волосами. Жутковатое зрелище. Но Оксана, быстро оглядев обстановку, сразу же решила:

– Это не наша тема. Тут ребята из ФСБ должны поработать – война и немцы. Сфотографируйте на всякий случай, я своим покажу.

Я сделал несколько снимков со вспышкой. Блиц высветил портрет Гитлера между оленьими рогами. Я дотянулся до картонки, на которую он был наклеен, я хотел его сорвать, но помешали рога. Я снял олений череп. Из черепа выпал матерчатый мешочек, набитый, как мне показалось, металлическими опилками.

– Ради бога, ничего здесь не трогайте! – Воскликнула Оксана. – Всё должно остаться, как было. Потом никто ничего не определит.

– Да, я хотел только фюрера убрать.

– Пусть висит. Что там в мешочке?

– Опилки какие-то...

– Положите их, где лежали. Это не золото?

– Нет. Легковато для драгметалла и серовато.

– У меня химик хороший есть, – сказала Оксана. – Покажу ему... О, а это что? Целый арсенал!

На стене рядом с нарами висели на крюках три изрядно поржавевших немецких автомата, но без рожков-магазинов. Над столом приклеено расписание вахт на три человека. Я переснял расписание. На три человека... Двое налицо, а где же третий? В модуле его явно не было. Я вышел наружу.

Полуденное арктическое светание рассеяло ночь настолько, что всё было видно, как днём, разве что бессолнечным. Я показал Оксане каменную гробницу со штаб-фельдфебелем. Снял крупно номер жетона, зажатого в зубах. Мы обошли почти весь островок, но следов третьего обитателя так и не нашли. Натыкались только на заснеженные камни. Может быть, весной проявится? Я с тревогой поглядывал на восточный склон неба – оттуда явно шёл мощный циклон. Успеет ли добежать до берега?

– А где же медведи? – по-детски наивничала девушка.

– Мы же не в зоопарк пришли...

Накличете ещё. Похоже, нам пора...

И мы двинулись в обратный путь. Оксана разругалась, льняные волосы выбивались у неё из-под форменной ушанки, она была несказанно хороша в своём ладном полубочке! От неё веяло девичьим задором, весенним озорством, томительным флёром... Мы успели отойти от острова едва ли на километр, как нас накрыл плотный снежный заряд. Накрыл почти в полном смысле этого слова – как шапкой, связанной из белых плетей позёмки. Глаза залепило снегом. Ледяные иголки били в лицо слёту. Воздух вдруг превратился в плотную упругую стену, которая напрочь преградила нам путь. От бывалых зимовщиков я слышал, что в таких случаях надо ставить палки стоймя, а самому лечь на сдвинутые лыжи. Только так можно спасти себя от пронизывающего ветра и бьющего в лицо шквала. Мы так и сделали. Оксана, напуганная столь резкой выходкой погоды, покорно выполняла мои указания. Мы легли на сдвинутые лыжи, плечом к плечу, положив головы на сведённые руки.

– И долго так надо лежать? – спросила она.

– Пока не пройдёт заряд.

– Вы всегда так делаете?

Я не знал, что ответить. Сказать, что сам впервые попал в такую завируху, значит напугать это трогательное существо.

– Всегда, как только пурга застаёт меня на льду.

Оксана больше не задавала вопросы. Мы лежали молча, вслушиваясь в вой, нет, даже в рёв ветра. Как будто над нами проносилась вражеская конница или орда снежных троллей. Мне было не по себе, но какво ей, только что вынырнувшей из городского комфорта?

– Оксана!

– А?

– Выходите за меня замуж!

– Прямо сейчас?

– Нет, когда встретимся на «большой земле».

– Для этого надо сначала на ней оказаться. А вы шутник!

– Я серьёзно вас прошу.

– Я серьёзно подумаю.

Наверное, это было самое нелепое в мире предложение руки и сердца. Наверное...

Лежать становилось холодно даже в наших альпаках, а буран всё не стихал. Надо было на что-то решаться. Лучше всего вернуться на остров и переждать непогоду в

модуле. Там хоть печурка есть... Но найти дорогу назад практически невозможно. Уже стемнело, а в темноте да в снежной слепоте нас будет водить вокруг да около, как того несчастного моториста, который не смог найти избу за сотню шагов. Правда, у меня есть компас. Остров находится на чистом норде, и если всё время держаться нулевой отметки...

Выбора не было. Я поднял Оксану, и мы пошли туда, куда показывала дрожащая в моей застывшей руке стрелка. Километр – это две тысячи шагов. Но мы шли на лыжах, значит, шаги были несколько длиннее. Если собьёмся с курса, нам хана. Мы продвигались с большим трудом, тараня воздушную стену опущенными побычи головами. Оксана шла за мной, я старался прикрывать её от ветра спиной, и при этом тщательно считал шаги. Видимо, просчитался – счёт уже пошёл далеко за две тысячи, а остров всё никак не проявлялся. Тогда я выстрелил из ракетницы. Жёлтый свет с трудом рассеял снежную завесу и я успел заметить, что Окамыш остался за нашей спиной – мы прошли мимо него. Но главное, теперь ясно, куда идти. Камень свалился с сердца, когда мы добрались до подскального грота. И только войдя в модуль, перевели дух – спасены!

Спасены от колючего снега, пронизывающего ветра, полярной темени, и возможно, от медведей, которые в эту бескормилу были не прочь полакомиться любым мясом. Мы отдышались. Кресло с мумией я отодвинул за нары и накрыл его полустлеванной медвежьей шкурой, лежавшей на полу. Конечно, я нарушал порядок вещей, необходимый для будущих следователей, но Оксана больше не протестовала. Она присела на нары и дыханием отогревала замёрзшие пальцы. Я вспомнил про термос, и через минуту девушка держала в руках крышку-стаканчик, наполненный горячим крепким сладким чаем. Жизнь, похоже, налаживалась. За чугунной печуркой обнаружилась дюжина иссохших поленьев, на растопку я пустил картонку с Гитлером, и вскоре, в печурке загудел огонь. Сколько лет простояла она в омертвлении, но не дымилась и не потеряла тягу.

Эх, моя радиорубка из этой берлоги казалась самым уютным местом на земле: лавка под окном, на лавке кот Морох, привычные шкалы радиоаппаратуры, любимые книги на

полке... Лежи, читай, слушай кошачье мурлыканье, да ещё можно чай попивать с долькой грильяжа...

– Сколько мы тут просидим? – невесело спросила Оксана.

– Надеюсь, к утру буран утихнет.

– Нас будут искать...

– В такую пургу не будут. Бесплезно. Были бы аэросани, имело бы смысл.

– Никогда не думала, что попаду в такой переплёт.

– Ничего. Бывает и хуже. Завтра будем есть блины на Станции. Григ классно печёт блинчики. А с сёмгой – это просто объедение!

Оксана усмехнулась:

– Утешаете меня? Я покойников не боюсь. Боюсь только одного: с работы за опоздание уволят.

– Не уволят. Форс-мажорные обстоятельства. Мы напишем вам метеосправку.

Я подбросил дровишек. Блики пламени заплясали по рифлёному потолку и стенкам модуля.

– Как вы думаете, что у них тут произошло? – спросила Оксана.

– Первое, что приходит в голову – «кшерше ля фам». Не поделили единственную женщину, один убил соперника и скрылся. А она умерла от горя и голода.

– Сюжет для романа... Почему же их не забрали соотечественники? Высадить высадили, а забрать не забрали. Или просто не успели?

– Ну, скорее всего так... Конец войны, корабли не смогли пробиться, и они навсегда остались на этом острове.

– Вполне возможно. Но это как прелюдия к моему роману.

– Куда делся третий? Что с ним стало? Ушёл на материк? Пытался уйти, но сожрали медведи...

– Вряд ли он смог уйти с острова летом, когда льдов вокруг не было.

– Почему вы считаете, что конфликт произошёл летом?

– Барышня слишком легко одета. Не по-зимнему.

Пурга за бортом модуля бесновалась, визжала и даже стонала. Вдруг в стекле иллюминатора мелькнуло чьё-то лицо, и кто-то попытался распахнуть запертую дверь. Я схватился за карабин. Оксана расстегнула кобуру. Но порог переступил не призрак штабфельдфебеля, и не злодей, а вездесущий Едигей, который приехал за нами, каким-то чудом пробившись сквозь белые вихри.

– Однако, олешики дорогу знают. – отвечал на все мои восторженные

похвалы в его адрес. Мы разместились на нартах, я обнял Оксану под благовидным предлогом, чтобы она не свалилась с узких саней, и Едигей поднял свой хорей:

– Хэй, хэй!

И мир растворился в белой круговерти.

На станции нас встретили упрёками. Как меня ни бранили (за что – я так и не понял?), но всё же оба моих сотоварища были рады, что мы не замёрзли на льду. Нас накормили рагу с зайчиной. И мы стали укладываться на ночлег. Пилоты, как почётные гости, улеглись на печной лежанке. Оксане я постелил в радиорубке, а сам перебрался на полати слушать булькающие переливы Ушанского храпа. Григ тоже издавал такие рулады, что заслушаешься. И, тем не менее, мне было радостно, что в моей келье расположилось прекрасное пышноволосое существо по имени Оксана. Как будто она именно ко мне в гости приехала. Красивая, умная, смелая, озорная, весёлая... И с необыкновенно загнутыми ресницами. Бывают же такие.

***

Полутру непогода улеглась. Ветер и видимость – на грани фола. Суточный прогноз не обещал ничего хорошего, но пилоты решили лететь, никому не хотелось застрять на станции.

Григ и в самом деле приготовил на завтрак свои фирменные блинчики с сёмгой и весьма настырно потчевал ими гостью. Ему очень хотелось, чтобы она обратила на него особое внимание. Ушан тоже всячески фанфаронничал, хвастал своими научными трудами... Но Оксана была приветлива равно со всеми, не выделяя даже меня, человека, с которым она пережила опасное приключение и который сделал ей самое нелепое в мире предложение руки и сердца. Ну, и пусть. Всё равно через час улетит, и наша жизнь вернётся на унылые круги своя. Мы пошли провожать вертолёт. Григ подарил Оксане шкурку белого песца на воротник. А я о подарке не подумал, и клял себя почём зря. А она его поцеловала... Я расстроился и даже телефон не стал просить.

Мы стояли на краю взлётной площадки и махали шапками Белоснежке, которая одним своим присутствием осчастливила всех

трёх гномов, не считая кота. Воистину, «прилетит вдруг волшебник в голубом вертолёте...» Это про нас. Про наши ожидания... Вертолёт сделал контрольное зависание, отчего нас с головы до ног обдало взвихрённым винтами снегом. Затем машина пошла на взлёт, ушла вправо, набрала метров десять и вдруг рухнула на камни, завалившись на бок. Оцепенев на секунду, мы бросились к упавшему вертолёту. Дверца была сверху и открыть её удалось сразу. Оксана лежала между кресел и, быстра дыша, пыталась сделать полноценный вздох.

– Спи-и-на... – простонала она. Мы с Григом осторожно вынесли девушку на площадку и положили на наст – так ей было легче. Судя по всему, у неё был повреждён позвоночник, и потому надо было нести её на чём-то твёрдом. Носилок у нас не было. Я побежал за лыжами. Тем временем Ушан и Григ вытащили пилотов. У командира корабля был открытый перелом ноги. Второй пилот лежал без сознания. Соорудив из лыж носилки, мы перенесли пострадавших в избу. Оксану уложили на скамью в радиорубке, благо ей сейчас было крайне необходимо жёсткое ложе, командиру корабля я вправил сломанную кость, наложил шину из обломков старых лыж, забинтовал голень. Пилот пришёл в себя, но встать не мог из-за сильного головокружения. Сотрясение мозга?

– Радио! Срочно отправляй радио! – торопил меня Ушан. Он уже набросал на бланке текст: «Вертолёт потерпел аварию. Есть пострадавшие. Необходима врачебная помощь».

Телеграмму я отослал, и только после этого перевёл дух. Все были слишком подавлены катастрофой, чтобы о чём-то говорить. Оксана лежала на спине, укрытая полушубками смотрела в потолок.

– Очень больно?

– Когда не двигаешься, терпимо.

– Что бы тебе хотелось?

– Какао. Как в детском саду.

Какао у нас не было. Но Григ, заслывав о желании Оксаны, тут же засуетился, и извлёк из потайных своих шхер коробочку «Золотого ярлыка». Он сварил какао и сам отнёс Оксане кружку с дымящимся густым напитком. Однако с ложечки поил девушку я, как и.о. фельдшера. Оксане было невыносимо больно даже слегка приподниматься. В уголках её больших голубых глаз стояли

слёзы затаённой боли. Но в целом она хорошо держалась.

Ночь прошла тягостно. Трудно уснуть, когда твоя спальня наполнена болью, страданиями других людей. Нас было трое, и страждущих тоже трое. Я ворочался на полатах, рядом Григ также мучился бессонницей, и только Ушан, как всегда, залиvisto храпел и булькал.

Утро началось с обычных дел. Первым делом навестил Оксану. Она почти тоже не спала. Думала о своём невесёлом будущем: получит инвалидность, уволят со службы, станет колясочницей... Я запретил ей рассуждать на эти темы:

– Чтобы всё срослось как надо, нужно думать только о хорошем, и радоваться тому, что ты осталась живой. Сейчас бы твой труп лежал в сенах, а домашние бы рыдали, получив похоронку. Это было бы лучше?

– Нет.

– Значит, радуйся тому, что твоя ситуация лучше. Да, она намного хуже, чем было до сих пор. Но, во-первых, тебе уже выпал лучший жребий. Во-вторых, всё поправимо. Тебя никто ещё не усадил в коляску навечно...

– Но я не могу даже привстать, чтобы...

– Это тоже всё поправимо.

Я отыскал в подпечье старую алюминиевую сковородку с высоким бортом и принёс Оксане, подсунил под неё. Она запротестовала:

– Я так не могу... Мне стыдно.

– Я отвернусь.

– Нет, выйди совсем.

Я подложил ей под поясницу подушку и прикрыл за собой дверь... С пилотами было проще, но командир корабля пребывал в глубокой тоске, и вовсе не от боли. На нём лежала вина за аварию. Командир отвечает за всё, и, конечно же, за пострадавших подчинённых и пассажиров.

– Отлетался! – тяжело вздыхал он, когда я перевязывал ему ногу. Конечно, вряд ли его с таким переломом допустят к полётам, но ведь впереди ещё и скрупулёзное разбирательство неудачного взлёта. А уж это у нас умеют делать со всем сладострастием.

Наша станция превратилась в лазарет, а я вынужден был играть роль главного врача. Сэкономили наши начальники на штатном фельдшере, а мне теперь изображать медработника. В нашей тощей аптечке я едва отыскал анальгин, которым потчевал и Оксану и верто-

лётчика. Никаких других обезболивающих не было.

Едигей, несмотря на буран, привёз нам пару больших замороженных горбуш и сделал превосходную строганину. Мои пациенты слегка оживились. Едигей для них в своих заснеженных мехах и шкурах явился как местный Дед Мороз. Да ещё с подарками. Едигей же принёс и точный прогноз погоды:

– Исё два дня пуржить будит. В тундра, однако, не ходи, на лёд не ходи. – Наставлял он Грига. Поразительно, но все погодные предсказания Едигея почти всегда сбывались. Он один стоил всей нашей Станции. Барометр падал, анероидная стрелка уходила за 720 миллиметров ртутного столбика. К вечеру буран достиг такой силы, что и бывалый тундровик не рискнул ехать в своё стойбище – остался на ночлег у нас. Как Едигей сказал, так и вышло. Только к среде давление стало расти, ветер слабеть, а снегопад и вовсе сошёл на нет. Я получил радиораспоряжение гонить площадку для приёма санитарного борта. Снег разгреба-ли вчетвером – Едигей помогал. К полуденному светанию порывы ветра ослабели настолько, что растяжки антенны перестали подвигать. А вскоре с южного небосклона стала приближаться чёрная точка. Гортанный рокот большого вертолёта накрывал наше белое пространство.

Из осанистого Ми-8 выбрались на снег попарно – два врача, два спеца из Авианадзора, и два молодца-крепыша, одинаковых с лица и в одинаковых тёмно-синих куртках на меху с литерами «ФСБ» на спинах. Не теряя времени на пустопорожние разговоры врачи отправились к пострадавшим, авиаспецы занялись аварийным вертолётom, а добры молодцы с лёгкой руки Ушана занялись мною.

– Георгий Первый, – представил-ся старший.

– Георгий Второй, или взрывотехник. Это, чтобы вам нас не путать, – усмехнулся напарник.

– Ну, показывайте, где у вас тут немцы обосновались.

Надев лыжи, мы двинулись по хорошо знакомому мне маршруту. У самого Окатыша нас нагнал Едигей на своих олешках.

Рассвело, снегопад иссяк, погодка установилась такая, будто её и впрямь заказали на Лубянке. Следователи деловито и споро осмо-

трели модуль, извлекли на дневной свет женскую мумию, отчего она показалась ещё страшней, чем в полутьме.

– Следов насильственной смерти на теле нет, – заключил Георгий Первый после осмотра трупа. Он извлёк из кармана куртки пустую упаковку из-под снотворных таблеток.

– Подозреваю фармацевтический суицид. Похоже, нервы у фрау не выдержали.

Уложив покойницу на кусок брезента, офицеры ФСБ отнесли её к каменной гробнице. Мы с Едигеем последовали за ними. Добры молодцы раскрыли каменную гробницу, извлекли останки штаб-фельдфебеля, выдернули у него из зубов личный жетон, осмотрели дырку в лобовой части черепа.

– Выстрел с близкого расстояния. Почти в упор. – Констатировал Георгий Первый.

– О, да тут ещё один жмурик! – воскликнул взрывотехник Георгий Второй. Под дёрном, выстилавшем дно могильника, обнаружился ещё один скелет, весьма повреждённый, но в хорошо сохранившемся мундире лейтенанта войск связи.

– Интересное кино! – присвистнул Георгий Первый. – Сначала один лёг, потом другой. Жетон есть?

– Не нахожу что-то...

Смотреть, как они копаются в мёртвых костях, было неприятно, и я прошёл на южный край острова, откуда открывался вид в сторону нашей избы. С большим трудом различался дымок, поднимавшийся в небо ровным столбом. Григ топил печь, не жалея дров – как-никак столько гостей пожаловало. Я попытался забраться ещё повыше, но поскольку застрял на гребне и съехал в небольшую котловинку, не удержался на ногах, упал и тут же вперился взглядом в пустые глазницы черепа. Чуть поодаль смотрел на меня другой – с дыркой во лбу. Они лежали друг подле друга, и почти осмысленно – так мне показалось! – вглядывались в меня. Я вскочил, быстро выбрался из котловинки и бросился к фээсбэшникам. Что за остров такой – остров прострелянных черепов?!

Оба следователя в мгновение ока перебрались к месту моего падения. Осмотрели котловинку и со сноровкой опытных археологов извлекли из-под снега несколько крупных костей, замысловатую фигурку из моржового клыка, чёрную гальку с

изображением креста, очень похожим на кручёную свастику с серпообразными крестовинами, несколько советский пятак и двугривенный, прорезную пряжку с офицерского ремня со звездой, серпом и молотом.

– Похоже, тут наших расстреляли... – заметил Георгий Первый. – Как они сюда попали?

– Набрили на немцев, они их и убрали, – предположил Георгий Второй.

– Откуда набрали? Что они тут делали? Один явно военный, другой, видимо местный.

Подошёл и Едигей, он взял в руки костяную фигурку, вгляделся в процарапанный на гальке крест.

– Однако, шаман тут лежит. Ой, тёмное место! Нельзя тут копать – беда будет! – И Едигей поспешил прочь от опасного места. Чуть позже и все остальные последовали за ним. Пора было сворачивать работы. Всё, что надо, было заснято и запротоколировано.

– История древнего мира, – подвёл итоги Георгий Первый. – Из-за чего тут немцы разодрались, пусть их гестапо разбирается. А нам бы установить личности расстрелянных советских граждан.

О, Север, сколько же тайн хранишь ты в своих ледяных сейфах!

Взрывотехник подорвал лёд и бросил в прорубь ящик с немецкими гранатами, все три автомата. На нарты погрузили радиопередатчик с приёмником и двинулись в обратный путь. Все находки следователи перегрузили в вертолёт, поблагодарили, попрощались, с тем и отчалили. Перед отлётом хирург отвёл меня в сторону.

– Пострадавшая Смелова пока не транспортабельна. У неё серьёзный перелом позвоночника. Ей придётся пролежать у вас недели три, пока мы её не заберём. Я так понимаю, что заботиться о ней будете вы. Ни в коем случае не позволяйте ей подниматься. Лежать, лежать и лежать... Кормить с ложечки. Для малых дел подберите какой-нибудь широкий и плоский сосуд. Делайте ей подгузники из старых простыней. Если будут мучить сильные боли, давайте анальгин. Сообщайте в центр о её состоянии через каждые трое суток. Буду консультировать вас по радио. Удачи!

С тревогой провожали мы вертолёт в хмурое небо. Но Ми-6-й взлетел благополучно и быстро скрылся

в высоте заметно потемневшего южного небосклона. Он увёз и двух пострадавших пилотов с МИ-6.

***

Нехотя, мы вернулись в избу, где после недавнего многолюдья стало особенно грустно. Впрочем, мне-то было не до элегий, на моём попечении оставалась Оксана, и это было чрезвычайно приятно, хотя и тревожно – как я справлюсь с ролью сиделки, и как справится она со своей нешуточной травмой?

Наша жизнь вошла в привычную колею. В урочные часы снимались показания, я отправлял их в центр. Сидя у передатчика, мне было приятно ощущать за спиной тело Оксаны, её ноги. После сеанса радиосвязи я читал ей японские трёхстишия, и они ей очень нравились. Некоторые запоминала наизусть. Я кормил её с ложечки, не давая напрягать спину. Вязал из старых простыней подгузники и выносил их, она воспринимала меня, как очень близкого, почти родного человека, и я понимал, что теперь-то уж она, безусловно, станет моей женой. Она будет моей женой, как бы ни обошлась с ней судьба после такого удара.

Посреди ночи, когда мы все дрыхли на полатах, вдруг кто-то забарабанил в окно. Я проснулся первым и первым же соскочил на пол. Посветил фонарём в окно – сквозь закуржавленное стекло едва разглядел лицо Едигея. Накинув доху, побежал открывать дверь.

Едигей явился не один, следом в избу вошёл закутанный в обгорелые лохмотья монах Досифей, источая резкий запах свежей гари. Он держал под мышкой чёрную от копоти икону Спасителя.

– Вот, Господь за грехи наказал... Келью спалил... – сокрушённо бормотал отшельник.

– Погорел, однако, – подтвердил Едигей. – Шибко горел. Я мимо ехал – огонь видал.

Поднялись и все остальные. Промёрзшего погорельца раздели, усадили поближе к печи, налили из термоса чая.

– Пошёл плавник собирать, гляжу, а домишко-то и занялся. Сверху пошла гореть. Ветры трубу расшатали, в щели огонь выскочил, чердак загорелся. Успел только икону спасти. Хорошо Едигей поблизости оказался... Эх, всё по грехам нашим...

Уж какие у него там грехи были – у пустычника, не чета нашим...

Досифея оставили у себя до ближайшего вертолёт. Решили – прилетит борт за Оксаной – и его заберёт на Большую Землю.

Монаху постелили на полатах по правую руку от меня. Но Досифей остаток ночи провёл стоя на коленях перед иконой, вымаливал прощение. Его трясло – то ли от того, что сильно продрог на морозе, от ли от пережитого ужаса. До меня долетали только обрывки его молитвенного шёпота:

*Молитву пролию ко Господу,
И тому возвещу печали моя,
Яко зол душа моя исполнися
И живот мой аду приближися.
И молюся, яко Иона,
От тли, Боже, возведи мя...*

Утром он истребовал для себя послушание, и Григ тут же вручил ему лопату – разгрести снег на метеоплощадке. Повар быстро пристроил Досифея к себе в помощники: монах топил печь, выносил золу, мыл посуду. И всё это он делал старательно, охотно, даже радостно. Не оставил он без своего внимания и Оксану.

– Как зовут болящую-то?

– Оксана.

– Ксения, значит. Молиться за неё стану. И за вас тоже. Только имена свои сообщите. Надеюсь, все крещённые?

– Я нехристь, – усмехнулся Григ.

– Могу и окрестить, если хочешь, – предложил монах. Но Григ сделал вид, что его не расслышал.

Досифей укладывался на ночь очень поздно. Я всегда просыпался, и уже не мог потом уснуть под визгливый храп Ушана. Поэтому расспрашивал монаха о его прежней жизни едва ли не до третьих петухов.

Родом он был из-под Москвы. Дед служил настоятелем храма в Николо-Урюпино, за что и загремел в оные годы в Пермский край. Отец чудом выбился в люди – поступил в институт. Досифей, в миру Сергей, рано осиротел – отец погиб на войне, когда ему было семь лет. Его отдали в Суворовское училище. Но через год выяснилось, что отец не погиб, а пропал без вести.

Отца помнил смутно, но помнил и гордился им. В годы оттепели парню удалось поступить на географический факультет МГУ. Работал в таймырских экспедициях, подальше от сверхбдительных кадровиков и «первых отделов». Немало постран-

ствовал по северам, а потом подал прошение в семинарию. В тридцать лет принял постриг и стал иноком Досифеем.

– Подвизался я при Троице-Сергиевской лавре, – рассказывал он. – Жил в скиту. А потом испросил у настоятеля Лавры благословение на пустынножительство и отбыл в ваши края.

Хорошо зная нравы северной природы, сумел три года прозимовать в старой поварне, построенной охотниками-промысловиками в допотопные времена.

– А как вас в миру звали?

– Сергей. Раб Божий Сергей. А по батюшке – Зосимович.

– Редкое отчество.

– Ну да, дед мой всех детей по святцам нарекал. Вот отцу Зосима и выпал.

– А дед когда умер?

– Не ведаю. Полагаю, перед войной. Бабушка говорила, что где-то в Кудымкаре душу отдал. Пермский край, он суров и велик. Я там с экспедицией ходил. Редкие земли искал.

– Редкие земли?

– Ну, да, так называют редкоземельные металлы: лютений, арбий, гадолиний, скандий...

И я засыпал под лекцию о невероятных свойствах лютения...

***

По ночам я вёл беседы с Досифеем (Досаафом, как его величал Григ), а по утрам общался с Оксаной. Врачи по радио запрашивали о её самочувствии, и я сообщал им её пульс, температуру, измерял давление... Несмотря на строгие запреты, она всё же приподнималась... Я предлагал ей протереть тело тёплой водой, но едва я принёс ведро с подогретой водой, мыло и полотенце, как она выставила меня из рубки, и всё, что надо сделала сама. Врач прислал мне радиовтык за «нарушение режима иммобилизации» и пострадал печальными последствиями. Эх, тётку бы ей найти, да где её взять? Женщин тут на пятьсот вёрст в округе не найдёшь... И тут меня осенило: эврика! А жена Едигея?! Уж она-то сделает всё, что надо, если ей толком объяснить. Уж её-то Оксана стесняться не будет. Но Едигей, как назло, куда-то запропал.

– Где твой корефан? – спросил я Грига, когда тот вернулся с охоты.

– В стойбище к себе уехал. Мы с ним на Окатыш ходили.

– На Окатыш?! – изумился я.

– Ну да, смотри, что привёз.

И Григ выложил на стол свои находки: круглые каютные часы, алюминиевый портсигар, парикмахерскую машинку для стрижки волос...

Мне не хотелось заводить очередную свару с Григом, но я всё же сказал:

– Знаешь, это всё-таки похоже на мародёрство.

Григ, вопреки ожиданию, не вспылал, а спокойно ответил:

– Мародёрство – это когда у своих берут. А у врагов – это трофеи.

***

Под вой февральских вьюг минули полторы недели, и в нашей избе появилась, наконец, долгожданная женщина – Яхрома, луноликая черноокая нганасанка. Росточком чуть выше лыжных палок, она была подвижна, как ртуть, и тут же принялась опекать Оксану. Яхрома привезла медвежий жир. С большим трудом я убедил её сначала обтереть Оксану водой, а потому уже мазать жиром. Я оставил их одних и тут же получил от Ушана замечание:

– У вас же на двери ясно написано, кому разрешено заходить в радиорубку!

Я с трудом сдержался, чтобы не послать его к белым медведям за жиром.

Яхрома сделала всё, что от неё требовалось, и Оксана заметно повеселела. Не знаю, насколько полезен медвежий жир при переломах, но от пролежней это должно было помочь.

***

В первый же день весны я принял радио, что завтра по погоде прилетает санитарный борт. Я сообщил об этом Оксане, но на её лицо ничего не отразилось. Она гладила лежавшего у неё на груди кота.

– Послушай, сказал я, – ты помнишь, о чём я просил тебя там, на льду, когда мы пережидали шквал?

– Да, это была хорошая шутка...

– Но это вовсе не шутка! Я снова прошу тебя стать моей женой!

Она закрыла глаза.

– Ты не оставляешь мне выбора. Моё согласие... В моём положении... Это будет выглядеть весьма эгоистично, неубедительно, вымуче-

но. Согласилась под давлением обстоятельств...

– Дурочка! – Я опустился на колени рядом со скамьёй и приложился к её сухим губам. Я поцеловал их, и они ответили.

Я осторожно обнял девушку и стал рассказывать ей, как мы славно заживём вместе, когда она встанет на ноги. Она слушала меня, как сказочника, но я-то верил в свои предречения, сто раз обдуманные полубессонными ночами.

За ужином я объявил всем о нашей помолвке. Ушан промолчал, а Григ охнул:

– Ну, вы даёте!

И только Досифей взял икону и перекрестил ею меня, а потом и Оксану.

– Выпить бы по такому случаю! – воскликнул Григ, покосился на Ушана и махнул рукой:

– Мне тут Едигей привёз шкалик «огненной воды».

Он и в самом деле извлёк из охотничьей сумки фляжечку с брусничной настойкой, разлил по напёрстку мне, Оксане, себе и Ушану. Ушан и монах отказались. А мы чокнулись и

под Григовское «горько» опрокинули. Забытый дурман алкоголя развеял все сомнения и опасения. Ушан, конечно, напишет в отчёте, что я нарушал «сухой закон», а также режим секретности. Ну, да шаман с ним!

Всю ночь мы прошептались с Оксаной в радиорубке – обсуждали, кого пригласить на свадьбу, дерзко строили планы, как будто перелом позвоночника остался позади, и всё срослось.

Утром в четыре лопаты мы быстро расчистили вертолётную площадку. А вскоре прилетел Ми-8 с красными крестами на выпуклых бортах. Ещё не остановились лопасти, как из машины выпрыгнул врач в белой ушанке, в широком белом халате поверх чёрной дублёнки; на животе у него висела большая медицинская сумка, а в руках держал увесистый чемоданчик. Врач долго осматривал Оксану и в конце концов признал её транспортабельной.

Мы с Григом отнесли её на специальных носилках-ложементе в вертолёт и там подвесили на амортизаторы. Досифей с иконой тоже влез в салон. Григ передал ему дары Едигея – рисовую сумку, набитую сушёной рыбой. Обняв меня на прощанье, монах успел мне шепнуть:

– Я её отмолю...

Оксана улыбалась мне грустно и виновато. Её подвешенные носилки походили на ложе спящей царевны.

– До свадьбы всё заживёт! – обнадеживал её я, а потом расцеловал на прощанье. Но я ошибался – до свадьбы ничего не зажило и зажить не могло, об этом сказал мне врач, отозвав в сторонку:

– Шансов на то, что она будет ходить, очень мало...

С замиранием сердца следил за взлётом тяжёлой воздушной машины. Но повторенья беды не случилось, Ми-8 благополучно взмыл в белёсое небо, быстро-быстро растворившись в напозавших сумерках.

***

Все улетели, и в нашем доме стало ещё тягостнее. Каждый снова ушёл в себя, в свои проблемы, в свои воспоминания. Общее дело – наблюдение за погодой – нас никак не объединяло ни раньше, ни особенно теперь, на исходе нашей затянувшейся вахты. Григ сутками пропадал, якобы заботясь о разнообразии нашего рациона. Ушан смотрел на это сквозь пальцы, казалось, его уже

вообще ничего не волновало, и он тоже высчитывал денёчки до сдачи смены.

Мне пришло в голову покопаться на заброшенном вертолёте, дабы пополнить запас радиодеталей. Авиаспецы сняли с аварийной машины лишь «чёрные ящики», сфотографировали её, с тем и отбыли. Похоже, вертолёт просто списали. Во всяком случае, транспортировка его на «большую землю» обошлась бы намного дороже ремонта.

Я забрался в пилотскую кабину, нашёл радиостанцию и стал снимать её... Заглянул и в перекошенный салон, наполовину занесённый снегом через разбитый иллюминатор. Под креслом, где сидела тогда Оксана, я заметил тот самый маленький мешочек, что хранился в оленьем черепе и который я передал ей, как следователю. Видимо при ударе о землю мешочек с «опилками» вылетел из её сумки. Я подобрал его и положил в пакет с радиодеталями. И вдруг в срезанных приборах засветились диоды, запрыгали стрелки. Я вытащил мешочек и всё стихло. Положил обратно – приборы снова ожили.... Выходило так, что «опилки» неведомого металла обладали сильнейшей электромагнитной индукцией. Чуть позже я проверил это в радиорубке тестером. Моё предположение полностью оправдалось. Что, если этот «мешочек» сбил радиоэлектронику вертолёта и помешал взлёту? Тут без экспериментов не обойтись, и я отложил это дело до возвращения в Москву. А пока решил заняться тетрадь, найденной в немецком модуле.

«Дойч» я учил и в школе, и в институте, но знал весьма посредственно. На великую удачу я обнаружил в скудной библиотечке Станции среди девственных томиков классиков марксизма-ленинизма, зачитанной до дыр «Анной Карениной» – «Немецко-русский словарь» с оборванной обложкой. С его помощью и засел за перевод дневника радистки.

Однако дело продвигалось весьма медленно, одно дело печатный текст, другое – рукопись и хотя почерк у немки был ровный и вполне разборчивый, всё же надо было в него вчитаться.

На удивление, Ушан отнёсся к моей работе с большим интересом и взялся мне помогать. А мне казалось, что ничего, кроме собственной диссертации, его не трогало. Вдруг

обнаружилось, что Ушан часами готов корпеть над тетрадь, рыться в словаре и выписывать переведённые строчки. С его помощью перевод двинулся намного быстрее.

Григ, однажды застав нас склонившимися за столом, премного удивился и, наверное, решил, что мы с Ушаном будем теперь дружить против него. Обиделся в душе. Как бы там ни было, но эта мёртвая немецкая радистка, сумела растопить лёд, разделявший нас за все эти месяцы.

Тетрадь была исписана ровным и довольно разборчивым женским почерком. Большая часть дневника была посвящена рутине вахтенной жизни: подъём, завтрак, смена дежурства у рации, запись показаний метеоприборов... Но отдельные фразы позволяли понять взаимоотношения между Ханной Глянц, автором дневника (радисткой станции) и остальными членами группы – её начальником лейтенантом Ральфом Троттом и штаб-фельдфебелем Бруно Хохбергом. Лейтенант в глазах Ханны был воплощением идеала германского офицера – беззаветно преданного своей службе и идеям фюрера. Только на его воле, на его собранности и аскетизме держалась вся жизнь заброшенной в глубины русской Арктики группы метео- и радиоразведки. Впрочем, главная задача этой ТДС был сбор и передача метеоинформации. Но однажды Ханна вышла в эфире на канал, по которому шли переговоры между кораблями полярных конвоев, шедших из Англии в Архангельск и Мурманск. В этой точке Арктики приём радиобмена шёл весьма чисто и совершенно без помех. Когда Ханна доложила начальнику группы, что ей удалось выйти на канал связи англо-русских моряков, лейтенант Тротт (в дневнике она называла его просто Ральфом) пришёл в восторг и обещал представить её к Железному Кресту. Ханна боготворила своего начальника, и похоже, была влюблена в него. Но штаб-фельдфебель вызывал в ней совершенно иные чувства. Бруно Хохберг был человеком себе на уме, к тому же он поглядывал на Ханну весьма плотоядными глазами и оказывал ей весьма навязчивые знаки внимания, пока Ханна не пожаловалась однажды Ральфу. Между лейтенантом и штаб-фельдфебелем состоялся весьма резкий разговор, при котором Ханна не присутствовала, так как находилась на радиовахте.

После этой стычки общение на станции происходило исключительно в служебных рамках, никаких частных разговоров, вольных бесед и подначек. Жизнь, и без того монотонная, сделалась и вовсе унылой.

«Еду готовим по очереди, – писала в своём дневнике Ханна. – Варим дроблённый рис с тушённой, чередуя это до смерти надоевшее блюдо с макаронами и супом из рыбных консервов. Обед скрашивал сгущённый кофе и везельские сухари. Но как же хотелось попробовать вкус настоящего кофе! Аромат обжаренных зёрен мокко меня преследует даже во сне... Неужели я никогда больше не вкушу этот божественный напиток? О, как я умею заваривать кофе! Не хуже, чем хозяйка кафе «Махараджа», что у нас на Тасоштрассе.

...Бруно, скотина, он всё ещё пожирает меня глазами, и, несмотря на строгое внушение Ральфа, продолжает отпускать свои фривольные шуточки. Он никак не хочет понять, что я такой же солдат фюрера, как и он. И до самого возвращения в Берлин я буду оставаться обер-ефрейтором Глянц, а не фройляйн Анхен. Вот только удастся ли вернуться домой? Продукты на исходе, а обещанная смена задерживается уже на два месяца...

Рацион сократили до одной банки тушёнки. Она вся идёт в суп, который мы едим в обед, и в ужин. Сухари тоже идут поштучно...

Ханне так и не удалось попробовать настоящий кофе. Судя по всему, ни один немецкий корабль не смог пробиться к острову на исходе войны. Самые интересные записи были сделаны на последних страницах тетради.

«...Сегодня утром Ральф поднял всех по тревоге: к острову приближалась оленья упряжка. В ней сидели двое: каюр-абориген в меховом облачении и русский в полувоенной одежде. Мы задержали их и обыскали. Русский немного говорил по-немецки. Он назвался геологом и был весьма ошеломлён, что, здесь, на краю земли, он попал в плен к немцам. Его каюр покорно отдал нам свой охотничий карабин. Ничего особенного при них не оказалось, если не считать фляжки со спиртом и полевой сумки с картой и мешочком с какими-то металлическими опилками серебристого цвета. Но это было явно не серебро. Разумеется, отпускать наших неволь-

ных пленников было бы опрометчиво. Чтобы олень не убежал с нартами, Ральф выстрелил ему в лоб. Теперь мы были надолго обеспечены свежим мясом! Каюра и геолога мы повели вглубь острова. Я хотела присутствовать при их казни, чтобы укрепить свою волю и ненависть к врагам. Русский геолог пытался объяснить Ральфу, что каюра убивать нельзя, что он здешний шаман, и его смерть может навредить на нас кару здешних духов. Но это был явный бред.

– Это сын Большого Медведя, и его смерть будет жестоко отомщена!

Шаман тряс жидкой бородкой, посылая заклинания по всем сторонам света. Последними словами геолога были «Хайль Шталин!». Ральф выстрелил ему, так же, как и оленю, прямо в лоб. Затем послал пулю в шамана. Но старик оказался на редкость живучим, так что и Бруно тоже пришлось поднять свой «кюггер»... Мы оставили трупы в котловинке (их утилизацией займутся лемминги), а сами занялись разделкой оленьей туши. На обед у нас был великолепный паприкаш из свежей оленины...

Бруно мастерски обработал голову оленя и сделал из его черепа и рогов полярную реликвию, которую водрузил над нашим столом. Ральф же тщательно изучал карту геолога и пришёл к выводу, что тот открыл некое месторождение, быть может, того загадочного металла, чей порошок хранился в мешочке. Он попросил меня сделать копию-крок этой карты. В тот же день я отправила в Центр донесение о происшествии на нашей станции. Но никаких запросов и указаний насчёт карты не последовало.

...Спустился три дня на нас обрушилась страшная беда. Ральф вышел ночью по нужде и попал в лапы белого медведя. Всё произошло так быстро и бесшумно, что мы ничего не услышали, и не мудрено: Бруно храпел на своей койке, а мои уши были закрыты большими резиновыми чашками наушников. Лишь на утро мы обнаружили растерзанное тело Ральфа, примятый снег в крови и большие следы медвежьих лап. Это была страшная потеря, и я не удержалась от слёз. Нечего было и думать, чтобы предать тело нашего командира земле. Вокруг была вечная мерзлота. Мы соорудили из плитняка нечто вроде гроба и положили в него останки лейтенанта Тротта. Я прочитала над ним молит-

ву, которую помнила с детства. Потом закрыли гробницу плитами и завалили снегом.

Самое ужасное, теперь я оставалась в полной власти этого негодяя Бруно. Поначалу он держал себя в руках. Но потом мы решили устроить тризну по нашему командиру, и Хохберг осушил кружку разбавленного спирта. Вот тут-то он и показал своё истинное лицо. Он схватил меня и попытался взять силой. И я поняла, что ему это удастся. Тогда я пошла на хитрость. Я сказала ему:

– Бруно, дай мне раздеться и разденься сам.

Он радостно стал расстёгивать китель, а я схватила «кюггер», и почти не целясь, выстрелила ему в лоб. Потом вытащила его за ноги из модуля. Жалости не было. Было ощущение, что Дамоклов меч, который так долго висел надо мной, наконец-то опустился, но опустился вовсе не на меня. Я хотела оттащить тело Хохберга туда, где лежали трупы геолога и шамана. Но сил едва хватило, чтобы приволоочь его к гробнице Ральфа. Кем бы он ни был этот Хохберг, но он был солдатом вермахта, солдатом Германии... Я положила его в наш самодельный саркофаг. И только потом мне пришлось в голову, что проклятье старика-шамана начало сбываться. Но я не стреляла в него, может быть, мне повезёт больше?

Но, Боже, как же хочется настоящего кофе! Я пыталась приготовить эрзац-кофе из обжаренной древесной коры, ягеля и молотых бобов. Но получилась такая гадость!»

Последняя запись была датирована апрелем 1945 года:

«...Мне ничего не надо передавать. Связь с Центром прервана. Позавчера пришло сообщение о прекращении работы нашей станции. Подводная лодка за нами не придёт. Нам рекомендовано уходить на материк и следовать в Германию на любом попутном транспорте. Это звучит весьма издевательски. От нас до Германии пять тысяч километров, а из попутного транспорта только оленьи нарты и собачьи упряжки. Зато я теперь абсолютно свободна от всех вахт и обязательств. И моё полярное одиночество столь же головокружительно, что и моя небывалая свобода. Продовольствие почти закончилось. Сил едва хватает, чтобы поддерживать огонь в печке. Но дрова кончатся, видимо, раньше, чем иссякнет моя энергия.

Меня ждёт самая приятная смерть в мире – тихое замерзание с блаженным сном на ресницах...

... Какая роскошная майская пурга разыгралась за окном...»

В конце недописанной тетради был крок, срисованный простым карандашом, очевидно, с карты расстрелянного геолога. Это была скорее схема, чем калька. Без масштаба и без обозначенной широты-долготы она не имела никакого практического значения. Не было и никаких приметных ориентиров: ни излучин реки, ни озёр, ни характерных высот. На последней странице была надпись, обращённая тому, кто найдёт дневник: «Господь наградит того, кто передаст эту тетрадь моей сестре Клариссе, живущей в Берлине на Тасоштрассе 5». И ещё два телефонных номера, один принадлежал какому-то Бруно. Тому самому? Убитому ею? Почему нет? Всё может быть. А кто такой Леон? О нём в дневнике не было ни одного упоминания.

Телефон Леона: 114-45-11. И телефон Бруно: 77-09-44

И почему один номер короче другого на одну цифру? Возможно, Бруно жил в небольшом городе, а Леон в Берлине...

С Ушаном у нас теперь надолго нашлась общая тема для разговоров. Он перечертил себе крок из тетради, пытался по абрису береговой линии привязать его к карте, но ничего путного из этого не выходило. А вскоре у нас появилась животрепещущая тема для общих разговоров – окончание нашей зимовки.

***

Всё всегда рано или поздно кончается. Кончалась и наша вахта. В ожидании вертолёт, который должен был доставить смену, в ожидании радостной перемены нашей жизни мы снова стали общаться друг с другом, разговаривать, подшучивать... И потихоньку собирать вещи.

«Какая роскошная майская пурга разыгралась за окном...» Именно после такой пурги к нам прилетел борт с Большой земли, доставил долгожданную смену. Трое таких же энтузиастов поневоле, как и мы, прилетали на ТДС не впервые, поэтому дела, обязанности, документы, казённое имущество, а заодно и кот Мороха мы сдали в течение часа.

Прощай, Станция! Столько прожи-

то здесь, пережито, передумано... И чуточку жалко покидать это ледяное безлюдье... Едигей успел на проводы. Одарил всех вяленой чавычей и туесками с мочёной морошкой. Увидимся ли когда-нибудь?

МИ-6, оглашая рёвом белую пустыню, делает контрольное зависание, потом резко уходит в небо. Разворот за припаем. За белым берегом открывалась далёкая ещё пока тёмная синева арктического океана. Во всех стёклах – тёмный, взморщенный, на глаз видно – студёный – океан. Мы подлетаем к нему всё ближе и ближе. Мы влетаем в надокееанское небо и тут же поворачиваем на юг.

Далеко внизу остаются домик нашей Станции, метеоплощадка с натоптанными тропами, будка генератора... Домой! К Оксане! К новой жизни!

***

Полёт на вертолёт да к тому же против сильного встречного ветра меньше всего можно назвать полётом. Небесная машина рыскала, ёрзала, подтанцовывала, её потряхивало и подбрасывало, но тем не менее, тундра медленно уходила ей под брюхо.

Сверху хорошо был виден ветер – по белым струям взметённого снега. Иллюминатор вертолёта, словно увеличительное стекло, увеличивает тундру до едва оглядных глаз пределов. Руслу рек, засыпанных снегом почти вровень с берегами, равно как и чаши засыпанных озёр, угадывались по лёгким серым закраинам на извивах и поворотах.

Высота совершенно неощутима, поскольку глазу нечем её измерить – кругом ровная бескрайняя белизна. Каждое дерево на виду. Редкие ели чернеют зубчатými пирамидками. Земля угадывается по точечным, будто татуировка, узорам. Сколько ж ещё земли, по которой не ступала нога человека, даже нарты ненца не езжали?!

Югра сверху... Озёрный край. Многоглазая и большеглазая тундра. Изыщнейшее кружево озёр и суши. Тончайшая вязь.

Ячеистая структура. Да это же живые клетки живой Земли! Вода и кремний, кремний и вода... Суперматрица. Структура живой, более того – мыслящей ткани. Нейроны земного мозга! Эдакий болотный Солярис... И всё это хотели затопить, уничтожить по приказу Хрущёва в 1964 году – воздвигнув

на Оби плотину. Слава Богу, что это был последний год его шутовского «волюнтаризма», а попросту – самодурства.

***

В Москве, едва забросив вещи домой (квартирант точно освободил квартиру к моему приезду), я бросился на Земляной вал – в клинику спортивной травматологии, где лежала Оксана. Весь последний месяц мы слали друг другу письма, и я хорошо представлял, что с ней и что у неё на душе. Прежде, чем предоставить нам свидание, лечащий врач – пожилая грузная женщина в накрахмаленном халате, – провела со мной беседу:

– Мне говорили, что вы собираетесь жениться на моей пациентке. Вы знаете, что она прикована к коляске, и ваше решение делает вам честь. Но вы отдаёте себе отчёт, какой груз проблем берёте на себя? Ведь её травма настолько серьёзна, что скорее всего она будет пожизненно принимать лекарства и ездить только на колёсах.

– Медицина бессильна?

– Медицина не всесильна. Но я не хочу лишать ни вас, ни её надежд... В конце концов, есть зарубежные центры. Я знаю, в Германии было проведено несколько успешных операций. Но это Германия, это огромные деньги, это визы и множество других проблем, о которых даже я не знаю толком... Вы не передумали?

– Нет. Пропустите меня к ней!

– Идите в парк, сейчас время прогулок, её туда привезут.

Я спустился по широкому пандусу в старинный усадебный парк с гrotтами и беседками (когда-то это была купеческая вилла-усадебка, выстроенная в итальянском стиле). Сердце колотилось. Сейчас её привезут. Оксану. Суженую. Невесту. Так ли она хороша, как в последний раз, когда я видел её? Да, какое это имеет значение?! Решено так решено! В памяти сердца она будет всё равно такой, какой была до катастрофы...

Её вывезла санитарка по тому же широкому пандусу-виражу, по которому спускался и я. Вокруг сияла на солнце листва вековых лип и дубов, и в этом старинном интерьере мне почудилось, будто служанка выкатывает на прогулку молодую барыню, хозяйку именина. Я бросился навстречу. Оксана слегка улыбалась, несмотря на своё треволение, я не

смог не отметить, сколь мастерски был сделан её макияж, как изящно загнуты ресницы, как нежно, едва заметно положены голубоватые тени, как влажны её слегка подкрашенные губы, короткая юбка высоко открывала красивые колени.

Я перехватил коляску у санитарки, и увёз Оксану в дальний угол сада, в старинную беседку с облупленной ротондой. Я посадил её на перила, и мы стали целоваться. Её поцелуи походили на пьесы – каждый со своей завязкой, кульминацией и открытым финалом. Потом я рассказывал ей про Ушана, Грига, Едигея и Мороха... Потом мы примеряли обручальные кольца и обсуждали детали свадьбы, о которой столько толковали друг другу в письмах.

Оксана не хотела въезжать в церемониальный зал ЗАГСа на инвалидной коляске. Решили провести регистрацию в клинике, а свадебный стол заказать в ресторане. Я предложил хорошо знакомый мне ресторан в Сокольниках. На том и порешили.

И всё у нас получилось. И всё было, как у всех – цветы, шампанское, подарки, крики «Горько». Инвалидную коляску спрятали за портьеру, Оксана восседала в кресле, и её белоснежное пышно кружевное великолепие отгоняла любую мысль о её недуге. Рядом с нами сидели наши свидетели – со стороны Оксаны это была её подруга по юридическому факультета МГУ – задорная блондинка в коротком красном платье с длинными разрезами.

С моей стороны свидетельствовал наш брак мой старый школьный товарищ Костя Чечеров, ныне почти лысый, но очень серьёзный учёный из Курчатковского института. Убеждённый холостяк, он произнёс весьма проникновенный тост, от которого прослезилась мама Оксаны, моя тёща, Анна Станиславовна, ранняя вдова, совсем ещё не старая сотрудница частного банка. Костя сидел рядом с ней и трижды приглашал её на танец.

А ещё я позвал на наше торжество Ушана и Грига. Как никак старые кореша-коллеги. Здесь, в Москве, они казались премилыми людьми. Монах Досифей, ставший теперь иноком Сретенского монастыря, благословил нас какой-то очень тёмной старинной иконой небесного покровителя своего отца, соло-

вецкого отшельника Св.Зосимы. И ему тоже очень понравился спич Кости. Ведь как всё правильно сказал-то:

– Я, конечно, свидетель. Но главный свидетель не я – а батюшка Север. Вадим и Оксана познакомились не на пляже и не на танцплощадке, а в самом суровом краю нашей планеты – на Крайнем Севере, в Заполярье, в Арктике. Как там в песне поётся – «Ты узнаешь, что напрасно, называют Север крайним...» И всё же Крайним его называют вовсе не напрасно, а потому, что человек там всегда пребывает на краю жизни и смерти. И вот именно там, на краю жизни и смерти, Вадим сделал свой главный (после выбора стороны света) выбор – Оксану. И хотя знал её совсем немного, но в экстремальных обстоятельствах вдруг сразу открылся её характер. Красота открылась сразу же, а вот характер – это тогда, когда они превозмогли пургу, когда сумели вместе найти выход из безвыходного положения. Север подарил им жизнь и друг друга. Обязал их быть всегда вместе, чтобы ни случилось – до гробовой доски. Вот и давайте осушим эти бокалы за Север и его избранных! Горько!..

***

Из ресторана мы вернулись в клинику, где по распоряжению главного врача нас поместили на сутки в палату для очень важных персон, которые предпочитали болеть на широком ложе перед панорамным телевизором, а также с персональной ванной и туалетом. Нам все улыбались, все поздравляли...

И была первая брачная ночь, которая превзошла самые нескромные мои ожидания. В постели Оксана была великолепна! Она витийствовала, как истинная жрица любви, как будто за плечами у неё был не юрфак, а стажировка в каком-нибудь древнеиндийском храме. Самое главное, на всю ночь мы оба забыли о её диагнозе-приговоре...

***

Оксану задержали в клинике ещё на десять дней до завершения курса процедур. За это время я решил привести квартиру к приёму молодой хозяйки. По уму надо было бы пригласить молдаван, чтобы они сделали хотя бы косметический ремонт, но после свадебных издер-

жек я решил сэкономить, то есть обойтись своими руками, пригласив в помощь Костю. Накупил всяких стройматериалов, инструментов и понеслась работа вскачь. И тут...

И тут в ворохе вещей Костя наткнулся на мешочек с серебристыми опилками, про который я совершенно забыл.

– А это что такое? «Серебрянка», краска?

Я рассказал ему историю трофея, и Костя, как истинный учёный, проникся интересом к «опилкам».

– Слушай, а давай, я покажу нашим спецам, они скажут, что это такое.

И он отсыпал себе щепотку из мешочка.

Отсыпал, вечером уехал и пропал. Обои я доклеивал без него. Костя появился только через два дня весьма взерошенный и отчасти встревоженный.

– Знаешь, что это такое? Это почти что лунный грунт... Это почти не встречающийся в чистом виде редкоземельный металл. У него даже названия нет. Можешь, дать своё имя...

– Я назову его в честь Оксаны – «оксанием», – пошутил я.

На этом наш разговор и закончился. Я совершенно не был расположен к учёным беседам. Передо мной стояла весьма житейская проблема – где взять денег на:

- завершение ремонта квартиры,
- на покупку хотя бы подержанного, но глубоко личного авто,
- на весьма дорогостоящие импортные лекарства для Оксаны,
- а главное, где и как добыть деньги для операции в Германии?

Первое, что приходило в голову – продать мою «двушку» и переехать в «хрущёбку» тёщи – Анны Станиславовны на Сушчёрке. Там тоже двухкомнатная квартирка, но такая тесная, что я совершенно не представлял себе, как мы уместимся в девичьей комнатке Оксаны. Но можно на первых порах поселиться у Кости, у него большая квартира в «сталинском» доме, доставшаяся в наследство от родителей. А потом что-нибудь придумаем. Как-нибудь выкрутимся. «Мы всё на свете сможем, когда нам двадцать лет!» Ну, пусть не двадцать, а двадцать девять – мне, а Оксане – двадцать пять...

Костя же, отсыпав из мешочка ещё одну щепотку «оксания», ушёл и снова исчез на два дня. За это время я успел приобрести через интернет недорогую инвалидную коляску в

хорошем состоянии. То инвалидное кресло, в котором сейчас разъезжала Оксана, удобное, бельгийское, увы, придётся оставить в клинике. А нам надо обзаводиться своими средствами передвижения. Я даже сумел соединить купленную коляску с велосипедом, чтобы совершать вместе велопрогулки. Однако сумма «северного гонорара» снова понизилась... Моя метеоконтора огорчила новость: полярную надбавку можно получить только через суд. Оформлять иск и ждать, ждать, ждать, когда судья вынесет определение в мою пользу. Таков нынче порядок, придуманный в Минфине.

Такого жестокого безденежья я ещё не знал – рестораторы и медики напрочь опустошили все мои сбережения. Впервые в жизни я влез в долги – взял у Грига тысячу баксов с обещанием вернуть через месяц.

Я метался по всей Москве в поисках хотя бы случайного заработка, но вакансии были только в ЖКХ – дворнички, правда, теперь это называлось весьма предстительно – «клининговый менеджер»... Для замораживания тающего бюджета я снова перешёл на студенческий рацион: утром овсянка на воде, но с топлёным маслом. Крепкий чай и бутерброд с плавленым сыром вприкуску. На обед – пельмени и цыкорий вместо кофе. На ужин йогурт с огурцом.

И лишь когда ко мне пришла в гости Анна Станиславовна, чтобы помочь убраться после ремонта, я раскошелился на вафельный торт. Тёща очень грамотно разложила вещи, выбросила остатки строительного мусора, протёрла какими-то чужеземными жидкостями плиту, холодильник, унитаз. И квартира засияла! Не стыдно было привозить молодую жену.

Я проводил Анну Станиславовну до метро, и тут навстречу мне выскочил Костя. Из пакета торчало золотое горлышко шампанского. Костя загадочно сиял и ничего не рассказывал. Рассказывал ему я про свою перспективу стать «клининговым менеджером». Наконец, мы пришли.

– Ну, старик, ты даёшь! – с порога восхитился гость. Я полагал, что это он про мой «самострочный ремонт», но восторженное слово «даёшь» относилось именно ко мне, а не к качеству реставрационных работ.

– Я тут справки навёл по поводу твоего «оксания». У знающих

людей... Так вот... Нет, сначала наливай!

– За что пьём?

– За твою потрясающую удачу! Один грамм этих серебряных «опилок» стоит дороже платины! Представляешь, финансовый потенциал твоего мешочка?! Да это огромный мешок с золотом! Кстати, где он? Хорошо бы его взвесить.

Я глянул на подоконник, но тот сиял чистотой и...пустотой. Тогда я заглянул в ящик стола. Но и там было пусто. Вдвоём мы бросились на поиски нечаянного сокровища. Но его не было. Испарилось.

– Может быть, это очень летучий редкоземельный металл? – предположил я.

– Не думаю. Вот его проба и она в полном порядке. – Костя осторожно открыл круглую пластиковую таблеточницу. Он страдал язвой желудка и всё время глотать таблетки типа омеза. Но сейчас там серебрились «копилки».

– Наверное, мешочек похитили агенты иностранной разведки. – Грустно пошутил я. Но Костя шутку не принял.

– Если бы они знали, что ты владелец этого мешочка, они бы похитили его вместе с тобой.

– На фиг я им?

– Только ты знаешь место, где был добыт этот РЗМ. Но куда же он мог подеваться?

Разбили квартиру на секторы и стали проверять каждый угол, каждый квадратный метр... Ну не могла же его унести с собой Анна Станиславовна?! И тут я вспомнил: она же выбрасывала строительный мусор! Могла и мешочек туда же сгрести. Мусоропровод – вот последняя наша надежда. Мы бросились на первый этаж и быстро отыскали «менеджера клинингового кластера», который заведовал мусоросборочной камерой. За невеликую мзду он открыл нам мусоронакопитель, и мы принялись рыться в выброшенных пакетах с резкостью очень голодных дворовых котов. Довольно быстро я отыскал полиэтиленовую «майку» с обрезками обоев, кусками штукатурки, картона... Есть! Вот он! Правда, «опилки» частью просыпались, но всё же остались в пакете. Мы унесли его домой и там собрали всё до крупинки. Костя взвесил его на ладони:

– На полкило точно потянет...

– По закону я должен сдать его государству и получить свои двадцать пять процентов.

Костя взвился:

– Какому государству? Где ты его видел? Государству, которое оставило тебя без «полярки», без штанов? Которое разрушило фундаментальную науку? Которому на фиг не нужны редкоземельные металлы? Которое кинуло нас всех с жульнической «прихватизацией»?

– Но закон насчёт кладов никто не отменял.

– И не отменят. И не надейся – на свои двадцать пять процентов. Хорошо если десять отстегнут да ещё налог сдерут.

– Да мне и десяти процентов от такой суммы во как хватит!

– Не мельчи! А остальной суммой будет Чубайс с Гайдаром распорядиться? Они распорядятся, будь уверен... Тебе только-только этой суммы на операцию для Оксаны хватит. Если хватит, конечно... Между прочим, ты же свой долг уже выполнил: ты же передал следователю мешочек?

– Передал.

– А потом ты ещё раз его нашёл в вертолёт. Значит, это уже второй клад, и за него ты тоже должен получить двадцать пять процентов? Так?

– Так.

– Значит, тебе должны вернуть половину стоимости этого мешочка. А потом ты ещё раз его нашёл. В мусоросборнике. Так? Значит, извольте заплатить ещё четвертак. Ведь не ты же его утратил? Третье лицо выбросило, а ты нашёл. Итого – 75% твои по закону.

– Ну, ты насчитал!

– Пересчитай. То же самое получится.

Мы допили шампанское до дна, и я махнул рукой:

– Убедил, чёрт языкатый! Зови покупателя! Как продавать будем – в розницу или по щепотке?

– Да ты не смейся. Дело серьёзное и опасное. Тебя за такие бабки и прихлопнуть могут... Есть тут одна мутная контора. Она возьмёт оптом, сразу всё. И деньги налом выплатит. Главное, как унести их...

И Костя разрабатал операцию по спасению шкуры ещё не убитого медведя с тщанием опытного детективщика.

– Значит, так... У тебя оружие есть?

– Был пистолет, но сдал на Станции преемнику.

– У меня есть пистолет-«травмат». Это лучше, чем нисего... Берём два одинаковых портфеля. Один пустой, другой чем-нибудь набитый. Как

только выйдем из кабинета, меняемся в коридоре или в вестибюле портфелями. Заранее вызываем такси-ста. Я с твоим портфелем сажусь в свою «семёрку» – и полный вперед. Ты на такси в другом направлении. Но только не к себе домой! Например, в клинику, к Оксане. Я тоже туда приезжаю и возвращаю портфель. Проверяю слезку и снова по разным маршрутам уходим туда, где можно переночевать.

– Я могу к Анне Станиславовне.

– Хороший вариант. А я могу и на работе перекантоваться. Часть денег переведи сразу в немецкую клинику за лечение Оксаны, часть положи в банк, желательнее на три разных вкладчика – на имя Оксаны... Она ещё не взяла твою фамилию?

– Нет.

– На её имя, на имя тещи и на своё... Суммы в разумных пределах, чтобы не привлекать налоговиков. Остальное оставь налом для текущих расходов. Оксане пока ничего не говори. А то опять начнётся – имеешь право, не имеешь права... Скажи, что Контора хорошо расплатилась с тобой за Севера.

***

Утро вечера мудренее, и весь Костин план показался мне сплошным бредом. Из детства не вырос, всё в казаки-разбойники играет... Но в десять утра Костя стоял у меня на пороге с туго набитым портфелем. На нём был серый плащ, как у заправского сыщика, нечто подобное он извлёк и из моего шкафа.

– Мы должны быть как можно более похожими друг на друга. Пусть путаются...

– А ты не боишься, что тебя вместо меня перепутают?

– Не боюсь. На большое дело идём. Никогда не думал, что придётся такие схемы разрабатывать. Готов? Поехали!

Ему не хватало чёрных очков и таких же чёрных кожаных перчаток. – Хватит улыбаться. Не всё так просто, как тебе кажется.

Мы отправились в центр на голубой раздолбанной Костиной «семёрке», которая была весьма приметной на фоне элегантных иномарок. Мы въехали в один из Кисловских переулков, а потом свернули в большой двор, застроенный старыми флигельками, особнячками, гаражами, так, что лабиринтный проезд между ними весьма способствовал криминальным раз-

боркам. Костя остановился у обшарпанного жёлтого особняка с наружной металлической лестницей на второй этаж. По ней мы и поднялись в холл какой-то конторы – не то лаборатории, не то весьма запущенной мастерской. Нас уже тут ждали: рослый дядя в синем халате, но при рубашке с галстуком любезно провёл нас в кабинет. Это была небольшая комната с портретом Менделеева, под которым стояли два приставленных друг к другу стола. За приставным – с громоздким компьютером – сидела неулыбчивая женщина в таком же синем халате. На её лице застыла гримаса привычного уныния. Она сухо поздоровалась с нами и включила электронные лабораторные весы. Я молча и не без опаски положил на них мешочек – не ограбили бы сразу без лишних проблем. Хорошо, что за спиной стоял Костя, наверняка, сжимая в кармане рукоять «травмата».

– Шестьсот восемьдесят три грамма и десять миллиграмм. – Сказала женщина, хотя мы и так видели эти цифры на экранчике. Её пальцы с гламурным маникюром быстро пробежали по клавишам калькулятора: – Двадцать два миллиона восемнадцать тысяч триста двадцать два доллара и сорок один цент США. – Равнодушно сообщила она.

Её шеф, похожий на Ушана, только в более крупном формате, открыл старинный купеческий сейф с поворотными рукоятками и извлёк из неё двадцать две толстые пачки плотно спелёнутых бумажными лентами зелёных банкнот. За всю жизнь я не видел сразу столько денег в одном месте. Но они лежали на столе, на столе, словно брикеты какого-нибудь строительного материала. Я всё ещё не мог поверить, что это мои деньги. И потому – без дрожи в руках, с бесстрашием инкассатора, которому до смерти надоело перекидывать денежные пачки из одного мешка в другой – я уложил выручку в портфель. Да ещё не всё хотело влезать... Пришлось кое-что рассовать по карманам пиджака – эдак миллион на полтора.

– Пересчитывать будете? – спросила женщина.

– Зачем? Люди должны доверять друг другу.

Губы кассирши впервые дрогнули в полуулыбке. Рассмешил, однако...

Конечно, мне совсем не хотелось задерживаться в этой непонятной конторе. Хотелось побыстрее покинуть этот прокуренный, затхлый,

подозрительный кабинет. Даже если потом и не досчитаемся чего-то, то и того, что легло в портфель, хватит более чем, на все дела и проблемы.

– Ну, по всем понятиям «сделку века» надо обмыть! – Весело предложил шеф-директор, доставая из того же бездонного сейфа бутылку «Курвуазье».

«Ну уж, дудки! За кого нас держишь, шеф?!»

– Спасибо! Мы за рулём! – ответил за нас обоих Костя, и мы по-быстрому распрощались.

В тамбуре коридора мы обменялись портфелями, и быстро сбежали по кованой лестнице. Нам обоим пришла мысль, что колёса у нашей машины могут быть спущены. Но с колёсами всё было нормально. На выезде со двора, у электронного шлагбаума стояли двое парней в чёрных вязаных шапочках, чёрных куртках и голубых джинсах. Очень удобная одежда для киллеров. Костя напрягся и передал мне свой «травмат».

– Бей сразу же при первой попытке остановить машину!

Я взвёл курок, прикрыв пистолет кепи. Но парни не удостоили нас вниманием (или сделали вид), Костя благополучно вывел машину на Верхне-Кисловский.

– Теперь смотри в зеркальце, нет ли слезки.

Я не отрывал глаз от зеркала, но ничего подозрительного не заметил. За первым же углом я покинул машину и, с ложным портфелем, быстро вскочил в первый попавшийся троллейбус. Слежки не было. Или была, но я не смог заметить?

Ощущение скрытой погони... Какое омерзительное чувство!

Но до клиники я добрался благополучно. Костя уже поджидал меня там. Мы снова обменялись портфелями и, показав друг другу большие пальцы – «Во!», двинулись в глубину пустынного по случаю «мёртвого часа» парка. В беседке-ротонде я отсчитал Косте четверть нашей общей выручки – столько, сколько он попросил.

– Ну вот, наконец-то я смогу смелить свою «семёрку» на что-нибудь путное! – Засиял он. – И свою лабораторию обновлю. И новый осциллограф куплю. И новый комп!

– И вообще, тебе жениться пора.

– Ну, такую невесту, как у тебя, ни за какие деньги не купишь... Ты знаешь, а мне нравится твоя Анна Станиславовна. Сколько ей лет?

– Во-первых, она не моя, а Оксанина. Во-вторых, она старше тебя на десять лет.

– Всего-то?! – обрадовался почему-то Костя. – А мне всегда нравились женщины старше меня...

– Ну да, их не надо учить жарить яичницу!

– Точно! Как ты верно сказал! Их ничему не надо учить. Они сами всё знают, и система настройки, точнее, подстройки работает у них намного эффективней, чем у девиц.

Из беседки мы разошлись по разным тропам в разные стороны – я в клинический корпус, а Костя отправился к своей верной «семёрке». Договорились встретиться завтра и обмыть наше дело в хорошем ресторанчике.

Оксана выкатилась на своих колёсах мне навстречу.

– Ну, наконец-то, я дождалась!

– Решали с Костей финансовые проблемы. И всё порешали, как надо. Через неделю едем в Мюнхен. Это будет наше свадебное путешествие, из которого ты вернёшься на своих ногах.

– Как-то не верится... Нашли спонсора?

– Нашли. Очень порядочного, доброго щедрого спонсора.

– Я его знаю?

– Пока нет. Но узнаешь.

– А ко мне приходили с работы. Оформляют мне пенсию по инвалидной группе... Представляешь, ты женился на пенсионерке.

– На твою пенсию мы будем покупать мороженое...

– ...и кроссовки. Будем много ходить и бегать. Если б ты знал, как мне надоели эти колёса! Любые колёса. Ты не представляешь, как это здорово – ходить. Перемещаться на своих ногах. Залезать куда хочешь – на подоконник, на дерево, лезть через забор.

– Первое, что мы сделаем – это вместе перелезем через ограду этой клиники!

***

Вечером я отправился на Сущёвский вал к Анне Станиславовне. Она легко поверила в мою версию о затянущемся ремонте квартиры. Я расположился в Оксаниной комнатке, уютной, обставленной по вкусу студентки конца XX века. Постер с Патрисией Каас, допотопный ноутбук на раскладном столике-книжке. Полка с любовными романами, среди которых я нашёл и серьёзные книги,

фоторамки с друзьями на сплаве по горным рекам. Матерчатого забавного крокодила из ИКЕИ...

Анна Станиславовна позвала меня к ужину. После замечательных блинов – вот уж точно, к теще на блины – я положил перед ней несколько увесистых долларовых пачек. У неё округлились глаза.

– Анна Станиславовна, это собрали мои друзья для того, чтобы оплатить лечение Оксаны в Германии... Надеюсь, с вашей помощью, точнее с помощью вашего банка перевести их на счёт клиники профессора Хетчера. Вот его реквизиты.

Глаза её наполнились слезами:

– Господи, неужели это и в самом деле возможно?! Какие у вас замечательные друзья! Я никак не думала, что в наше время, ещё кто-то способен принимать чужое горе, как своё...

Наутро она сделала всё, как надо. Я позвонил в Мюнхен, чтобы удостовериться. Ответил приятный женский голос на хорошем русском языке:

– Я консьерж клиники доктора Хетчера. Меня зовут Ольга. Оплата состоялась. Дайте знать, когда вы сможете приехать. Я вас встречу, отвезу в клинику и размещу.

На том и договорились.

Только теперь я поверил, что всё это не сон, не волшебная сказка. Свалившиеся с неба деньги исправно работали. Оксану поставят на ноги! Хотелось плясать, как в детстве, когда вдруг сбывались заветные мальчишеские мечты.

Первая мысль – надо поблагодарить небесные силы, которые сотворили подобное чудо. Заказать в церкви благодарственный молебен? В подобных случаях мои предки ставили храмы или часовни... А что если?.. Я позвонил Досифею и попросил его приехать ко мне в гости. Инок охотно откликнулся. Я поставил чайник, включил компьютер и пробежался по сайтам строительных фирм. Вот то, что нужно: «Дома, дачи, бани, часовни из круглого дерева...» Приехал Досифей в лёгком сером подряснике. Мы пили чай и выбирали проект часовни. Я предложил ему часовню, встроенную в небольшой жилой сруб. Она ему очень понравилась. Вот то, что нужно на Севере. По сравнению с его сгоревшей поварней это был маленький дворец. Ну, не дворец, конечно, терем, теремок с луковичей часовни.

– А как её туда доставить?

– А вот будет «северный завоз», её туда и доставят в разобранном виде. А потом быстро соберут. Я оплачу доставку и сборку.

– Ну, собрать и я смогу... – Досифей ещё не верил в реальность моего предложения. – Всё дешевле будет. Да и Едигей поможет.

– Кстати, о Едигее. Я отправлю вместе с часовой снегоход. Передадите ему. За всё хорошее, что он сделал для вас и для нас.

– Он очень достойный человек, хотя и язычник. Но обещал принять святое крещение. С удовольствием передам ему сей дар.

– Тогда и ещё одно доброе дело сделайте. Там на нашей Станции очень старый дизель-генератор. На ладан дышит. У меня есть новый. Захватите и его. На судне места хватит.

– Да вы просто благодетель! Если не против, я в честь вашего ангела Вадима Персидского часовню освящу?

– Лучше в честь покровителя вашего отца – святого Зосимы.

– Я об этом только мечтал...

– Сергей, мы живём в такой стране, где сбываются все мечты.

Досифей понимающе улыбнулся, и стал рассказывать про святого Зосиму так, как будто знал его лично.

– Зосима родился в Новгородской области. Его родина – село Толвуя, это на берегу Онежского озера. Его родители, люди весьма богатые, первоначально жили в Новгороде, а затем переселились в деревню Шунга, ближе к морю. Отец Гавриил, мать Варвара. Они воспитывали сына в христианских добродетелях и выучили грамоте. Желая сохранить чистоту душевную и телесную, отрок отказался вступить в брак. А когда родители стали настаивать на женитьбе, он покинул семью и ушёл в отшельники, нашёл приют в уединённом месте, приняв иноческий образ. Искал себе наставника и отправился ещё дальше.

– Представляю, как переживали родители. Был сын и сгинул невеста где...

– Ну, возможно, он оставил им письмо... Я так думаю. Да и связи с родным гнездом не терял. Когда умер отец, вернулся, чтобы его похоронить. Убедил мать принять пострижение в монастыре. А всё имущество родителей раздал нищим и снова вернулся в свою пустынь. По дороге встретил инока Германа, который

подвизался на Соловках, и ушёл с ним на север, на острова.

Так Зосима повстречался с иноком Германом, тем самым, который ранее жил вместе с преподобным Савватием на Соловецком острове. Преподобный Зосима весьма возрадовался духом и пожелал быть жителем того острова и приемником преподобного Савватия. Преподобные иноки приготовили всё необходимое для плавания и для жизни на пустынном острове и отправились в путь. Они благополучно достигли Соловецкого острова и избрали себе подходящее место для поселения. Согласно монастырскому преданию, это произошло в 1429 году. В день прибытия иноки соорудили себе шалаш, а затем срубили и кельи. Место же для церкви указало чудесное знамение, которого сподобился увидеть преподобный Зосима: на второе утро, выйдя из шалаша, он узрел пресветлый луч, который сиял с неба.

И Герман отправился на материк за стройматериалами, для будущего монастыря и пропал. Наступила осень, и плавание по Белому морю сделалось невозможным. Зосима зимовал на острове в одиночестве: святому пришлось пережить и голод, и бесовские наваждения. Запасы продовольствия пополнились чудесным образом, когда преподобный уже отчаялся найти себе пропитание: к нему явились некие мужи с санями, полными хлеба, муки и масла. Неведомо: рыбаки ли это были, забредшие сюда с побережья, или Божьи посланцы.

– Конечно же, божьи посланцы! – Вскричал я. – Я вчера убедился, что чудеса бывают не только в книгах!

***

Уже цвели в Сокольниках тополя, заволакивая белым пухом водосточные решётки и парапеты, а мы с Оксаной отправились на Белорусский вокзал. Отвёз нас Костя на своём новеньком белом БМВ. Рядом с ним сидела Анна Станиславовна, а мы, обнимая друг друга, замечательно устроились на заднем сиденье – мы ехали в Мюнхен. Купе я заказал двухместное, с учётом «маломобильного пассажира». На столике стояла ваза с аустомами и бутылка «Боржоми». Я ещё никогда не ездил в поездах с таким комфортом, и Оксана тоже. Но это было наше свадебное путешествие, и мы отправились в него почти

счастливые. А ведь это тоже ещё одна грань счастья, когда ты, обнимая любимую, смотришь с ней в окно на пробегающую дорогу, пролетающие березнячки и ельники, мосты и станции... Молчишь и любишь, любишь и молчишь...

***

В Мюнхене нас встретила консьерж клиники Ольга – миловидная шатенка средних лет, она отвезла нас на своём авто в клинику. Оксану сразу же отправили на осмотр, и далее в палату, а мне вручили ключ от номера в небольшом отеле при клинике. Небольшая комнатка, обставленная всем необходимым, но со спартанской простотой, была предназначена именно для гостей из России. В правом углу висела иконка св. Пантелеймона-целителя, а прикроватной тумбочке лежала Библия на русском языке, а под ней русско-немецкий словарь-разговорник. Окно выходило во двор, где под навесом стояли ставшие ненужными инвалидные коляски. Эта коллекция внушала надежду и веру в исход предстоящей операции.

Чтобы занять время, я стал перечитывать дневник немецкой радистки. Я взял его с собой, надеясь, отыскать при случае родственников Ханны и передать им тетрадь. Ксерокс всех страниц остался в Москве. Поразмыслив, я удалил из тетради кальку места, где должно быть найдены серебристые «опилки». Я ещё раз внимательно изучил её. Непонятны были цифры и не очень разборчивые знаки в нижнем углу карты, нанесённые рукой радистки: «30 sinnter Hín». Слово «sinnter» словарь толковал как «агломерат», «окалина». Металлургический термин «агломерат» вполне подходил по контексту, видимо, «опилки» были не сами по себе, а обогащённой рудой «оксанинта». А что такое «hín»? Внимательно взглядевшись в полустёртые карандашные буквы, я вдруг обнаружил, что начальная цифра «30» вовсе не цифра, а две литеры «Z» и «o». «Z» была написана столь нечётко, что её можно было принять за «тройку».

Что означало это «Zo»? Открыл словарь, но не нашёл такого слова. И второе: в середине слова «sinnter» буква «n» была вовсе не «n», а «m». Так что «агломерат» никак не проходил. «Zo sim»... Что за слово такое? И вдруг, как лучом прожгло: «Зосим!» Это же имя! Возможно, имя того геолога, который нашёл и

собрал мешочек с редкой землёй, редчайшим металлом. Имя отца инока Досифея? А «ter Hín»? Фамилия? Странная фамилия... Странно и то, что я никогда не интересовался фамилией отшельника.

Я позвонил Досифею. Тот отозвался из Мурманска, и с радостью сообщил, что весь строительный комплект часовни, а также снегоход и дизель-генератор уже погружены на ледокол «Арктика», который отправляется завтра в очередной рейс «северного завоза». Всё это было замечательно.

– Сергей, хочу отправить тебе кое-что бандеролью. На какую фамилию посылать?

– На мою. Терёхин я.

Меня снова бросило в жар: ведь «ter Hín» – это и есть фамилия «Терёхин» с пропавшим, полустёртым «е» посерединке. Ну, да, конечно же – Зосим Терёхин. Отец Досифея открыл этот минерал, наткнулся на немцев и был расстрелян. Выходит, я видел на Окатыше его череп? Там его последний привал, и так верно легла карта, что в его память будет поставлена там часовня во имя святого Зосимы. От своего открытия я был на седьмом небе. Но тут позволила Ольга и спустила меня на землю.

– Операцию назначили завтра в два часа дня... Представляю, как тягостно будет тянуться для вас время – по себе знаю! – поэтому могу вас провезти по Мюнхену, показать достопримечательности.

– Спасибо! Но, честно говоря, мне не до развлечений... Тут молиться надо. Молебен во здравие заказать... В Мюнхене есть православная церковь?

– Я знаю храм Архангела Михаила. Но он сейчас на ремонте.

– А где ещё может быть?

– Наверное, в Берлине... Но это не ближний свет. Хотите в Берлин? Бензин ваш, колёса мои...

– Идёт!

В Берлин меня влёк не только храм. Я хотел заглянуть по адресу немецкой радистки Ханны. Что если живы её родственники? Вдруг откроется что-то новое в этой давней истории?

Утром по великолепной автостраде Мюнхен-Берлин, мы понеслись в столицу. Ольга мастерски гнала свой «ауди», обгоняя местных «шумахеров».

– Как вы оказались в Германии?

– Всё предельно просто: москвич-

ка вышла замуж за врача из Мюнхена.

– А язык?

– Когда живёшь среди носителей языка, выучить его не столь сложно. Тем более, я немецкий ещё в институте учила.

Заправились в Нюрнберге, и к обеду уже въезжали в Вайсензее, бывший ГДР-овский сектор Берлина. Навигатор привёл нас на рабочую окраину – улицу Тасоштрассе, у дома № 5 мы остановились. Это был кирпичная пятиэтажка явно довоенной постройки: массивные угловые балконы, фальшэркеры, окна под готику... С волнением поднимался я по каменной лестнице, нуждавшейся в хорошем ремонте. Ну, вот и та дверь, за которой жила радистка Ханна. Звонок. Пожилая женщина с бесцветным унылым лицом, в таком же бесцветном домашнем халате долго не могла понять, о чём толкует ей Ольга. Она позвала на помощь некую Диту, видимо, дочь. Плотная девица, облачённая в джинсовый костюм, выслушала Ольгу с большим разумением и впустила нас в прихожую. Здесь разговор продолжился. Обе женщины, услышав имя Ханны, скорбно приподняли брови, их лица приняли одно и то же выражение – печали и некой опаски. Их очень смущало то, что к Ханне проявил интерес человек из России. Не из КГБ ли он? Они с превеликой осторожностью и всё той же опаской приняли от меня чёрную тетрадь радистки, тут до них что-то дошло, и нас, наконец-то, провели в комнату – нечто вроде кухни-столовой-гостиной. Настенная фаянсовая кофемолка была явно из того давним-давно ушедшего времени, в котором обрелась бывшая хозяйка этой квартиры. И все эти фарфоровые собачки и котики на полочках и в нишах дубового буфета-мастодонта, и эти плакетки с ангелочками тоже из тех перечёркнутых крест-накрест времён. Хозяйка дома принесла нам огромный плюшевый альбом и стала искать в нём какие-то фото.

– Ханна, Ханна... Я помню её... Мне было пять лет... – Переводила Ольга её отрывочное бормотание. – Она была очень сильная... И весёлая... И смелая... Она даже прыгала с парашютом... Но ей никогда не везло с мужчинами...

Марта, так назвалась племянница радистки, нашла всемогущий снимок: на одном из них 16-летняя

Ханна, коротко стриженная, в белой блузке при чёрном галстуке, с эмблемой союза германских девушек; на другой она же, но постарше, в компании спортивных девиц, навалившихся грудью на берёзовые перила мостика, и посылавших фотографу белозубые улыбки.

Разумеется, ничего в лице её не напоминало, да и не могло напоминать, оскал той мумии, которую я видел на Окатыше.

Мы вошли в доверие настолько, что Дита налила нам по чашечке кофе, быть может, того самого, о котором грезил Ханна на своём острове. Я спросил о телефонах, помеченных в тетради – Леона и Бруно. Обе женщины вчитались в цифры и в один голос заявили, что это вовсе не берлинские телефоны, и что таких людей они не знают. Я тоже ещё раз взгляделся в номера, и цифры показались мне знакомыми. Да это же широта и долгота с градусами, минутами и секундами! Я чуть не вскрикнул – да это же наша Станция на широте 77 градусов расположена! А 114 – долгота места с минутами и секундами. И всё это записано для маскировки, как телефон мифических Леона и Бруно. По первым буквам их имён: Leon – Lange – «долгота», Bruno – Briete – «широта». Бьюсь об заклад: это Анхен Глянц подсказала мне разгадку за то, что я передал её тетрадь в руки родственников! «Господь награждает того, кто передаст эту тетрадь моей сестре...» Как бы там ни было, но мне не терпелось добраться до карты и отыскать эту точку...

Тем временем Ольга позвонила в клинику: операция прошла успешно, Оксана в реанимации. С души свалился тяжёлый камень! Мы распрощались и помчались в Мюнхен.

***

Оксану выписали через неделю. Она стояла на ногах, ни на что не опираясь! Она даже могла слегка переставлять их.

– Вам теперь придётся заново учиться ходить. – Перевела Ольга слова профессора. – Он предлагает пройти реабилитацию здесь. Но это очень дорого. Лучше поезжайте в Крым. Там её проведут не хуже. Самое сложное – позади.

Учиться ходить мы начали в тот же день. Ограничений не было. Чем больше движений, тем лучше. И Оксана, не щадя себя, шагала метр за метром... Я шёл рядом веря и не

веря в чудо. Досадно было лишь от одной мысли: немецкие врачи смогли это сделать, а наши... Может быть, не захотели бесплатно? Всё равно обидно – они нам за геолога Терёхина и расстреляного шамана по гроб жизни должны. А тут такие деньжищи надо отваливать...

А Оксана улыбалась, закусив губы, и делала шаг за шагом...

***

В Москве Анна Станиславовна встретила нас со слезами на глазах – слезами радости за дочь и слезами обиды за свой банк. Дефолт! По Москве гуляло новое иноземное слово, но более понятным было «чёрная пятница». Все проклинали премьера Кириенко Сергея Владиленовича, в правление которого вдруг рухнули финансы страны. В один день испарилась и вклады Анны Станиславовны, и мои тоже, вложенные в такой надёжный, казалось бы банк. Ах, Владиленович, мать твою! Вот уж точно – «кин-дер-сюрприз»...

Несмотря ни на что, с остатками уцелевших в портмоне денег, мы отправились в Ялту на реабилитацию под присмотром врачей. Утешало лишь то, что я успел вложить часть денег в достойные дела... Успел отдать долг Григу, поставить на Окатыше часовню и поднять Оксану на ноги. Как говорится, слава Богу за всё!

Из всех моих знакомых устоял в «чёрную пятницу» лишь Костя Чечеров. По природной безалаберности он не успел открыть банковский счёт. И все «баксы» его уцелели. Я рассказал ему о расшифровке координат, о геологе Зосиме Терёхине, который открыл месторождение «оксания», и Костя тут же воспылал идеей снарядить экспедицию на Окатыш.

– Поедешь со мной?

– А то! Но только вместе с Оксаной.

– А я сделал предложение Анне Станиславовне.

Я так и сел:

– Так ты теперь будешь моим тестем?!

Мы оба захохотали. Ну, и хрен с ним, с дефолтом. Прорвёмся!

МОСКВА – АМДЕРМА –
ВАРАНДЕЙ – МЮНХЕН
1999 – 2019 гг.

Начальницы Чукотки

Чукотка – совершенно особый регион России. Это самый что ни на есть Север. Тот самый, с большой буквы – Север. До сих пор овеянный романтическим и загадочным ореолом – и не только для тех, кто ни разу там не бывал, но, пожалуй, и для тех, кто прожил там значительную часть жизни, а порой и для тех, кто родился в яранге и может по праву называть себя представителем коренного населения. Эта мифологичность сознания отличает жителей Чукотки, и, думается, помогает жить и трудиться на самом отдалённом краешке не только нашей страны, но и всей Евразии.

Поэтому неслучайно Светлана Нехорошева, режиссёр документального фильма «Начальницы Чукотки», презентация которого состоялась 27 марта в Московском доме национальностей, сделала связующим звеном чукотскую легенду. Миф о девушке, которая создала всё – и нерп, и моржей, и китов, и оленей, и жилища, и самих первых людей. И неслучайно – легенда о девушке, о женщине.

Фильм рассказывает о так называемых «золотых годах» Чукотки, когда на руководящих постах в округе находились женщины-чукчанки – с 1961 по 1990 год. «У нас говорят, не тот мужчина силён, который силён физически, а тот, у кого жена сильная», – такие слова произносит глава родовой общины Зоя Сопка буквально в самом начале фильма. Об этих-то сильных женщинах, об этих «начальницах Чукотки», настоящих северянках, по-человечески, выделяя самые яркие события их жизни, и рассказывает документальная картина. Это Анна Дмитриевна Нутэтэгринэ, первая женщина-чукчанка, избранная депутатом Верховного Совета СССР и руководившая Чукоткой с 1961 по 1969 год. Это Лина Григорьевна Тынель, которая председательствовала в окружном

исполкоме с 1970 по 1980 год. И, конечно, принявшая у неё эстафету, и при этом избранная депутатом Верховного Совета, Надежда Павловна Отке, которая проработала в должности «начальницы Чукотки» вплоть до 1990 года.

Анна Ивановна Отке, член Совета Федерации от Чукотского АО, президент региональной общественной организации «Ассоциация коренных малочисленных народов Чукотки», при поддержке которой создавался фильм, выступая со вступительным словом перед показом, рассказала о том, почему был выбран именно этот период истории Чукотки:

«Когда Светлана Нехорошева обратилась в нашу Ассоциацию с предложением снять об истории Чукотки документальный фильм, мы стали думать: а что же было бы интересно северянам? Какой период вре-

мени так много значит для всех нас, и при этом недостаточно освещён? И мы практически сразу же решили – это три десятилетия – 60-е, 70-е, 80-е. Это время энтузиазма, это время трудовых подвигов, это освоение Севера, развитие нашего края, время, когда люди с горячим сердцем приезжали на Север и оставались там навсегда».

И действительно, невозможно не влюбиться в культуру чукотского народа, когда слышишь призывные удары бубна и шаманское, то нежное, то хтоническое многоголосье в исполнении молодой чукчанки Олит Тевлянаут, которая «околдовала» зрителей ещё до показа. К слову, именно она играла в фильме ту самую девушку-создательницу.

«Для меня съёмки этого фильма – это, как рождение ребёнка, конечно же», – призналась собравшимся Светлана Нехорошева. И ей охотно веришь – видно, сколько сил было вложено, с какой любовью создавалась эта кинолента.

После показа мне удалось пообщаться с одной из героинь фильма – Надеждой Павловной Отке.

– Когда Вы работали на Чукотке, какие проблемы были основными, животрепещущими?

– Естественно, экономическое развитие региона, социальные вопросы. Конечно, и широкое развитие промышленности, сельского хозяйства, которое включало такие традиционные его отрасли как промысел морзверя, оленеводство.

Перед нами даже ставили задачу – создать на Чукотке «миллионное» стадо оленей. Этого не случилось, к сожалению, но будем надеяться, это ещё в будущем!

– А сейчас, что, на Ваш взгляд, самое важное?

– Я всегда говорю, и повторю сейчас. Развитие автономного округа без учёта интересов коренных народов Севера, их занятости, развития социальной инфраструктуры, поддержки культуры малых народов непредставимо. Это главное, в этом направлении надо продолжать работать.

– 2019 год объявлен ЮНЕСКО годом языков. Какие сейчас существуют проблемы в деле сохранения языковой идентичности чукчей? И как это решается?

– У нас много активистов, добровольцев, которые очень старательно и внимательно пытаются сейчас решать вопросы родных языков. Но очень жалко, что ухудшилась подготовка кадров – преподавателей родного языка. Сокращаются часы, отведённые на изучение родного языка в школах. Это неправильно. Сейчас необходимо эти вопросы поднимать и решать.

– Ваш отец был «начальником Чукотки» больше сорока лет – с 1913 по 1955 год. Какие вопросы для него были наиболее важными, чего он добивался в первую очередь?

– О, тогда были совсем другие вопросы. Очень остро стояли вопросы связи, транспортного развития,

конечно. Тогда же никакого сообщения с «материком» кроме как по воде и не было почти. Раз в год приходил пароход, который привозил ген. груз. Всё было очень сложно – это ведь система жизнеобеспечения. Вот был момент, например. Ледовая обстановка в Анадыре плохая, по лиману невозможно пройти. И корабли с ген. грузом попытались уйти. Руководители тогда позвонили отцу, а он был в это время в Москве, и стали просить его помочь – не отпустить пароходы. И он кому-то позвонил, ещё что-то сделал, и вопрос был решён – ген. груз получен. Понимаете, это ведь жизнь!

– Да, Ваш отец легендарная личность для Чукотки. С его биографией связано очень и очень многое. Вот говорят, например, что он ушёл к «верхним людям» слишком рано, что кто-то поспособствовал этому...

– Нет, я так не думаю. Просто у него было слабое сердце, и вот как результат – кровоизлияние.

– Можно сказать, сгорел на работе...

– Он как раз уже ушёл с поста на тот момент – работал в редакции газеты «Советская Чукотка». Может, и это сказалось на его здоровье, кто знает. Он работал самоотверженно, целиком отдавался делу на своём посту...

О Чукотке современной я побеседовал с Анной Ивановной Отке.

– В фильме освещены пробле-

мы советского периода, а Вы представляете Чукотку современной. Скажите, какие сейчас существуют основные «болевые точки» Арктики и Чукотки, в частности. Каковы пути решения?

– Конечно же, Арктика, Север, это такие регионы, где существуют огромные трудности и для освоения, и для жизни. Но две самые главные проблемы, которые характерны для всех регионов Севера в настоящий момент – это, прежде всего, транспорт и энергообеспечение. Это две жизнеобеспечивающих отрасли, проблемы которых мы решаем уже в течение многих десятилетий. Как и во многих регионах Севера, в Чукотском АО связь между различными населёнными пунктами осуществляется исключительно с помощью авиасообщения. Отдалённость, труднодоступность, отсутствие собственно дорог – всё это влияет на то, что люди, зачастую, испытывают нужду в различных необходимых для жизни вещах – не хватает продуктов, медикаментов. Вторая проблема – энергетика. Её развитие – это очень важно, но при этом и очень дорого. Пожалуй, эти две проблемы и есть основные «болевые точки».

– А проблемы малочисленных народов, потеря собственной идентичности?

– Да, такая проблема есть. Этому способствовала смена образа жизни и тот факт, что люди устремились в

города, численность малых селений падает.

– А как сохранить в таком случае культуру?

– Вы знаете, 2019 год генеральная ассамблея ООН утвердила годом языков, и это было сделано, в том числе, чтобы решать проблемы идентичности, сохранения культурного наследия, это ведь общемировая проблема уже. Также принята большая программа на уровне Правительства РФ, где каждому региону уделено внимание. Если говорить о Чукотке, то, прежде всего, это сохранение традиционных отраслей хозяйства. Оленеводство и морской промысел. Это те отрасли, которые вошли в стратегию развития Чукотского АО от 2008 года. Тогда у нас был выбор: либо исключительно промышленный путь развития, либо законсервированный национальный, но было принято компромиссное решение – сочетать промышленное освоение, недропользование и дальнейшее развитие традиционных отраслей хозяйства.

– Транспортные и энергетические проблемы как сейчас решаются? Какие есть инициативы?

– Мы очень большую надежду возлагаем на строительство автомобильных дорог. Например, федеральной трассы Колыма – Анадырь, которая свяжет Чукотку с Магаданской областью, а значит – со всей Россией. Однако в виду огром-

ных расстояний важнейшим видом транспорта для нашего региона был и остаётся авиатранспорт.

– А энергетика? Билибинская АЭС сейчас действует?

– Действует, но в настоящий момент она в стадии завершения своей выработки. Сейчас рассматривается вариант создания «мини» атомной станции, поскольку очень много промышленных объектов около Билибино, для развития которых необходима энергия в достаточном количестве.

– Что Вы можете сказать об альтернативной энергетике на полуострове?

– Мы рассматриваем как перспективные возможности ветряных электростанций, у нас есть опыт по развитию солнечной энергетике. Сейчас в некоторых оленеводческих бригадах установлены солнечные батареи. Мы анализируем этот опыт. Специалисты считают, что Чукотка очень хороший регион для развития солнечной энергетике. И потом, для труднодоступных регионов очень важно иметь автономные источники энергии.

– Спасибо. Будем надеяться, что в ближайшем будущем многие проблемы Чукотки останутся в прошлом, и мы будем вспоминать о них только за просмотром документальных фильмов.

Иван КОРОТКОВ

Олег МОШНИКОВ

ПЕТРОВСКИЕ ИСТОКИ

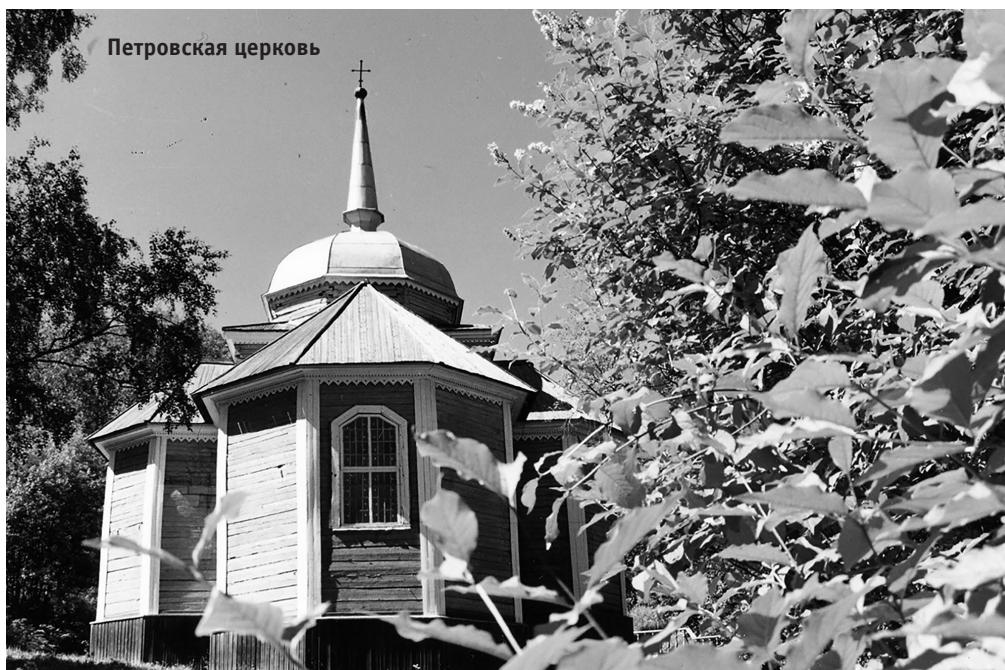
Царь Петр на Марсовых водах.
Картина Бориса Акбулатова

Карельские Петровские места – Марциальные воды... Церковь апостола Петра, выполненная по чертежам Царя, – тонкими шпилями новоманерных куполов напоминает пришвартованный в карельской тайге «Небесный корабль». Озеро Габозеро – природное хранилище донной лечебной грязи. Четыре железистых родника – исцеляющие обывателей от различных недугов. Трёхсотлетняя Петровская сосна. Отрада сердца – смешанный безбрежный лес. Всё здесь дышит

русской историей и живительной лесной тишиной...

Три века минуло со времени открытия родника на Равболоте обельным крестьянином Иваном Ребоевым. Заинтересованный в промысле минеральных вод на территории Империи Пётр Великий четырежды приезжал на курорт «Марциальные воды». Название «Марсова» или «Марциальная» вода была выбрана Петром из-за богатства целебных источников активным железом, а кто, как не покровитель одного минерала – бог войны Марс – должен властвовать в этих болотистых местах... Зело помогала царю сия водица, так что при большой занятости и необъятных масштабах Империи жаловал он неоднократно Карелию своей высокой персоной.

«Понеже оныя воды исцеляют различныя жестокия болезни, а именно: цинготную, ипохондрию, желчь, бессильство желудка, рвоту, почечуйную, каменную, ежели песок или малые камни...» Так звучат первые строки из Доктурских правил, утверждённых Высочайшим указом императора Петра I от 20 марта 1719 года. Хорошо известно, что царь Пётр считал воду родника на Равболоте целебнее вод знаменитых западноевропейских курортов Пармонт и Спа, на которых некогда лечился русский император. Сообразно поставленным целям и государственным задачам, не выезжая далеко от Санкт-Петербурга, пользовался Пётр Олонецкими водами, избавляясь от

Петровская церковь

телесных недугов, прикипая душой к Северному краю... Земля Карелии, земля Калевалы, славится своей непроходимой, богатой зверем, птицей, ягодами и грибами северной тайгой, бесчисленными голубыми озёрами, древними скалами и чистым лесным воздухом. Всё это вместе – история, природа, чудодейственные свойства марциальной воды – создают необыкновенный симбиоз жизни, счастья и здоровья.

Белоснежно, по-царски верховодит март – месяц, ставший свидетелем зарождения Первого российского курорта, как и триста лет назад – обновляется по весне чудодейственная железистая вода, укрепляющая здоровье простых рабочих людей... Хорошо на водах Марциальных! Хорошо снежной зимой и звонким комариным летом. Хорошо и поздней осенью, когда остывает солнце, и ватную сонную траву сковывает иней. Ещё не подул стылый северный ветер, не намёл непролазные сугробы, не укрыл белой шубой заиндевевшую позолоту. Бело-зелёное кружево обрамляет шуршащую, накрахмаленную инеем тропинку. Будто сама Земля, белолицая невеста, протягивает украшенный дивным подзором рушник могучему великану – триобхватному сосновому кряжу. Тёплая червлёная кора – кольчуга древнерусского воина. Красные бугристые сапоги. Облитый солнцем богатырский шелом. Ветви, как заткнутые за пояс ножи. Поднята на плечо тяжёлая палица. Плащ – сверкающей смоляной лавиной – стекает в распадок с журчащим ручьём. Тихо на сердце. Тихо в природе. Спит за зелёным косогором северный ветер. Дышит спокойствием и силой Петровская сосна.

Осенью, когда умирают листья, холодят сумерки и согревают краски, настаиваются настоящие чувства. В эту пору они по-особенному жгутся, не рана кожи, не жалея горла. В эту пору обостряется ощущение уходящей жизни... В распахнутую форточку врывается лесной осенний воздух. Холодит кожу, пощипывает легко вздымающуюся грудь настой прелой листвы, грибных урочищ, сырого тумана, горьких болотных трав... Леса, озёра, скалы, мшистые болота наполнены стрёкотом и уханьем жизни, любовью, вросших корнями в трудную карельскую землю, людей и

растений. Живое, восторженное, трепещущее существо окатывает сладкими запахами всех четырёх времён года: брызгами вспененной белой черёмухи, всполохами тёмного грозового озера, бирюзовыми переливами росного луга, посвистом северного ветра, тонкими белыми кружевами заиндевевших крон, отдаваясь в каждом вдохе, шелесте, слове – ощущением родины... Времена года на Марциальных водах – ерошат быстрые и неспешные времена жизни...

Налетевший северный ветер разыгрался, как ребёнок, с прошлогодней листвой! В едва проклюнувшейся траве прыгают яркие алые мячики – снегири. Засмотревшись на них, забыл о своей

игре ветер, уронил листья в бурный ручей. Выпятил губы, захныкал, закружился в обиде на глухих птиц и дунул, что есть силы, в самую снегириную стаю. Полетели в белое небо лёгкие юркие пташки... Стоит на своём карельский март – по-прежнему звенят утренние морозы, сыплются мокрые снежинки. Обиделся на нашу землю северный ветер. Чудак! Играть с юной липкой листвой, трепать первоцвет не менее интересно, чем студить лужи и поднимать в небо снегирей. Осади! Не гони на солнце снежные тучи! Дай земле проснуться, дай расправить крылья-паруса новоманерной церкви – Небесному Петровскому кораблю...

ЦЕРКОВЬ-ФРЕГАТ

*Вестимо Империя ходит под Богом:
На ботике царском, сквозь дым канонад!
В Петровское время, к небесным истокам –
Плывёт деревянная церковь-фрегат...*

*Се царь – не Апостол – недужный, печальный
В турецком походе почуял беду:
Есть в землях карельских родник марциальный –
По этой воде от напастей уйду!*

*Испил он водицы, силёнку утроил;
Исполнился Пётр благолепьем лесным! –
По меркам фрегатовым церковь построил:
На звоннице – мостик, на мачтах – кресты.*

*Без воли державной, надёжного флота
Дремучесть российскую не обороть:
Застрянет в истории скит на болотах,
А к рынде над палубой – ближе Господь...*

*Латая веков растрепавшихся замять,
Над чащами парус поднимет декабрь:
Заботой потомков – России на память
Остался Небесный Петровский Корабль.*

Значимость в российской истории Петра Великого огромна. О свершениях первого императора мы будем помнить и говорить не одно столетие. И нам на окраинных Габозерских болотах посчастливилось стать свидетелями «славных Петровских дел». На диво простому люду и культурной водной публике стоит на Марсовых водах храм Апостола Петра, а к пользе великой – вращает недуги лесной бальнеологического санаторий «Марциальные воды».

г. ПЕТРОЗАВОДСК

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

50232 "Литературная Россия"
47303 "Мир Севера"

П3293 "Литературная Россия"
П5980 "Мир Севера"

на 2 полугодие 2019 года

Уважаемые читатели,
у вас появилась возможность
приобрести свежий номер журнала
в интернет-магазине Библиоглобус
www.bgshop.ru.

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

**Мы предлагаем большой
выбор товаров и услуг**

Ассортимент

- Книги
- Аудиокниги
- Антиквариат и предметы коллекционирования
- Фильмы, музыка, игры, софт
- Канцелярские и офисные товары
- Цветы
- Сувениры

Услуги

- Интернет-магазин www.bgshop.ru
- Кафе
- Клубные (дисконтные) карты и акции
- Подарочные карты
- Предварительные заказы на книги
- Встречи с авторами
- Читательские клубы по интересам
- Индивидуальное обслуживание
- Подарочная упаковка
- Доставка книг из-за рубежа
- Выставки-продажи

г. Москва
м. Лубянка, м. Китай-Город
ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1

8 (495) 781-19-00
www.biblio-globus.ru

Пн.-Пт. 9:00-22:00
Сб.-Вс. 10:00-21:00
Без перерыва на обед